23/I-14

Индекс: 73325
Цена по подписке 2 руб.
В розницу — договорная

Фото Ашота Арутюнова и Юрия Козырева

РОДИНА

10—1992

ISSN 0235—7089

В МУЗЕЙНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ

Н.Хрущев
Л.Брежнев
В.Молотов
К.Черненко
Ю.Андропов
А.Кириленко
М.Суслов
М.Горбачев
А.ГРЕЧКО
В.Ивашко
Е.Лигачев
А.Яковлев
И.Полозков
(В.Павлов)
Н.Рыжков
Э.ШЕВАРДНАДЗЕ
А.Лукьянов
А.Добрынин
Г.Семенова
В.Долгих
Л. Зайков
Е.Строев
В.Чебриков
В.Никонов
О.Шенин
П.Лучинский
А.Дзасохов
В.Купцов
В.Медведев
А.Гиренко
О.Бакланов
Ю.Манаенков
Г.Разумовский
В.Фалин
И.Фролов
Н.Кручина

Секреты Великого Устюга

Триста лет назад, проезжая по русскому северу к заветной Московии, барон Августин Майерберг обратил внимание на протекающую в окрестностях города Устюга речку Двину, которая, впадая в Северный океан, никогда не приходила туда без ноши на своем хребте, потому что вечно была завалена перевозкой. Взамен воловьих шкур, собольих мехов, льняного сала и осетровой икры Двина забирала у англичан и голландцев разные благословенные вещества: сахар, шафран, соленые сельди, мальвазию, испанские и французские вина, голландское полотно, зеркала, сабли, пистолеты, пушки, медь, атлас, бумажные и шелковые чулки, жемчуг, алмазы, рубины, наконец, огромное количество золотых и серебряных денег и отвозила это вверх, к Вологде, а потом, по зимней дороге, в Москву...

Взглянешь на сегодняшний Устюг, сумевший сохранить, в отличие, скажем, от Ростова, городое второе имя — Великий — и не поверишь, что именно через него протекал весь этот сказочный поток товаров: так тихо и спокойно стоит древний город у слияния Сухоны и Юга. Впрочем, спокойствие и тишина эти — не от провинциальной скромности, как может показаться современному путешественнику, а от сознания собственного достоинства, подтвержденного веками русской истории. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть устюжские летописи, которыми был богат этот притаившийся вдали от железнодорожных путей город.

Действительно, у Великого Устюга нет тайн. Все события своей жизни, важные и не очень, аккуратно фиксировались то дьяконом Федором

Фото Ашота Арутюнова и Юрия Козырева

зом, то городским головой Брагиным. Дата — событие, дата — событие — словно раскраивая лист надвое, великоустюжский летописец старательно упорядочивал историю, греша порой, как нам сейчас кажется, излишней монотонностью повествования. Факты разных лет порой слово в слово повторяют друг друга, а жизнь самого города точно и вовсе не меняется — стоит на месте. Краткая запись об уличной драке соседствует в летописи с сообщением об изобретении пороха, известие же о низком урожае сена или об очередном наводнении по важности ничуть не уступает сообщению о февральской революции или об открытии Америки. Хронографическая бесстрастность уравнивает в правах отдаленные и, казалось бы, вовсе не сочетаемые друг с другом события, которые «записываются» в памяти города словно бы через запятую:

1902. *Урожай сена ниже среднего.*

1915. *Война тяжело отозвалась на жизни особенно неимущего и рабочего класса мещан, но, с другой стороны, запрещение продажи крепких напитков подняло благосостояние некоторых из них, в*

2365

особенности тех, где главы семейства предавались пагубной страсти пьянства.

<u>1917. 4 марта.</u> Как гром среди ясного неба, внезапно разнеслась весть о государственном перевороте. Это важное событие в жизни родины было встречено жителями неодинаково: в то время, как одни торжествовали, были радостны, другие были в подавленном, угнетенном состоянии, ожидали чего-то худого. Но слава богу, все обошлось благополучно, и скоро наш город зажил прежней спокойной жизнью.

В самом деле, спокойствие и неторопливость — едва ли не главные приметы устюжского характера. Жителям этого города издавна претило суетиться и пороть горячку. Подобно тому, как в мартовские дни 1917-го они не торопились с решениями, не спешат и сегодняшние горожане — ни возвращать «коммунистическим» улицам прежние имена, ни убирать с глаз долой памятник Ленину, попирающему земной шар в аккурат у входа на местную щетинно-щеточную фабрику (кстати, бывший женский монастырь).

И все же, есть у этого города с удивительно искренним, хотя и «застенчивым» летописанием, одна знаменитая тайна: секрет устюжской черни, получившей здесь особую чистоту и прочность. В прошлом веке мастер серебряник Кошков демонстрировал эту прочность пред великим князем Владимиром Александровичем, когда тот приезжал в Устюг. Вот что рассказывает об этом событии местный краевед В. П. Шляпин:

«Принес он пробу — серебряную пластинку в вершок длины и 1/2 вершка ширины. На пластинке был рисунок, покрытый чернью. В присутствии князя Кошков стал молотком ударять по этой пластинке и половину ее расплющил так, что она удвоилась, причем равномерно же стал вдвое больше и рисунок, покрытый чернью, и чернь не попортилась нисколько, а вместе с пластинкой раздались во все стороны равномерно и от пластинки ни малейшая частица черни не отпала».

Не будем гадать, выдержат ли серебряные изделия нынешних устюжских мастеров подобные экзекуции. Впрочем, как бы там ни было, наверняка известно, что ушла навсегда традиция о т н о ш е н и я к ремеслу, к мастерству. В конце концов дело ведь не в одной лишь тайне соотношения серебра, свинца, красной меди, нашатыря и серы, но и в том, что старые мастера настолько сознавали важность каждой детали процесса и трудность самого производства, что прежде чем приступить к приготовлению черни, предварительно постились.

Не в утрате ли внутреннего достоинства все наши несчастья?

511 797 594

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10—1992

Выходит с января 1989 г.

Издательство «Русская книга»

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛИДАРИСТЫ

НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ О СВОЕМ ПРОШЛОМ, ЗАДАЧАХ, ИДЕОЛОГИИ

Мы — не партия сегодняшнего дня. Мы — не партия перестройки. Крушение режима в той мере, в какой оно произошло, было осуществлено силами самого же режима. Мы помогли этому процессу. Но сломить эту власть могли только люди из этой власти. И сейчас наступил переходный период. Пройдет время, прежде чем выдвинутся люди следующего поколения, родившиеся после 1970 года. Кто-то поторопился сказать, что НТС опоздал на поезд. Ни на какой поезд мы не опаздывали. Поезд наш еще не отправлялся в путь. А то, что мы не сидим в Верховном Совете России, так мы к этому и не стремились. В переходных структурах мы участвовать не хотим...

БОРИС ПУШКАРЕВ,
Председатель Исполнительного Бюро НТС

ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ
FREE RUSSIA FUND
FREIES-RUSSLAND-FONDS
FONDS DE LA RUSSIE LIBRE
ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ 5к. Ю.М.Даниэль
ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ 10к. М.А.Нарица
ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ 15к. В.Я.Тарсис
ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ 20к. А.Д.Синявский
ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ 50к. А.С.Есенин-Вольпин
ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ 1р. Б.Л.Пастернак

«В твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учетом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого» 14 представителей «организаций национально мыслящей молодежи» российского Зарубежья из Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии и Голландии собрались 1 июля 1930 года в Белграде, чтобы основать Национальный Союз Русской Молодежи. В него вскоре вошли отделы в Польше, Бельгии, на Дальнем Востоке и группы в Прибалтике. Был принят Устав, учрежден Совет Союза и его Исполнительное Бюро. Это было началом НТС...

По ту сторону правого и левого

Крушение недолгого «морально-политического единства» способствовало поражению Белого движения, и вопрос «кто виноват?» был увезен эмиграцией за границу, где вызвал 35 лет бесплодных препирательств и психологию пессимистического антикоммунизма: «Все равно ничего не сделаешь». Выбор был прост: замкнутый круг «Зарубежной Руси» или ассимиляция среди иностранцев.

Деятельную часть молодежи, сохранившую верность России, такой выбор не устраивал: «Ждать нечего. От эмигрантской пустоты, безволия и лицемерия, от обывательского прозябания, от бесплодных споров, от позорного равнодушия к основному вопросу нашего национального бытия — мы зовем к борьбе за Россию!» (Газета «За Россию», май 1934). От старшего поколения, разделенного на «правых» и «левых», надо было отгородиться: второй съезд НТС (тогда еще НСНП — Национальный Союз Нового Поколения) в 1931 году ввел возрастное ограничение — принимать в Союз только родившихся после 1895 года: Молодежь отвечает за Россию! Мы не справа, не слева — мы впереди!

Активисты нового поколения считали (и эта тема настойчиво звучит во всей литературе НТС на протяжении 35 лет, пока было с кем спорить), что Россия может добиться освобождения лишь собственными силами, что не дадут нам его ни правящая партия, ни иностранная интервенция. Поэтому на втором съезде Союза в декабре 1931 года было решено идти против течения и сделать ставку на Национальную Революцию. Ту самую, которая происходит сегодня.

Такое решение подсказывало время. Индустриализация и коллективизация были последними революционными актами коммунистической власти. После XVI съезда ВКП(б) власть стала охранительной, а не революционной. В стране произошли такие коренные перемены, что говорить о каком-либо возврате к прошлому, о реставрации, стало бессмысленным. Нет, не контрреволюция, а новая революция: мы не назад, мы вперед!

В 1931—35 годах развивается работа звеньев, семинаров, курсов, устраиваются доклады, в 1932 году в Софии начинает выходить ежемесячная (позже двухнедельная) газета Союза «За Россию» (тираж третьего номера — 2000 экземпляров). В других газетах («Россия и Славянство» в Париже, «Российский Вестник», потом «Часовой» в Брюсселе, «За Свободу» в Варшаве, «Слово» в Харбине, «Русский Голос» в Белграде) появляются специальные страницы Союза, пишется конспект «Национально-политической подготовки» (Курс НПП) и другие пособия для того, чтобы члены Союза могли «работать над собой» и «внутренне расти». Изучается история России и история борьбы с большевизмом, советская действительность и критика марксизма, западная демократия и различные варианты фашизма, либералистическая экономика и реформы Франклина Д. Рузвельта, русская философия и западная политическая теория. Так зреет понятие солидаризма.

Как могла организация, насчитывавшая накануне второй мировой войны во всех 17 странах, где она существовала, лишь от одной до двух тысяч человек (от 0,1 до 0,2 процента всех русских, включая меньшинства, живших тогда за пределами СССР), пытаться изменить судьбу государства с мощнейшим карательным аппаратом? Очевидно, лишь своим качественным отличием от коммунистов — *силой* своей идеи. Но проповедь идеи бесплодна без личного примера и личной жертвы: только «через своих подвижников и волевые усилия выдающихся личностей» идеи «проникают в толщи народные и приводят в движение массы».

Лицом к России

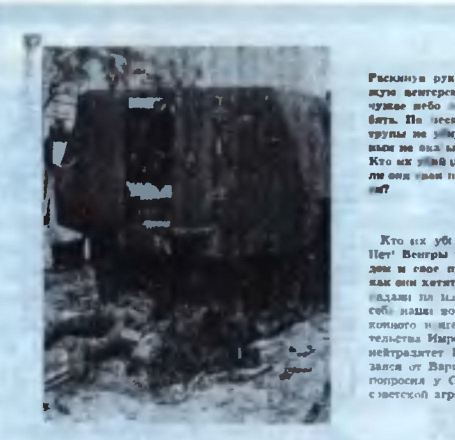
Настроения пассивного ожидания хотя и преобладали в эмиграции, но не были единственными. Отдельные эмигранты шли на террористические акты: в 1923 году в Лозанне Конради и Полунин убили полпреда Воровского. Суд над ними превратился в суд над коммунистической диктатурой, их оправдали. В 1927 году 19-летний Борис Коверда в Варшаве убил полпреда Войкова. Для борьбы на советской территории в 1921 году было создано Братство Русской Правды (БРП); оно поддерживало партизанскую деятельность главным образом в Белоруссии. В 1927 году, в ответ на раскрытие провокации «Треста», Российский Обще-Воинский Союз (РОВС) — организация белых офицеров — готовил несколько покушений на советской территории, чтобы «разрушить легенду о неуязвимости власти». Одно из них (взрыв партклуба в Ленинграде) удалось, совершившая его группа Виктора Ларионова благополучно вернулась.

В течение первых лет после создания у НТС еще нет собственных путей в Россию, но члены его стремятся к действию. В 1932 году шесть человек, по собственному почину, идут по каналам БРП, через Прибалтику. Все погибают. Летом 1934 года по каналам РОВСа границу переходит член НТС Г. Е. Прилуцкий; он и напарник его с трудом избегают ловушки и возвращаются в Финляндию.

В сентябре 1932 года вскрывается предательство одного из руководителей БРП А. Кольберга, через которого ОГПУ было осведомлено о работе Братства. За разоблачением Кольберга последовало разоблачение «Внутренней линии» на РОВСе.

Этот опыт заставил НТС отказаться от оперативных связей с любыми эмигрантскими организациями и искать собственные пути в Россию. НТС отмежевывается от низового террора, распространенного в стране в ранние годы сталинщины. В обращении «К новому поколению России» в июне 1933 года НТС говорит: *«Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в совхозах»*. Но когда был убит Киров, НТС этот акт одобрил (мысль о том, что к убийству мог быть причастен Сталин, тогда не возникала).

Ясно, что сам НТС никаких террористических актов не совершал и террористической организацией никогда не был. Ходоков в Россию он посылал, чтобы выяснить психологическую обстановку в стране, увидеть возможности подпольной политической работы и создать опорные точки для организации в России.

Раскинув руки, лицом в чужую венгерскую землю и в чужое небо лежат наши ребята. По несколько дней их трупы не убирались, а раненым не оказывалась помощь. Кто их убийцы? За что отдали они свои недожитые жизни?

Кто их убийцы? Венгры? Нет! Венгры защищали свой дом и свое право жить так, как они хотят. Венгры не нападали на нас и не звали к себе наши войска. Глава законного венгерского правительства Имре Надь объявил нейтралитет Венгрии, отказался от Варшавского пакта, попросил у ООН защиты от советской агрессии.

Помимо людей, накануне войны в Россию шли и печатные материалы НТС. Для анализа советской печати и производства литературы в 1937 году была создана конспиративная база «Льдина». На основании заброшенной в страну литературы могли возникать группы, не связанные с зарубежным центром. О раскрытии такой группы НТС в Москве сообщило московское радио 6 декабря 1938 года. Имена восьми состоявших в ней молодых людей остались неизвестными.

Молекулярная теория

Первые три года после войны НТС за рубежом залечивал раны, спасал людей от насильственной репатриации, налаживал жизнь в беженских лагерях (в частности, в лагере Менхегоф под Касселем в Западной Германии, где обосновался центр НТС), занимался организацией школ и работой с юношеством (юные скауты-разведчики) и налаживал издательскую деятельность. Еженедельник «Посев» (1945—1967), затем ставший ежемесячным журналом, газеты «Эхо» (1946—1949) и «Новости» (1947—1948), журнал «Грани» (с 1946 года) выходили общим тиражом более 10 тысяч экземпляров. Среди первых книг были русский букварь Вахтерова и труд С. А. Левицкого «Основы органического мировоззрения».

В результате войны ряды НТС за границей поредели. Многие из тех, кто не погиб и не был депортирован в СССР, от организации отошли. Зато в нее влилась «новая», или «вторая», эмиграция. Подавленная успехами коммунизма, в страхе перед третьей мировой войной эмиграция эта была одержима идеей: скорее за океан. Если кто и думал о возобновлении борьбы, то разве что о новом власовском движении без Власова на стороне американцев. В одном было полное единодушие: революционная борьба в условиях сталинского режима невозможна.

Однако в 1948 году, как и в 1931-м, и в 1939-м, НТС снова берет курс против течения. Пока идут споры, будет ли атомная война, займет ли Советская Армия Марокко и не безопаснее ли эмигрировать в Венесуэлу, НТС идет навстречу этой армии — в Берлин.

Поначалу на границах зон оккупации не было особых преград, армия в Берлине и Вене оказалась сравнительно доступной. При помощи друзей из местного населения в районах расположения войск стали появляться надписи НТС, плакаты и листовки; завязывались отдельные личные контакты. Но практическая возможность работы в армии не снимала вопроса политической перспективы: а как вообще можно себе представить революцию в тоталитарных условиях?

Чтобы снять психологический барьер невозможности, бессмысленности борьбы, В. Д. Поремский зимой 1948—1949 годов пишет брошюру «К теории революции в условиях тоталитарного режима», ставшую известной как «молекулярная теория». Коротко теория эта выглядит так. Что именно невозможно в тоталитарных условиях? Невозможна разветвленная организационная структура, разделение функций, система подчинения и связи.

Но структура организации не столь важна, когда есть единство идей и действий. Чтобы уменьшить ее уязвимость, фактор структуры у «организации молекулярного типа» сведен к минимуму: а) за границей существует центр; б) он направляет всем «молекулам» одностороннюю безадресную информацию, чтобы усилить единство их идей и действий; в) сами «молекулы» тоже прямо между собой не связаны, а сигнализируют друг другу безадресно (рисуя символы, распространяя листовки) о своем существовании.

Что касается единства действий («как» бороться), то возможен целый набор «малых дел», самих по себе безопасных и незаметных, неустанное повторение которых должно компенсировать их слабость: самообразование, общение в группах из двух-трех человек, ограниченное размножение листовок, надписи на стенах, продвижение на выгодные в будущем позиции. Готовому к этим действиям предлагается войти в организацию путем самоприема и анонимно давать знать вовне о своем существовании.

Лавинообразное нарастание сигналов о существовании организации, неуловимой для органов безопасности, должно в корне изменить психологический климат в стране: перебороть страх, дать чувство плеча, подточить миф о всемогуществе власти и вселить веру в собственные силы.

«Молекулярная теория» была принята как «отправная идея нашей стратегии» 16 января 1949 года Советом НТС, чтобы «усилить главное направление деятельности Союза — организацию Национальной Революции в России». Эта дата была решающей в истории Союза; она повернула организацию от общественной деятельности в послевоенном Зарубежье снова «лицом к России».

Летом 1950 года на старой автомашине был смонтирован самодельный радиопередатчик, колесивший по лесам, чтобы не быть запеленгованным: это было нача-

Русские солдаты и офицеры в Венгрии

ло радиостанции «Свободная Россия». Ежедневно забрасывали радисты антенну на деревья и пускались в десятичасовую дуэль с десятками глушилок, то и дело меняя длину волны. Другой передатчик работал в Берлине на частотах армейских раций. Радио было идеальным инструментом «односторонней безадресной связи», которой требовала «молекулярная теория», но мощность «Свободной России» достигала максимум 1 киловатта и ни в какое сравнение не шла с мощными государственными передатчиками западных «голосов». В 1956—1976 годах передачи «Свободной России» шли по «настоящему» радио с Тайваня (50 киловатт на среднюю Сибирь), в 1959—1969 годах также из Южной Кореи (на Дальний Восток), но они продолжались лишь 20 минут в сутки. Тем не менее, сведения о том, что «Свободную Россию» слушали, поступали из самых разных мест Советского Союза. Передачи даже записывали на пленку, чтобы восстановить прерываемый глушением текст. Под дипломатическим давлением европейские передачи были прекращены во время так называемой разрядки в 1972 году.

В 1951 году началась заброска листовок-«штампов» в глубь страны при помощи воздушных шаров. Специальная бригада изготовляла шары дальнего действия: более 20 метров в диаметре, они поднимали до 90 кг полезного груза и пересекали огромные расстояния: один такой шар, разбросав свой груз, упал в Южной Корее, другой в Турции. О нахождении листовок поступали сведения из Крыма, Саратовской области, Казахстана и других мест. Специальный сбрасыватель, тоже самодельный, обеспечивал разброску литературы каждые 400—500 километров на пути полета шара. Меньшие, метеорологические шары, запускались десятками, но летали лишь на расстояния до 600 километров. Всего за 1951—1957 годы шарами было заброшено 97,4 миллионов листовок, 7,7 миллионов газет и 930 тысяч брошюр и журналов. Очевидно, что большая часть этой литературы пропала в полях и лесах, что она не достигла «каждого» гражданина, как требовала «молекулярная теория». Но в сталинских условиях иных путей было мало.

«Молекулярная теория» предусматривала не только массовую одностороннюю связь, но и «каркас» из отдельных точек, поддерживающих двухстороннюю связь с центром. Переход пешком через границу в послевоенных условиях стал нереален. Американцы попробовали перейти от стратегии «сдерживания» коммунизма к стратегии «освобождения». С этой целью они поддерживали многие эмигрантские группировки из стран Восточной Европы; создали радиостанцию «Освобождение» (позже «Свобода»), которая по первоначальному замыслу должна была быть голосом объединенной российской эмиграции, включая НТС; наконец, предоставили НТС возможность подготовки и переброски своих людей через советскую границу.

27 мая 1953 года «Правда» сообщила, что в ночь на 26 апреля над территорией Украины спустились и были задержаны четыре парашютиста; что они были засланы для саботажа, террора и шпионажа; что на них были найдены, среди прочего, портативные передатчики, средства для шифровки, для подделки советских документов и клише для печатания листовок; что Сергей Горбунов, Александр Лахно, Александр Маков и Дмитрий Ремига приговорены к расстрелу и приговор приведен в исполнение. В советском сообщении была явная несуразица: шпионаж, саботаж и... распространение листовок — вещи несовместимые. О принадлежности захваченных к НТС коммунистическая пресса сообщить не решилась. Лишь позже выяснилось, что провал произошел из-за предательства на самом высшем уровне со стороны советского агента англичанина Кима Филби, ведавшего тогда контактами «английской короны» с США.

КГБ против НТС

Зная не только свою тактику, но и тактику чекистов, в июне 1953 года Совет НТС призвал: «Усилить оборону против возможного наступления МВД на НТС». Совет не знал, что осенью того же года МВД издаст для своих работников специальную «Ориентировку по НТС», выделяющую его как первого врага. Но акты террора против зарубежной базы НТС начались задолго до этого.

В июне 1951 года там же разоблачены три немецких агента, получивших задание похитить Георгия Сергеевича Околовича. Последний был вовремя предупрежден друзьями НТС в советской зоне. У агентов был автомобиль, лом и усыпляющие средства.

В мае 1952 года некто Вальтер Новак создает в Тюрингии фиктивную группу НТС, чтоб завлечь туда его работников с Запада. Получив предупреждение от друзей с советской стороны, Союз избегает ловушки.

13 января 1954 года гражданским рейсом «Аэрофлота» из Москвы в Вену вылетает капитан госбезопасности Н. Е. Хохлов. Ему было поручено с санкции Президиума ЦК КПСС осуществить во Франкфурте-на-Майне убийство Г. С. Околовича. 18 февраля Хохлов явился к Околовичу и, изложив все дело, передал себя в распоряжение НТС. 22 апреля он демонстрирует прессе привезенные им усовершенствованные инструменты убийства. Дело получило широкую международную огласку.

13 апреля 1954 года на квартире у немецкого провокатора А. Глезке в Западном Берлине похищен председатель Комитета помощи русским беженцам, член Совета НТС доктор Александр Рудольфович Трушнович. Несмотря на точно установленные полицией обстоятельства похищения, на требования бургомистра Берлина и возмущение международной общественности, советская сторона так и не признала, что Трушнович в ее руках.

В 1955 году на границе с Тюрингией похищен член НТС Сергей Иванович Попов, по-видимому, со смертельным исходом, так как больше никаких сведений о нем не было.

29 декабря 1955 года в Западную Германию заслан восточногерманский агент Вольфганг Вильдпретт для убийства председателя НТС В. Д. Поремского. Вильдпретт сдался местным властям и раскрыл операцию.

15 сентября 1957 года во время конференции «Посева» сделана попытка отравить перешедшего на сторону НТС Н. Е. Хохлова. После 23-х дней борьбы врачей за его жизнь его удалось спасти.

В июле 1958 года взорван дом в Шпрендлингене под Франкфуртом, где жили семьи членов Союза с детьми и помещалось радиооборудование. Весь угол двухэтажного дома обвалился, но человеческих жертв не было.

В июле 1961 года организован взрыв во дворе здания «Посева»; цель — возбудить страхи соседей и выселить «Посев». Была также подложена адская машина на стройке нового здания «Посева»; ее разрядил лично еще до приезда полиции Г. С. Околович.

Между 10 и 13 июня 1963 года около установки радиостанции «Свободная Россия» произведено 6 взрывов. Бомбы были подложены на расстоянии 170—700 метров от передатчика с тем же расчетом — возбудить соседей против станции.

Начиная с 1955 года значительное число советских граждан начинает выезжать за границу на молодежные фестивали, на всемирные выставки, на международные конференции, в турне. НТС реагирует организацией так называемой «зарубежной оперативки»: встреч с моряками, туристами и членами различных делегаций. С ними завязываются беседы, им помогают с покупками, приглашают их на дом, им передают книги, журналы «Посев» и «Грани», брошюры, газеты. Для интеллигенции НТС выпускает политический журнал «Наши дни» (1955—1965), для моряков газету «Вахта Свободы» (с 1956 года, в 1981—1987 «Вахта»). Пользовались популярностью и поддельные издания разных советских газет; под видом советского издания НТС, в частности, впервые опубликовал доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. Те, кто имел возможность более близкого контакта с членами НТС, везут в Россию не только печатное слово, но и аргументы, изложенные в дружеских беседах, личные впечатления о людях.

Новые времена

Собравшись в январе 1958 года в баварском городке Лорс, Совет НТС вынес так называемые «Лорские решения». *«Очередной задачей на предстоящие 2—3 года Совет Союза считает создание на территории России организационных предпосылок для открытых революционно-политических выступлений против власти под знаменем НТС»*. История ныне существующей в России организации НТС, по существу, восходит к этим решениям.

Что они означали на практике? Начиная с 1960 года возможность туристических поездок в СССР используется для посылки курьеров, поддерживающих контакт с конкретными лицами и группами в России. С 1961 года к этой задаче привлекаются и иностранные друзья. В интересах безопасности работа эта ведется строго конспиративно. В нескольких странах Европы создаются «оперативные участки», обеспечивающие отбор и необходимую подготовку едущих. Едут они из 15 разных стран. Создается система управления этими операциями. Резко сокращаются отрасли работы, не имеющие к ним прямого отношения (например, международные связи, раскинувшиеся в 1955—1958 годах на Вьетнам, Тайвань, Корею, Японию, Бразилию, Ливан и другие страны). Развивается акция посылки в СССР по почте писем и материалов по случайно выбранным адресам. Они идут из 30 разных стран, в рассылке участвуют более 600 человек. Ежегодно отправляется 30—40 тысяч писем. Акция преследует цель: найти желающих вступить в контакт с НТС. Примерно одно из тысячи писем ведет к завязыванию контакта.

Тщательная подготовка курьеров позволяет большинству из них избегать КГБ, но отдельные провалы неизбежны. Широко известным стал процесс в июле 1965 года против англичанина Джеральда Брука, привезшего с собой материалы НТС. Английское правительство выразило свое недовольство не КГБ, а... НТС. Были и менее известные неудачи; в среднем около 6 провалов на 100 удачных поездок. Ежегодно к концу 60-х годов удавалось более 40 поездок. Большинство из них было поначалу направлено на писательскую и правозащитную среду.

НТС и перестройка

В 1987 году впервые после 48 лет закрытого существования стала выходить из подполья организация НТС в России. После своего ареста летом 1982 года Валерий Сендеров и Ростислав Евдокимов объявили органам КГБ о том, что они являются членами НТС. Выйдя на свободу в начале 1987 года, они оказались первыми в России открытыми членами НТС. Постепенно их примеру стали следовать другие, открыто вступая в НТС. Развиваются связи открытых членов НТС с другими общественными организациями, как, например, с возникшим в мае 1988 года Демократическим Союзом (ДС) или с основанным в апреле 1990 года Российским Христианским Демократическим Движением (РХДД).

Политическая линия НТС последних лет отражена в заглавиях резолюций Совета НТС: «Не надеяться, а действовать» (1987); «Не перестраивать, а строить заново» (1989); «Спасать страну, а не социализм» (февраль 1990). В феврале 1988 года Валерий Сендеров провел первую пресс-конференцию НТС в Москве. В октябре 1988 года на 10-тысячной демонстрации на стадионе «Локомотив» в Петербурге член НТС Ростислав Евдокимов впервые на подконтрольной советской власти территории поднял трехцветный российский национальный флаг. Потом наш исторический флаг стал повседневным явлением на демонстрациях.

(Этот материал был передан редакции руководством НТС В Мюнхене. Мы приводим его в сокращении.)

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ИМЕН

Национально-трудовой солидаризм представляет собой разработанную Национально-Трудовым Союзом социальную доктрину, на основе которой, согласно программе Союза, должна быть построена Национально-Трудовая Россия.

Национально-трудовой солидаризм основывается на *персоналистическом* миропонимании, т. е. во всем богатстве бытия выделяет прежде всего начало *личности*, понимая личность не как замкнутый в себе атом, а как сложное многоединство, способное вступать в живую связь с другими личностями. Персонализм раскрывает, таким образом, *первичную солидарность* царства личностей и создает философские предпосылки для солидаристического понимания общества, понимания, оказывающегося по ту сторону как индивидуализма, так и коллективизма.

Национально-трудовой солидаризм утверждает, что в основе общественного строительства лежит не эгоистическая борьба, а солидарность, на которой, в свою очередь, развивается взаимопонимание и сотрудничество.

Из всех возможных видов солидарности наиболее важными для государственного строительства являются солидарность *национальная*, основанная на естественной привязанности человека к своей родине и к своему народу, и солидарность *трудовая*, являющаяся выражением воли человека к деятельному служению не только родине, но всякой иной ценности, достойной этого служения (науке, искусству, хозяйству). Национально-трудовой строй есть поэтому общественный идеал национально-трудового солидаризма.

В тесной связи с развивающимся ныне *органическим* мировоззрением национально-трудовой солидаризм ощущает весь мир как органическое целое, в котором обладающая *свободной волей* человеческая личность обязана искать не самоудовлетворения, а творческих путей к воплощению своего предназначения.

Человек способен познавать законы мироздания, а познавая их, преображать как внешнюю природу, так и самого себя и человеческое общество. Он призван к тому, чтобы творчески управлять (дирижировать) социальным развитием. *Дирижизм* в общественной, национальной и государственной жизни является поэтому необходимым элементом национально-трудового солидаризма.

Управляя собой, людьми и природой, человек вынужден, однако, считаться с материалом. Он может достигнуть многого, но не всего и не любым способом. Его задача — не ломать жизнь в угоду той или иной отвлеченной идее, а искать наилучших, *оптимальных* решений возникающих перед ним задач. Не максимализм в утверждении или отрицании того или иного положения, а мудрый *оптимализм* является поэтому методической основой национально-трудового солидаризма.

Оценивая, наконец, место национально-трудового солидаризма в движении мировой общественной мысли, необходимо отметить, что это учение чуждо всякого материализма, позитивизма и утилитаризма. В его основе лежит вера в существование объективных *ценностей*, которым и призван служить в своей земной жизни пусть слабый и грешный, но свободный и ответственный человек.

Настоятельно необходим поворот от рационализма к идеализму, от покорения и управления природой людьми к управлению людей самими собою. Этот контроль невозможен без системы абсолютных ценностей, абсолютные же ценности несовместимы с рационалистическим складом ума. Уже из этого одного следует логическая необходимость и практическая спешность поворота к новой идеалистической культуре. Эту новую культуру создадут новые люди. Эти люди должны обладать властью и техникой. Такие люди должны построить общество и культуру с меньшими бедствиями и несчастиями, свободную от индивидуальной и групповой ненависти, более благородную, более справедливую, более человеческую и более Божескую, чем настоящая база нашего рационалистического общества.

Мы можем верить в начало современного перехода от отжившей рациональной к новой идеальной культуре... «Король умер, да здравствует король!»

ПИТИРИМ СОРОКИН

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Совершенно секретно

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК

агентов иностранных разведок, изменников Родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников, подлежащих розыску.
(Данный список является совершенно секретным документом, и им могут пользоваться только оперативные сотрудники органов КГБ.)

Розыскной список издан на основании приказа КГБ при Совете Министров СССР № 0250—1968 года и разослан во все органы Комитета государственной безопасности для осуществления мероприятий по розыску включенных в него государственных преступников.

Лица, подлежащие розыску, расположены в списке в алфавитном порядке.

Объявляемые во всесоюзный розыск лица ставятся на учет в оперативно-справочных картотеках Первых спецотделов МВД-УВД, а стороженые листки на них вливаются в алфавитные картотеки адресных бюро милиции. Для этого одновременно с розыскным списком на разыскиваемых лиц рассылаются учетные карточки и стороженые листки, которые при поступлении в КГБ-УКГБ-ОКГБ должны быть переданы в установленном порядке в органы МВД-УВД для раскладки в соответствующие картотеки.

Старые учетные карточки и стороженые листки на переобъявленных во всесоюзный розыск лиц из картотек изымаются и уничтожаются на месте по акту.

В процессе раскладки учетных карточек в оперативно-справочные картотеки Первых спецотделов и стороженых листков в алфавитные картотеки адресных бюро одновременно проводится проверка по этим учетам объявленных во всесоюзный розыск лиц. При обнаружении в этих картотеках сведений на разыскиваемых или сходных с ними лиц об этом сообщается в местные органы госбезопасности.

Для постоянной связи с адресным бюро и своевременного получения информации специально должны быть выделены оперативные сотрудники розыскных подразделений

ЗА РОССИЮ!
ВЕСТНИК РОССИЙСКИХ СОЛИДАРИСТОВ
№ 4 (21) 1991 год Цена 20 коп

Трагическая страница истории

Наша страна сегодня открыла очередную трагическую страницу своей истории. Как в 1917 году. А еще раньше – в Смутное время. Снова, как и тогда, само бытие нашей государственности под угрозой. Государственность – не отвлеченное понятие. Она органическая часть народа. Угроза государственности – угроза народу. Когда во время последней войны стало ясно, что политика гитлеровской Германии ставит своей целью разрушение нашей государственности, а следовательно и порабощение нашего народа, он признал преступный сталинский режим носителем своей государственности и стал на ее защиту, что и определило победу в этой войне.

Что же произошло сейчас? Разложился и распался носитель нашей государственности – КПСС. Окончательный формальный удар был нанесен КПСС в августовские дни в Москве. Верховный Совет СССР и съезд "народных депутатов", которые должны были бы перенять власть – как это сделала Дума после отречения династии от престола – оказались на это не способны, потому что были только ширмой, инструментом коммунистической партии. Созданная временная конструкция искусственна, никого не представляет и не имеет реальной власти.

Положение усугубляется многонациональностью нашей страны. Знаменитый "парад суверенитетов" был организован КПСС, чтобы ослабить освободительное общественное движение и, раздувая национальные страсти, сохранить власть. В республиканских верховных советах коммунистическая номенклатура голосовала за "суверенитеты". Сейчас ставится вопрос о разделе страны. Кто его ставит? В каких из республик (исключая балтийские) есть свободно избранные парламенты? Кто, кроме народа, является сувереном? Кто, кроме самого народа, может решить, хочет ли он жить в общем государстве или самостоятельно?

Все народы нашей страны жили под тоталитарным режимом – политическим и экономическим. Все республики жили по формуле "национальные по форме, социалистические по содержанию". Во всех республиках у власти были коммунисты. Сейчас началось освобождение, а вместе с ним и тяжелые проблемы, оставшиеся в наследство от семидесяти четырех лет коммунистического хозяйничанья. Одна из этих проблем – как дальше жить нашим народам, как отстроить новую государственность. Можно пропагандно отмежеваться от понятия "советский народ", но если смотреть реалистически, то такая общность существует и мимо нее пройти нельзя. Несмотря на то, что в ней есть и отрицательные черты.

Но еще важнее помнить о другой общности, складывавшейся веками. Той, которая существовала до 1917 года. Прежде всего это относится к трем народам, составляющим ядро нашей страны, – русскому, украинскому и белорусскому, связанным религией, культурой, историей. Именно эти народы совместно создавали то, что сейчас стало модным у части интеллигенции презрительно называть "империей" или "москальным империализмом". В действительности же, в исторической реальности они создавали общее жизненное пространство, общую государственность, вместе создали богатую, находившуюся на подъеме страну, вместе защищали ее от внешних врагов. Единство этих трех народов определит будущее нашей страны и только оно может предотвратить разруху, хаос и кровавую междоусобицу. А в предотвращении этого заинтересованы все народы нашей страны.

Единство предполагает добровольность. Каждый народ должен быть свободен в своем решении. Для этого нужны были условия свободы, а не "перестроечная" видимость ее. Коммунистический режим заложил основы для национальных конфликтов между народами. Только свержение коммунистического режима во всей стране, общими усилиями всех народов, могло открыть путь для безболезненного решения национальных проблем. К сожалению, так не произошло. Мы находимся в состоянии полусвободы. Ни в России, ни на Украине, ни в Белоруссии не было свободных выборов. Ни у кого нет полномочий выступать от имени народов по поводу их будущих взаимоотношений. Сами народы должны выразить свою волю путем общенародного голосования (плебисцита), при участии всего населения республики в условиях, обеспечивающих свободу выявления этой воли.

На России лежит особая ответственность за судьбу нашей страны. Прежде всего – это историческая ответственность. Но не только. Именно Россия нанесла решающий удар по коммунистическому режиму в нашей стране, по коммунистической государственности. Поэтому на России лежит обязанность проявить инициативу по созданию новой государственности. В ее основе должна быть Федерация России, Украины и Белоруссии. Без "старших" и "младших" братьев, а в единстве трех народов. Во всех трех республиках – поскольку речь идет не о "присоединении", а о единстве – должны быть проведены плебисциты по этому вопросу. Свободно избранный президент России, сумевший мужественно противостоять попытке коммунистов пресечь освободительный процесс, запретивший коммунистическую партию, не только имеет моральное право, но и обязан обратиться ко всем трем народам с призывом к единству.

На основе результатов плебисцитов должны быть избраны парламенты республик, которые и выработают конституцию Федерации. После этого все остальные республики могут на основе проведенных плебисцитов войти в Федерацию или выбрать другой путь своего государственного существования. Это наиболее реальный и безболезненный путь создания новой государственности в нашей стране. Попытка создать "экономическое единство" без решения вопроса о государственности обречена на неуспех. Это не значит, что в том тяжелом экономическом положении, в котором находится страна, в частности, при приближающейся холодной и голодной зиме, переговоры по экономическим вопросам не нужны. Наоборот, полагаясь на здравый смысл и добрую волю переговаривающихся, можно хоть как-то облегчить населению жизнь в этот тяжелый период. Однако не экономика есть решающий фактор, не бытие определяет сознание.

Народы нашей страны были объединены не только экономической системой, не только скованы тоталитарным коммунистическим режимом. Они были объединены противостоянием этому режиму, ненавистью к нему. Они были объединены пассивным сопротивлением и всяческими обходами бессмысленной экономической системы. Они были объединены войной против внешнего врага. Они объединены длительной совместной жизнью, миграцией населения, смешанными браками. Это ощущение общей страны, общей жизни в ней совмещается с чувством своей национальной принадлежности, не противоречит ей.

Наше положение сегодня можно сравнить с домом, с которого сорвало ветром прохудившуюся крышу. Жильцам неуютно, особенно под снегом и дождем. А хозяева дома обсуждают, что делать, и даже жильцов при этом не спрашивают. Пока жильцы ссорятся между собой – кто виноват? – и пытаются спасти от непогоды свое имущество, время для хозяев еще есть. Но если не уладят в отпущенное время, то придет новый хозяин и с помощью отчаявшихся жильцов покроет дом крышей, которая может быть похуже обвалившейся. Не хватало нам только фашистско-коммунистического режима и его национальных разновидностей.

Создание новой государственности в нашей стране, взамен рухнувшей коммунистической, – задача, решение которой нельзя откладывать. В решении этой задачи должны принимать участие все народы нашей страны. Создание Федерации трех будет стабилизирующим фактором. Это всем откроет свободные пути в будущее. Россия должна проявить инициативу, не медля предпринимать нужные шаги. И это будет органическое продолжение исторического пути русского, украинского и белорусского народов.

Е. Романов

Исходя из солидаристического понимания национальной проблемы России, НТС еще в 1951 году формулировал свою позицию так: "Грядущая Россия должна стать свободным союзом – семьей свободных народов. НТС защищает принцип государственного единства семьи народов России. В то же время НТС признает за каждым народом право на основании плебисцита самому решать свою судьбу после свержения большевизма на всей территории России, в обстановке свободы, гарантирующей подлинность выраженной воли".

органов КГБ, которые по договоренности с МВД-УВД осуществляют контроль за своевременной раскладкой сторожевых листков и периодически инструктируют работников адресных бюро. При раскладке в алфавитные картотеки сторожевых листков, листков прибытия и убытия работники адресных бюро должны выявлять лиц, имеющих сходство с разыскиваемыми по установочным данным и другим признакам, и информировать о них органы КГБ. В случае наведения справки о разыскиваемом, на которого в адресном бюро имеется сторожевой листок, необходимо, чтобы об этом из адресного бюро поступало сообщение в органы КГБ и только после согласования с последним выдавалась соответствующая справка.

По получении розыскного списка, помимо проверки по учетам Первых спецотделов и адресных бюро в процессе раскладки учетных карточек и сторожевых листков, все объявленные во всесоюзный розыск лица проверяются по имеющимся в органах КГБ оперативно-справочным картотекам, в том числе по учетам агентуры, а также по учетам лиц, ведущих переписку с заграницей.

В необходимых случаях разыскиваемые лица, в отношении которых имеются данные, что они скрываются на территории Советского Союза или могут быть заброшены разведками противника в СССР, проверяются, с учетом имеющихся данных о их профессии или специальности, по спискам работающих на предприятиях и в учреждениях.

Родственники разыскиваемых, в отношении которых указано, что их местонахождение неизвестно, также проверяются по адресным бюро.

За выявленными, заслуживающими оперативного внимания, родственными и близкими связями разыскиваемых органы КГБ устанавливают наблюдение через агентуру или доверенных лиц. В тех случаях, когда имеются данные, что эти связи знают о местонахождении разыскиваемого и помогают ему укрываться, они берутся в оперативную разработку.

Особо тщательное наблюдение необходимо устанавливать за близкими связями разыскиваемых, скрывающихся на территории Советского Союза, а также за связями тех из разыскиваемых, в отношении которых получены данные, что, находясь за границей, они подготавливались или подготавливаются враже-скими разведками для заброски в СССР.

Используемые в розыске агенты и доверенные лица ознакомляются при необходимости с фотокарточками и характерными приметами разыскиваемых.

Агенты и доверенные, которые лично знали разыскиваемых, могут привлекаться для личного негласного опознания проверяемых лиц, имеющих сходство с разыскиваемыми. В необходимых случаях, когда получены данные о возможном местонахождении разыскиваемого, агенты и доверенные могут направляться в качестве опознавателей, в том числе и в составе оперативно-розыскных групп.

Проверка и опознание лица, имеющего сходство с разыскиваемым, проводится в контакте с тем органом КГБ, где находится розыскное дело.

Второе Главное управление КГБ при Совете Министров СССР.

Адигамов Сабих Нуруллович, он же Адигалов Сергей Николаевич, 1929 года рождения, урож. дер. Арсланово Чишминского р-на Башкирской АССР, татарин, образование 6 классов, до марта 1948 г. проживал в г. Одессе, работал матросом на пароходе «Чукотка» Черноморского пароходства. Лицо овальное, лоб широкий, рот и уши большие. Брат Адигамов Салих Нуруллович, тетка Адигамова Махмуда проживают в с. Хаккулабад Уч-Курганского р-на Наманганской обл., дядя Адигамов Насибулла, тетка Адигамова Мавлюха и другие родственники — в дер. Арсланово; тетка Адигамова Мафруза Хайрулловна — в г. Уфе; двоюродные братья Каспранов Галий Минислямович — на ст. Дема Уфимской ж. д. и Адигамов Фарид — в г. Фергане.

Находясь в заграничном плавании на пароходе «Чукотка» Черноморского пароходства в качестве матроса, 22 марта 1948 г. в порту Нью-Йорка получил увольнение в город и на судно не вернулся. 27 сентября 1948 г. линейным судом Черноморского бассейна и Дунайского пароходства заочно осужден на 25 лет ИТЛ. В мае 1950 г. своим родственникам прислал письмо из США от имени Фрункфуртера Сабиха. Имеются фотокарточка 1947 г. и образец почерка.

Розыскное дело в ОКГБ при СМ УзССР по Наманганской обл.

(Ранее объявлен в розыск КГБ при СМ СССР алфавитным списком за 1963 г., стр. 14, сверху третий.)

Адомавичюс Пранцишкус сын Пранцишкуса, 1931 года рождения, урож. дер. Кальненай Тельшяйского р-на Литовской ССР, литовец, образование среднее, работал матросом на танкере. Выше среднего роста, плотного телосложения, лицо смуглое, волосы темные, глаза голубые, нос большой с горбинкой, моргает при разговоре. Отец Адомавичюс Пранцишкус сын Прано и мать Адомавичене Мариона дочь Яронимо проживают в дер. Кальненай; братья: Стяпонас, Данелюс, Владас и Альфонсас — в г. Тельшяй.

Находясь в загранплавании, 26 апреля 1955 г. бежал с судна в Данию, позднее был передан органам американской разведки в Западной Германии, которыми использовался в антисоветских радиопередачах. В 1956 г. Верховным судом Литовской ССР заочно осужден к ВМН. Проживает в ФРГ.

Гузенко Игорь Сергеевич, 1919 года рождения, урож. дер. Рогачево Дмитровского р-на Московской обл., русский, образование незаконченное высшее, бывш. лейтенант Советской Армии. Среднего роста, шатен, волосы редкие с глубокими залысинами, лицо овальное, на подбородке ямочка, походка резкая, при разговоре сдвигает в сторону нижнюю челюсть, увлекается рисованием. Сестра Сокольникова (Гузенко) Ирина Сергеевна проживает в г. Караганде; брат Гузенко Всеволод Сергеевич — в г. Златоусте Челябинской обл.; отец Гузенко Сергей Давыдович до войны проживал в г. Киеве.

С августа 1943 г. вместе с женой Гузенко С. Б. (разыскивается) находился в служебной командировке по линии Министерства Обороны СССР в Канаде, где 6 сентября 1945 г. по сговору с женой отказался от возвращения в СССР. Из аппарата военного атташе СССР в Канаде похитил и передал канадским властям ряд совершенно секретных документов. Военной Коллегией Верховного суда СССР 2 марта 1956 г. заочно осужден к ВМН. По имеющимся данным проживает в Канаде. Имеются фотокарточка 1940—1945 гг. и образец почерка.

Розыскное дело в УКГБ при СМ Казахской ССР по Карагандинской обл.

(Ранее объявлен в розыск КГБ при СМ СССР ориентировкой № 27 за 1966 г., порядковый № 2.)

Долгун Иван Ильич, 1927 года рождения, урож. дер. Большое Междулесье Березовского р-на Брестской обл., белорус, образование 5 классов, бывш. член ВЛКСМ, бывш. военнослужащий Советской Армии, призван в июле 1944 г. полевым военкоматом. Среднего роста, худощавый, волосы русые, нос прямой. Брат Долгун Николай Ильич, сестра Долгун Мария Ильинична проживают в дер. Истелево Березовского р-на; сестры: Косович Анна Ильинична — в дер. Сегневичи Березовского р-на, Иванюк Ольга Ильинична — в г. Береза; брат Долгун Владимир Ильич и сестра Чковчиц Мария — в Дрогичинском р-не Брестской обл.

Находясь на службе в Советской Армии в воинской части № 28756, в ночь на 19 июля 1950 г., похитив из караульного помещения ручной пулемет и автомат с боевыми патронами, бежал в американскую зону оккупации Германии. 18 августа 1951 г. заочно осужден в ВМН. В 1952—1960 гг. якобы проживал в г. Ванкувер (Канада).

Дольберг Александр Меерович, 1933 года рождения, уроженец и житель г. Москвы, еврей, образование высшее, до августа 1956 г. работал переводчиком в институте научной информации Академии наук СССР, являлся членом ВЛКСМ. Среднего роста, худощавый, брюнет. Отец Дольберг Меер Менделеевич проживает в г. Москве, родственник Дольберг Дмитрий Соломонович — в г. Киеве.

Находясь с группой советских туристов в г. Берлине, 15 августа 1956 г. бежал в западный сектор г. Берлина. Позже был установлен проживающим в г. Мюнхене (ФРГ), где активно сотрудничал с антисоветской эмигрантской организацией «ЦОПЭ». В ежемесячном журнале «Свобода» публиковались его статьи клеветнического содержания под фамилией Давид Бург. В конце 1959 г. выехал в Англию, где проживает в г. Лондоне, систематически выступает по радиостанции «Би-би-си» с клеветой на советскую действительность. 25 декабря 1956 г. Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда заочно осужден на 15 лет ИТЛ. Имеются фотокарточка и образец почерка.

Розыскное дело в УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской обл.

Калмыков Игорь Борисович, он же Климов Григорий Петрович, 1918 года рождения, урож. г. Новочеркасска Ростовской обл., русский, образование высшее. В 1941 г. окончил Новочеркасский политехнический институт, в 1945 г. являлся слушателем Военного института иностранных языков Советской Армии в г. Москве, бывш. младший лейтенант Советской Армии. Среднего роста, волосы редкие, брови прямые, уши большие оттопыренные, нос прямой большой. Дядя Попов Вениамин Никифорович, двоюродный брат Попов Гурий Вениаминович проживают в г. Новочеркасске; сводный брат Олевинский Сергей Александрович — в г. Киеве; дальний родственник по матери Прудниченко Владимир Сергеевич — в г. Москве.

В январе 1947 г., находясь на службе в Управлении Советской военной администрации в г. Берлине, вначале в должности ст. переводчика, а затем ведущего инженера отдела электропромышленности, бежал в Западную Германию, где установил связь с зарубежной антисоветской организацией «НТС» и под псевдонимом «Григорий Климов» опубликовал в еженедельнике «Посев» антисоветскую книгу «В Берлинском Кремле». В 1952 г. избирался председателем антисоветской организации «ЦОПЭ». Поддерживал связь с американской разведкой через резидента Мильруд. В 1953 г. по заданию американской разведки принимал активное участие в создании разведшколы «ЦОПЭ» под прикрытием «школы пропагандистов», размещавшейся в г. Мюнхене (ФРГ), где читал лекции. Проживал в г. Мюнхене под фамилией Ральф Вернер. В 1956 г. установлен на жительстве в г. Нью-Йорке (США). По данным репатрианта из США Никитина В. А., в 1965 г. работал на американской радиостанции «Освобождение» и поддерживал близкие связи с руководителем «НТС» в г. Нью-Йорке Самариным. Имеются фотокарточки и образец почерка.

Розыскное дело в УКГБ при СМ СССР по Ростовской обл.

Могильный Михаил Минович, 1915 года рождения, урож. г. Александрии Кировоградской обл., украинец, образование среднее, бывш. член КПСС, окончил Вольское авиационное училище, бывш. офицер Советской Армии. Среднего роста, волосы темно-русые, лицо овальное, глаза карие, нос малый. Сестры: Халеева-Могильная Надежда Миновна проживает в г. Львове, Могильная-Рыжкова Валентина Миновна — в п. Матросова Таманского р-на Сахалинской обл.

Находясь на службе в войсковой части полевая почта 30040 в Германии, поддерживал связь с сотрудником американской разведки в г. Берлине Смитом, которому через немку Фон Шайдт Люцию передавал пакеты с неизвестными документами. В феврале 1948 г. бежал в Западную Германию, 24 мая 1949 г. военным трибуналом войсковой части 48240 заочно осужден на 25 лет ИТЛ. Проживает в ФРГ, ведет переписку с родственниками. Имеется фотокарточка 1948 г.

Розыскное дело в УКГБ при СМ УССР по Львовской обл.

Мондич Михаил Дмитриевич, 1923 года рождения, урож. с. Нанково Хустского р-на Закарпатской обл., украинец, образование среднее. Среднего роста, брюнет, лицо овальное, глаза карие, на правой щеке шрам. Отец Мондич Дмитрий Георгиевич, мать Мондич-Филип Анна Васильевна проживают в с. Нанково; братья Мондич Георгий (Юрий) Дмитриевич — в г. Сокolов (Чехословакия), Мондич Николай Дмитриевич — в с. Стебливка Хустского р-на.

До войны проживал в г. Праге (Чехословакия). В 1941 г. центром «НТС» направлялся в г. Гомель для вербовки новых членов в «НТС», в 1943 г. возвратился в г. Прагу. В 1945 г. принят на работу в Укр. «Смерш» 4-го Украинского фронта в качестве переводчика венгерского и чешского языков. В июле 1945 г. приезжал к родственникам в Закарпатье, откуда бежал в Чехословакию. В 1947 г. прибыл в г. Франкфурт-на-Майне, где установил связь с руководителями «НТС» и американской контрразведкой «Си-Ай-Си». По предложению руководителя «НТС» Трушновича написал антисоветскую книгу «Смерш». В 1952 г. проживал в г. Праге, учился на медфаке Пражского университета. В 1953 г. в Западной Германии являлся резидентом американской разведки. Затем выехал в Америку, где работал личным секретарем председателя Исполнительного Бюро «НТС» Байдалакова. С 1960 г. по 1968 г. проживал в г. Мюнхене, работал на радиостанции «Свобода». По имеющимся данным в 1968 г. выехал в США. Имеются фотокарточка 1945 г. и образец почерка.

Розыскное дело в УКГБ при СМ УССР по Закарпатской обл.

(Список содержит несколько тысяч фамилий.)

ОНИ БЫЛИ КОВАРНЫ, НО НЕ УМНЫ

ИНТЕРВЬЮ С ШЕФОМ КОНТРРАЗВЕДКИ НТС

Андрей Анатольевич Васильев родился в 1931 году в Китае. С армией Колчака его отец — он был кадетом — попал во Владивосток. Мать вывез через Харбин в Шанхай генерал Дитерикс. Позже Андрей попал на Филиппины, а в 1949-м переехал в Австралию, где стал профессиональным охотником на крокодилов. В 1951-м переехал в Германию для работы в НТС. «Роберт» — такова была его подпольная кличка.

— Итак, почему вы связали свою судьбу с НТС? От экзотической профессии охотника на крокодилов перешли к борьбе с КГБ, охотящемуся за энтэсовцами? Ведь вы один, насколько мне известно, представляете всю энтэсовскую контрразведку на протяжении двадцати лет?

— Это похоже на анекдот. Меня обрабатывали в Австралии так называемые «советские патриоты», публика, настроенная просоветски. Один из них вместе с газетой «Голос Родины» дал мне почитать «Посев». В этот номер «Посева» была вложена листовка. В свое время мой отец входил в монархическую организацию «Братство русской правды». И меня эта листовка заинтересовала. Я написал представителю «Посева» в Сидней. Меня пригласили на собрание, и так я «погиб». Выхода было два: либо становиться австралийцем, и таких я видел много, они даже по-русски перестали говорить. Либо оставаться русским и вступать в борьбу за Россию, а у меня всегда было желание вернуться туда, откуда я не уезжал.

— Вам доводилось когда-нибудь бывать в России?

— Мне очень повезло. Первый раз я приехал домой 15 августа 1991 года. 19 числа был на службе в Успенском соборе, а в одиннадцать часов на улицах увидел первые танки. Я себя иностранцем в жизни никогда не чувствовал, а в этот момент и подавно. Поехал к Белому дому и был там три дня кряду. Не считая небольшой отлучки к полковнику пятого управления КГБ Карповичу, всю жизнь работавшему против НТС, но порвавшему с этим режимом. Он мне был симпатичен и раньше. Но об этой встрече и Карповиче давайте поговорим чуть позже.

— Хорошо. Вам кроме этой памятной встречи доводилось общаться с представителями органов?

— Неоднократно. И со многими. Когда я только приехал в Германию в 1958 году, на одной из выставок мы семнадцать часов провели с начальником безопасности советской экспозиции. Хрущев тогда уже выступил с разоблачением Сталина. Я задал тому человеку вопрос: «Как же так? Безвинно убиты сотни тысяч людей и теперь посмертно реабилитированы. У вас должна как у члена партии совесть говорить?» Он цинично ответил: «А что вы от нас хотите, чтобы мы голову теперь на плаху положили?» И таких людей с деформированной совестью я встречал много. Они вели постоянные операции против нас. Создавали псевдоэнтэсовские группы в России.

— Как вы их распознавали?

— По-разному. Например, приходят к нам письма. Одно условно из Владивостока, другое из Кишинева. Написаны разным почерком, а на конверте — одна и таже рука. Вы просто кладете рядом эти два конверта и все становится ясно...

— А какой был смысл создания этих групп? Чтобы проникнуть в какие-то ваши тайны?

— Смысл в том, чтобы отвлечь: финансы, внимание, усилия... Нас мало. Мы могли посылать в Союз ограниченное число курьеров, ехавших в основном за свой счет. Курьеры везли в страну нелегальную литературу. Их задача состояла в создании ядра, которое бы взяло на себя контакт с другими группами в стране. То инспирированное предложение, которое мы получили от группы «Южане», руководимой Карповичем, было подготовлено вполне грамотно. Были предложения кому-то из руководства НТС приехать в Москву. Мы ни одного человека не посылали. Чувствовали: что-то тут нечисто. Тем более что знали, чем это чревато. Нашего курьера англичанина Брука арестовали, судили, и он отсидел где-то семь лет. Но он не имел отношения к группе «Южане». Там были другие сети.

— Вы вообще ощущали, что вы имеете дело с коварным противником?

— С коварным — да. Но его никак нельзя было назвать умным. Невысокий интеллект, ограниченность выражались в стандарте, шаблоне. Например, приходят письма из Подмосковья и из Москвы с предложением помощи. Оба отпечатаны на ай-би-эмовской машинке. Извините, но в те годы электрические ай-би-эмовские машинки не валялись на улице.

— Когда вы понимали, что это провокация, вы не отвечали или все-таки вступали в игру?

— Мы стремились как-то избежать таких контактов. Посылали пакет литературы и никак больше себя не проявляли. Но, помнится, была одна операция в Ленинграде, которая им в какой-то мере удалась. Они смогли выйти с ней в прессу. Была создана фиктивная группа в Ленинграде, которая распространяла литературу. Наши люди, к сожалению, к ним пришли. Правда, мы собирались это дело закрыть, заподозрив КГБ. Но они нас опередили, выступив с разоблачением в «Вечернем Ленинграде». Операция ими была не завершена, и вели они ее очень вяло.

— Что являлось целью подобной операции?

— Основной целью было перенять, перехватить инициативу, отодвинув НТС, и второе — оттяжка сил для холостой работы.

— Ну а террористические действия против членов НТС были?

— Сюда, в штаб-квартиру, была подложена мина, прогремели взрывы на радиостанции. Состоялись похищения Трегубова, Треммеля и так далее. Но это все было до меня, и я не берусь подробно рассказывать. Служба защиты, в которой я работал последние пару десятков лет, всегда была в одном лице. Никакого штата не существовало. Основная задача состояла в том, чтобы определить — гебистское это дело или нет. Большую роль здесь играла интуиция.

Закрытый сектор — это другое. Он занимался переброской литературы в Россию. Это был отдел, который занимался работой на Россию. Понятно, что сведения о нем не могли быть общедоступны.

— Вы говорите слишком обще и напоминаете, вы уж извините, бывших работников КГБ, у которых иногда приходится сейчас брать интервью. Они тоже говорят весьма туманно. Думается, что годы взаимодействия с органами не прошли для вас даром.

— Наверное. Но вы знаете, много просто неинтересно. Это были будни. Когда я в день путча 19 августа встретился с Карповичем, у меня были к нему вопросы. Но он был в шоке от случившегося, и говорить по делу было невозможно. Он считал, что его возьмут за его разрыв с КГБ. Я ему задал лишь два вопроса. Первый: были ли провокаторы среди членов НТС? Он ответил, что среди друзей членов НТС — были. Но среди самих членов организации — нет. Речь шла о зарубежном НТС, не внутрисоюзном. Я пробыл у Карповича в тот день до 11 вечера. Ужинали, пили водку...

— Вы спрашивали, «уважает» ли он НТС?

— Он же прочел почти всю «посевскую» литературу, всего Солженицына и стал другим человеком. Прочтя «ГУЛАГ», если человек сам с собой честен, он непременно пересмотрит свои прошлые взгляды. Так что его разрыв с КГБ — следствие проявившегося, как вы говорите, «уважения» к своему бывшему противнику НТС. На демонстрации он ходит с группой Глеба Якунина. Кстати, Карпович и раньше производил впечатление порядочного человека.

— Карпович не в счет. А как вы вообще относитесь к КГБ?

— Как к большому, но непорядочному противнику. Отдельные люди могут быть исключением из правила.

— Как вам кажется, их удачные операции — это случайность или там есть действительно очень талантливые режиссеры и сценаристы?

— Операция «Трест» в 20-е годы была на уровне. Все же операции против НТС удачными не были. Они просто давали вал. Все были заняты, все работали.

— Как вам Россия?

— У меня нет другой страны. Германия не моя страна. Я даже не говорю по-немецки. У меня нет контакта с немцами. Мне они не интересны. Австралию я люблю, но это не моя страна. Ощущение было такое: можно и должно возвращаться домой. Ельцин обещал гражданство.

— И, если его дадут, вы могли бы с женой датчанкой жить в России? Без этих магазинов, без этой чистоты?

— Ну чистота меня особо не волнует, я в Китае родился. Конечно, будут сложности. Но они не столь важны.

— Что же вас гонит?

— Это мое отечество. Там люди говорят по-русски. Мне нравилась Москва, монастыри. В дни приезда я почти не обедал в гостинице «Россия». Обедал по забегаловкам. Общался с людьми и совершенно не чувствовал себя иностранцем.

— Мне сказали, что у вас есть какой-то интересный перстень, который вы никогда не снимаете.

— Это кольцо не мое — генерала Дитерикса — кольцо Пажеского корпуса. Меня воспитывала дочь генерала Дитерикса, а когда она умерла, оно перешло мне.

— Оно вам помогает, вас хранит?

— Не знаю.

— Вы человек суеверный?

— Нет.

— Верующий?

— Да, я православный, но не церковный.

— Я к чему все это спрашиваю. На ваших противниках креста не было. Так вот, у вас в противоборстве с ними существовал свой «кодекс чести»?

— В общем, да. Мы никогда не стремились, что называется, «напакостить» ГБ. А стремились конкретно помочь кому-то. Например, мы получили — не буду говорить как — из страны списки всесоюзного розыска. Там — члены НТС, «предатели народа» — в большинстве своем это те люди, кто находился в бегах за границей или в стране. Это были списки 2-го главного управления. Мы их опубликовали. И если человек находил себя в этом списке, он мог получить выписку о себе. Люди узнавали таким образом, к чему они приговорены.

— У вас в КГБ были свои люди?

— Может быть, и были, но я не берусь ответить сейчас. Было много контактов, особенно в те годы, когда мы встречались с моряками, с туристами. Были контакты с политработниками, которые, естественно, были связаны с органами. Но большего я сказать не могу.

— Сейчас в данных условиях ваша служба себя исчерпала?

— Если не будет нового путча, думаю, что «да».

Слава Богу. Этап пройденный...

Франкфурт-на-Майне. 1992 г.

Материалы об НТС подготовлены нашим специальным корреспондентом
АДЕЛЬЮ КАЛИНИЧЕНКО

ГУДБАЙ, РОССИЯ

Завтра они заберут девочку из дома ребенка...
Накануне они еще не знали тех слов, какими скажут малышке об отъезде, но со счастливым беспокойством сознавали, что души их полны нежности и беспредельной заботы.
Завтра они заберут девочку из дома ребенка...
Их дочурка, в Нью-Йорке, умерла год назад. В России у них не было выбора: удочерить можно только того ребенка, которого предложил детский дом. Они могли отказаться вообще от этой идеи — русская девочка страдает тем же недугом, от которого умерла ее «американская сестра».
Завтра они заберут девочку из дома ребенка...
Здесь ее судьба известна наперед: постылая больничная жизнь до последнего часа, жизнь, где мало веселья, смеха, песен и которой она не вольна распорядиться иначе. Там, в Америке, ее ждут русские книжки, няня, говорящая по-русски, изумительные игрушки и четверо братьев. Богатые родители мечтают, что девочка будет расти с мыслью о России, ей оставят российский паспорт, и когда она станет постарше, пригласить в гости ту, настоящую мать, бросившую малютку после родов.
Завтра Гай Струве и Марина Хилл заберут девочку из дома ребенка и прямо со двора поедут в международный аэропорт. Мы пошлем с ними до таможенной черты редакционного фотокорреспондента. Что мы еще можем сделать для тебя, девочка Лена?!
И вот он, последний день, на родине.

Фотографии Юрия Козырева

Петр Алексеевич Кропоткин (в мундире камер-пажа) 1861 г.

Петр Алексеевич Кропоткин (1864 г.)

ПЕТР КРОПОТКИН

Нравственный прогресс необходим

Многомерный мир Кропоткина

Гуманист, ученый, революционер, провозвестник взаимопомощи и солидарности — так предельно кратко можно дать определение личности Петра Алексеевича Кропоткина. Почувствовать обаяние его личности нам помогут свидетельства его друга, итальянского анархиста Энрико Малатесты. «Доброта была первым из его качеств — самопроизвольным проявлением его натуры, но он предпочитал проявлять энергию и гордость — так необходимые для борьбы». Малатеста называл Кропоткина «поэтом науки» и добавлял при этом, что его ум был «в высшей степени систематическим». Одновременно итальянец полагал, что его русский друг был «слишком страстен, чтобы быть точным наблюдателем» («Пробуждение». Детройт. 1931. № 15. С. 68—70).

И все-таки в последнем утверждении Малатеста не прав. Труды Кропоткина — ученого-энциклопедиста — в области географии, геологии, истории, биологии, социологии, этики предельно емки, глубоко аргументированы и в основных своих положениях не теряют актуальности и сегодня.

Науки в значительной степени послужили основанием его анархической доктрины. «Анархизм,— писал Кропоткин,— есть неизбежный результат того умственного движения в естественных науках, которое началось к концу восемнадцатого века... Но он получил свое полное образование лишь после возрождения наук, имевшего место в начале второй половины девятнадцатого века, давшего новый толчок к изучению человеческих учреждений и обществ на естественно-научной основе» (Современная наука и анархия. С. 110).

Научно обоснованной была идея взаимопомощи и солидарности, ставшая ключевым положением его социальной теории. В учении Кропоткина логически сочетаются специфически анархические и общечеловеческие ценности. Особенно хорошо это заметно на примере его работы над «Этикой», одним из самых главных трудов. Кропоткин доказывал, что этические нормы предшествовали религии. Он выводил нравственность непосредственно из опыта природы. По его глубокому убеждению, решение этических проблем остро необходимо людям именно в эпоху кризисов, войн и революций. Его понимание анархии основано на последовательном соблюдении этических принципов. В 1907 году он писал: «Сила революции не в ее материальных средствах, а в ее нравственном величии, величии преследуемых ею целей».

Отпрыск древнейшего рода, воспитанник Пажеского корпуса, Кропоткин в двадцать лет решительно отверг блестящую карьеру во имя идеалов всеобщего счастья, добра и справедливости. На его пути встретились Сибирь и эмиграция, тюрьмы и крушение идеалов, гениальные догадки и глухое непонимание «образованного общества». Теперь, когда всех российских революционеров пытаются представить в виде угрюмой толпы бандитов и насильников, безбожников и врунов, так необходимо отстраниться от поспешных и политизированных выводов и попытаться сотворить истинный портрет князя Кропоткина. Именно с этой целью в декабре 1992 года планируется провести большую международную конференцию, приуроченную к 150-летию Петра Алексеевича.

* * *

Работа Кропоткина над «Этикой» осталась неоконченной. В 1922 году Н. К. Лебедев подготовил к печати и опубликовал 1-й том этого труда (переиздан в 1990 году Политиздатом). Избранные страницы второго тома, который сохранился в рукописных фрагментах, мы предлагаем сегодня вниманию читателей (полностью двухтомник кропоткинской «Этики» с подробными комментариями готовит к публикации издательство «Мысль»).

НАТАЛЬЯ ПИРУМОВА,
доктор исторических наук

Недостаточное развитие личности (ведущее к стадности) и недостаток личной творческой силы и почина, бесспорно, составляют один из главных недостатков нашего времени. Экономический индивидуализм не сдержал своих обещаний: он не дал нам яркого развития индивидуальности... Как и в старину, творчество в общественном строительстве проявляется крайне медленно, и подражание остается главным средством для распространения прогрессивных нововведений в человечестве. Современные нации повторяют историю варварских племен и средневековых городов, когда те и другие перенимали друг у друга политические, религиозные и экономические движения и их «хартии вольностей». Целые нации усваивали в последнее время, с поразительной быстротой, промышленную и военную цивилизацию Европы, и в этих даже непересмотренных, новых изданиях старых образцов всего лучше видно, до чего поверхностно то, что называют культурой: сколько в ней простого подражания.

Весьма естественно, поэтому, поставить вопрос: «Не содействуют ли распространенные теперь нравственные учения этой подражательной подчиненности?» Не слишком ли они старались сделать из человека «идейного автомата» (ideational automaton), о котором писал Гербарт, погруженного в созерцание и больше всего боящегося бури страстей? Не пора ли отстаивать права живого человека, полного энергии, способного сильно любить то, что стоит любить, и ненавидеть то, что заслуживает ненависти, человека, всегда готового сражаться за идеал, возвышающий его любовь и оправдывающий его антипатии?

Со времен философов древнего мира всегда было стремление изображать «добродетель» как род «мудрости», поощряющей человека скорее «развивать красоту своей души», чем бороться против зол своего времени с «немудрыми». Впоследствии добродетелью стали называть «непротивление злу», и в течение многих веков личное «спасение», соединенное с покорностью судьбе и пассивным отношением к злу, было сущностью христианской этики. В результате получалась выработка тонких доказательств в защиту «добродетельного индивидуализма» и превозношение монастырского равнодушия к общественному злу. К счастью, против такой эгоистической добродетели уже начинается реакция и ставится вопрос,— не представляет ли пассивное отношение ко злу преступной трусости? Не права ли Зенд-Авеста, когда утверждает, что активная борьба против злого Аримана — первое условие добродетели*. Нравственный прогресс необходим; но без нравственного мужества он невозможен.

Таковы некоторые из требований, предъявляемых к учению о нравственности, которые можно различить при теперешнем столкновении понятий. Все они ведут к одной основной мысли. Требуется новое понимание нравственности, в ее основных началах, которые должны быть достаточно широки, чтобы дать новую жизнь нашей цивилизации, и в ее приложениях, которые должны быть освобождены от пережитков сверхприродного трансцендентального мышления, равно как и от узких понятий буржуазного утилитаризма.

Элементы для нового понимания нравственности уже имеются налицо. Значение общительности и взаимной помощи в развитии животного мира и в истории человека может, я полагаю, быть принято, как положительно установленная научная истина, свободная от гипотез.

Затем мы можем счесть доказанным, что по мере того квк взаимопомощь становится утвердившимся обычаем в человеческом обществе и, так сказать, практикуется инстинктивно, сама эта практика ведет к развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия и равенственного самосдерживания. Мысль о том, что личные права каждого так же ненарушимы, как естественные права каждого другого, растет по мере того, как исчезают классовые различия. И эта мысль становится ходячим понятием.

Некоторая доля отождествления своей личности с интересами своей группы по необходимости существовала с самого начала общественной жизни, и оно проявляется уже у низших животных. Но по мере того как отношения равеиства и справедливости укореняются в человеческих обществах, подготовляется почва для дальнейшего и более распространенного развития более утонченных отношений. Благодаря им, человек настолько привыкает понимать и чувствовать отражение его поступков на все общество, что он избегает оскорблять других, даже тогда, когда ему приходится отказываться от удовлетворения своих желаний; он настолько отождествляет свои чувства с чувствами других, что бывает готов отдавать свои силы на пользу других, не ожидая ничего в уплату. Такого рода не себялюбивые чувства и привычки, обыкновенно называемые не совсем точными именами альтруизма и самопожертвования,— одни, по моему мнению, заслуживают названия собственно нравственности, хотя большинство писателей до сих пор смешивало их, под именем альтруизма, с простым чувством справедливости.

Взаимопомощь,— Справедливость,— Нравственность — таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют органическую необходимость, несущую в самой себе свое оправдание, подтверждаемую всем развитием животного мира, начиная с первых его ступеней (в виде колоний простейших животных) и постепенно поднимаясь до высших человеческих обществ. Говоря образным языком, мы имеем здесь всеобщий, мировой закон органической эволюции; вследствие чего чувства Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности глубоко заложены в человеке, со всею силою прирожденных инстинктов; причем первый из них, инстинкт Взаимной Помощи, очевидно, сильнее всех, а третий, развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается наименее обязательным.

Подобно потребности в пище, убежище и сне, эти три инстинкта представляют инстинкты самосохранения. Конечно, по временам они могут ослабевать под влиянием некоторых условий, и мы знаем много случаев, где, в силу той или иной причины, происходит ослабление этих инстинктов в той или другой группе животных или в том или другом человеческом обществе. Но тогда эта группа неизбежно терпит поражение в борьбе за существование: она идет к упадку. И если эта группа не вернется к условиям, необходимым для выживания и прогрессивного развития, т. е. к Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности, она,— будь это племя или вид,— вымирает и исчезает. Раз она не выполнила необходимого условия прогрессивного развития, она неизбежно идет к упадку и исчезновению.

Таково твердое основание, даваемое нам наукой для выработки новой системы этики и ее оправдания...

* Тиле (С. P. Thile). История религии в древности, нем. издание. Гота, 1903. С. 163 и след.

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ,
кандидат исторических наук

КРЫМ

Удастся ли изменить логику истории? Является ли историческое право главным аргументом в территориальных спорах? — Об этом полемические заметки председателя Международной комиссии Конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы).

Когда готовился этот материал, российско-украинские отношения, камнем преткновения которых стал Крым, были напряженными. Сейчас эта напряженность, к счастью спала. Но проблема спорных территорий остается. И вряд ли она будет решена однозначно в ближайшее время. «Родина» не может оставаться безучастной к происходящим событиям. Статьей Н. Нарочницкой журнал открывает новую рубрику «Узлы геополитики». Можно не соглашаться с тем, что пишет автор. Можно решительно опротестовать высказанные соображения. Но такая точка зрения в нашем взбудораженном, поляризованном обществе существует. Как, впрочем, налицо и другая оценка происходящего.

Поэтому мы готовы предоставить свои страницы и для иного мнения по обсуждаемому вопросу.

Что сулит миру состоявшееся расчленение СССР? Приобретаем ли мы что-то, кроме неизбежных правовых, территориальных, экономических, а также военных конфликтов? Увы, становится все более очевидным — уничтожение государства было бессмысленной и напрасной жертвой. Ибо нигде в бывших республиках не восторжествовали ни демократия, ни права человека, ни национальное согласие и возрождение. Ни на шаг не приблизились там к ликвидации остатков тоталитарных властных структур, из чувства самосохранения быстро перехвативших лозунги национализма. Сам принцип самоопределения осуществлен в такой форме, что произошло самоопределение территорий, не совпадающих ни с этническим расселением, ни с историческими рубежами вновь образованных государств до их вхождения в состав России.

Трудно в такой ситуации осуждать приднестровцев, которые ощущают себя потомками тех, кто были гражданами России задолго до того, когда слово «Румыния» появилось в европейском лексиконе. Легко понять и жителей Крыма, воспринимающих как трагедию жизнь в государстве, которое идет на конфронтацию с их Родиной-Россией. К счастью, пока не везде тяжкое осмысление потери прежнего Отечества и своей принадлежности к новому выливается в открытые гражданские и военные столкновения. Но где гарантия того, что трагедия Приднестровья не повторится в других регионах?..

Тем более что реальность весьма удручающа. СНГ — это вовсе не объединение «братушек-славян» и не зачаток или прообраз будущего государственного образования, а поражение интересов России. СНГ — протокол о намерениях, который даже при ратификации по-разному интерпретировался на Украине и в России и который Украина даже и не думала соблюдать. В то же время по этому «протоколу» Россия должна отказаться от Крыма, от города русской славы Севастополя и Черноморского флота, да еще продавать нефть за рубли...

Сейчас уже ни для кого не секрет, что Украине «роспуск» Союза нужен был лишь для того, чтобы, взяв контроль над частью ранее общесоюзной армии и захватив Черноморский флот, закрепить свои необоснованные претензии на Крым. Просто выйдя из Союза, Украина не могла бы претендовать на армию и флот, которые подлежали бы выводу как «иностранные вооруженные силы» (подобно ситуации в Прибалтике). При этом Киев, безусловно поощряемый вызывающим недоумение попустительством России, проявляет далеко идущую решимость дистанцироваться от России, мало заботясь о реалистичности своих замыслов.

Тревожные сообщения о попытках переподчинения Черноморского флота и естественном отказе офицеров и матросов, верных государству Российскому и ее святыне Севастополю, присягнуть Украине внушают серьезные опасения перед будущим «братьев-славян», России как державы, а также всего региона и баланса сил в Европе и мире...

Что же такое Крым — этот крошечный полуостров почти на стыке Европы и Азии? Почему вопрос о нем должен рассматриваться как предмет жизненно важных интересов России? Каково геополитическое значение Крыма? Что делало его предметом и местом исторических столкновений?

В геополитической терминологии континент Евразия назван Мировым Островом, контроль над которым обеспечивает господство над миром. Южная граница Европы и Азии с центром в Тавриде определена как Сердцевина Земли — Хартленд. И тот, кто контролирует эту Сердцевину, владеет ключом к Мировому Острову. Эта отвлеченная абстракция выразилась в более конкретной форме на протяжении веков как Восточный вопрос. В конкретной исторической науке Восточный вопрос чаще всего понимается как проблема XIX века — как борьба за контроль над черноморскими проливами. И в этом историческом контексте Крым имел наиважнейшее значение. Однако панорамный взгляд на историю позволил уже С. М. Соловьеву понять Восточный вопрос как протянувшееся сквозь тысячелетие историческое соперничество между Европой и Азией, между «европейским и азиатским духом», которое приводило к торжеству то «полчищ Ксеркса», то воинов Александра Македонского, то к вторжению гуннов в Западную Европу, то к крестоносным походам «латинской» Европы в Палестину... Наконец, и монгольское нашествие, и русские знамена в Астрахани, Казани и Ташкенте также являются проявлением этого исторического противоборства, продолжавшегося в войнах с Османской Турцией вплоть до XX века... Для России, в силу ее географического положения, эта борьба и поиск равновесия между двумя началами составляли главное содержание ее истории на протяжении

веков. Найденный же баланс оказался мирового значения.

Будучи своеобразной и духовно толерантной цивилизацией, сформировавшаяся в гигантскую евразийскую державу Россия стала выполнять историческую миссию держателя равновесия между Западом и Востоком. Эта роль стала возможной лишь после окончательного сформирования географического положения России. Главным событием в этом процессе, занявшем несколько веков, стал выход России к Причерноморью и окончательное закрепление ее в Крыму, начавшееся еще тысячу лет назад.

За несколько веков до нашей эры Крым, или правильнее — Таврида, был населен множеством этносов и племен. Географическое положение делало этот полуостров перекрестком важнейших торговых и военных путей, что приводило в Тавриду все новые племена и вело к частой смене цивилизаций. Тавры, скифы, греки, армяне, евреи, воинственные кочевники и мирные торговцы — все они оставили свой след в истории Тавриды, создавая волнообразно Скифское, Боспорское и Херсонесское государства. Просуществовав около шести веков, и они уступили место другим, пав под мощным напором гуннов, готов, аланов. Лишь Херсонес сохранил себя, чтобы стать местом встречи Древней Руси и Византии. Именно здесь «воссиял православный крест над Тавридой». Именно через Тавриду начал по преданию свой путь апостол Андрей Первозванный.

Именно в Херсонесе (не путать с Херсоном) образовалась первая православная община, откуда апостол Андрей отправился вверх по Днепру проповедовать среди славян. «Повесть временных лет» так передает нам это событие и слова Андрея Первозванного: «Видите горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей... и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пошел к славянам, где ныне Новгород, и увидел живших там людей».

Путь апостола Андрея, но уже в обратном направлении, повторили славяне, когда шли «из варяг в греки», приближаясь к Причерноморью, которое уже было захвачено новыми людьми — хазарами. В Тавриде славяне познакомились и с проповедниками христианства, знаменитыми славянскими просветителями свв. Кириллом и Мефодием. И, наконец, в Тавриде, в Херсонесе приняли крещение первые русские князья Аскольд и Дир, совершавшие поход на Царьград.

Князь Владимир Красное Солнышко также крестился в Херсонесе — «Корсуне», вопреки распространенному мнению, что это произошло в Киеве. Именно на Крымской земле и произошла историческая встреча Руси и Византии, когда крестившийся князь Владимир обвенчался с сестрой византийских императоров — царевной Анной. К этому времени в Тавриде уже существовало основанное Святославом удельное княжество — Тмутараканское, благодаря чему после разгрома Хазарского каганата полуостров стал сферой влияния русских князей. Русь освоила выход к Черному морю, наладились прочные связи Новгорода и Киева с Византией. Центром таких связей и был Корсунь в Тавриде. А после появления в районе Таманского полуострова Тмутараканского княжества Евксинский понт (греческое название Черного моря) стали называть Русским морем, а Азовское — Сурожским...

Началась золотая эпоха Киевской Руси, которая в течение двух веков успешно отражала набеги половцев, позволив им в Тавриде занять лишь небольшой кусочек земли возле нынешнего Судака.

Но в то время как в Европе шло формирование

христианских государств, в Азии пробудились новые силы кочевников, пришедших на сей раз из Великой Монголии. В начале XIII века в устье Днепра вторглась мощная боевая конница и отрезала Тавриду от христианского мира, дав ей новое название Крым и сделав ее улусом Золотой Орды. Много славян было погублено, полонено, продано в рабство, а древний цветущий Херсонес, выросший к XIII веку в крупный православный культурный и торговый центр, сначала разграблен, а потом и разрушен...

Вскоре под ударами Батыя пали и были разорены дотла Коломна, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома, Тверь... В 1240 году печальная участь постигла и «мать городов русских» — Киев. Обескровленная Русь вынуждена была перенести свои святыни на север — через Владимир в Москву. А «Корсуньская страна» — Таврида, ставшая «Крымом», надолго превратилась в главную силу грабительских набегов золотоордынцев на север и северо-запад Руси.

В 1453 году Константинополь был взят турками, и центр Православия переместился в Москву, наследницу Византии. В лице православной Московии Европа обретает на Востоке свой новый духовный стимул против Азии. Начинается новый виток Восточного вопроса, в котором Крым опять особый «магический» узел силовых линий.

Нелегкая судьба православной Руси заставляла ее постоянно бороться на два фронта. На Востоке это была Азия, представляемая сначала языческой, а потом мусульманской Ордой и ее ханами. На Западе — «латинская» Европа в лице шведских и немецких рыцарей-крестоносцев и польско-литовского государства, захватившего и окатоличившего западные княжества Руси. Монголо-татары истощали Русь материально, но не трогали ее духовную жизнь, несли «рабство телу, но не душе». Запад же с его агрессивно-миссионерским католичеством сулил рабство и телу, и душе. Понявший это князь Александр Невский избрал Восток предметом своих дипломатических усилий, а меч свой обратил против захватчиков — шведов и немцев, в чем ему оказывали поддержку находящиеся в заключенном «соглашении» татары. Наверное, князь Александр один из первых понял «евразийское» предназначение Руси, спасительное для ее души и примирявшее в лице России Европу и Азию...

Однако путь к этому равновесию был еще долог. Он пролегал через Куликовскую битву и стояние на реке Угре. Он вел через смуту к изгнанию поляков из оскверненного ими Кремля и постепенному вытеснению их с древнерусских западных княжеств, к освобождению Киева — матери городов русских. Этот путь объединил *правороссов* — русских, белорусов и украинцев — в одной общей судьбе, сделав их неуязвимыми от духовно агрессивной «латинской» Европы и от материально истощавшей «Азии».

Переяславская Рада, воссоединившая в 1654 году Украину и Русское государство, завершила период, когда десятки тысяч украинских беженцев спасались в Московии от принудительного окатоличивания и полной полонизации. От своих претензий на Киев Речь Посполитая отказалась лишь через тридцать два года (по «Вечному миру» с Польшей). В этом договоре Русское государство признавалось заступником оставшихся на территории Речи Посполитой украинцев и русских, а также обещало полякам направить свое войско... в Крым для защиты своих и польских земель, страдавших от опустошительных набегов Крымского ханства — вассала Османской Турции, нового носителя «азиатского духа».

Раздвигаясь на Запад и Восток, Россия расправляла плечи. Но прочно встала она на ноги, лишь вернув себе южную опору — Тавриду. Для первых успехов на южном направлении в продвижении к Черному морю понадобились талант и воля молодого Петра I, прекрасно осознававшего геополитические нужды России. Этот путь занял еще полтора столетия и сделал Потемкина — Таврическим, Суворова — Рымникским, Румянцева — Задунайским, Муравьева — Карским. А не случись этого, быть бы сейчас молдаванам, грузинам и армянам — персами и турками...

В 1774 году был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому Крым становился независимым от Турции, а в 1783 году «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под Державу Российскую». Еще полтора столетия понадобилось для того, чтобы баланс сил окончательно установился, чтобы Европа примирилась с новым геополитическим положением Российской империи. И хотя Россия, выйдя к Причерноморью и укрепившись в нем, спасла Европу, ибо турки уже стояли в Вене,— та в Крымской войне попыталась лишить Россию ее статуса Черноморской державы. Но «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как неблагодарна»,— писал в свое время обладавший удивительным историческим чувством А. С. Пушкин.

Понадобились два десятилетия искуснейшей дипломатии блистательного князя Горчакова, чтобы преодолеть последствия Парижского мира, по которому Россия была лишена права иметь Черноморский флот и даже береговые укрепления (так называемая «нейтрализация» Черного моря, удивительно похожая на нынешнюю ситуацию). Знаменитый циркуляр русского канцлера вернул России ее утерянные права. Недальновидная «англо-французская» Европа поплатилась за унижение России появлением новой мощной европейской силы, объединенной под эгидой Пруссии,— Германии. Русско-германское сотрудничество, может быть, и вынужденное, дало взаимную поддержку этим двум державам в столь важных для них вопросах.

После этих событий Восточный вопрос, конкретизированный в XIX веке как вопрос о Черноморских проливах, постепенно утратил в Европе свою остроту и до наших дней регулируется Конвенцией о Черноморских проливах 1936 года (Монтрё).

Ужаснув мир напоследок резней армян, Турция после первой мировой войны, похоже, потеряла свою воинственную антиевропейскую силу. А «мировое латинство» теперь, пожалуй, олицетворяют... Соединенные Штаты Америки, решая Восточный вопрос в своем противостоянии «азиатскому духу» на Ближнем Востоке и в Иране...

Что же сулит миру расчленение России? — нелишне вновь спросить на фоне этого исторического экскурса. Расчленение исторической России под именем СССР лишает мир державы равновесия между европейской и восточными цивилизациями, без которого Западная Европа могла напрямую столкнуться со столь чуждым ей Востоком. Гигантская евразийская Россия, с мирно и веротерпимо сосуществовавшими в ней народами, *в самой себе* олицетворяла встречу Европы и Азии и их примирение как цивилизаций.

Маленький Крым был тем необходимым географическим элементом, создавшим определенное соотношение

сил государств в районе соприкосновения Европы и Азии. И соотношение государственных сил стало основой для равновесия их цивилизаций.

Потеряло ли все это значение в наши дни? Может ли Россия, уже лишенная триединого славянского ядра — основы мощи православной цивилизации, потерять Крым? Понимают ли в Москве и Киеве все долгосрочные последствия такого стратегического изменения в Черноморском бассейне? Понимают ли в Кремле, что это возрождение Восточного вопроса во всех его аспектах. И если Россия перестанет быть черноморской державой, это будет означать крушение военно-стратегического равновесия в регионе. Это в конце концов резкое усиление роли Турции, на которую не случайно в последние годы делали ставку Соединенные Штаты. Распад Югославии, целостность которой должны были гарантировать 35 государств, подписавших Хельсинкский акт и намеренно отказавшихся от своих гарантий, делает расстановку сил на стыке славянского мира с Востоком еще менее благоприятной для России. Украина не займет место России, это ей не под силу, да и флот, управлявшийся целиком из Москвы, надолго потеряет свою боеспособность...

Все эти тревожные процессы наметились, и с каждым днем промедления в вопросе о статусе Крыма рушатся исторически преемственные, жизненно важные интересы России. Во время Крымской войны лондонская «Таймс» откровенно писала, что «...главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будет существовать Севастополь и русский флот. Но как только этот центр могущества на юге империи будет уничтожен — разрушится и все здание, сооружением которого Россия занималась сотню лет». А сколько жизней положено за эти безопасные рубежи?

Пока мир с недоумением и не без тревоги уже готов поверить в то, что нынешнее руководство России в своей новой «планетарной» идеологии (столь же надуманной, сколь опасной) собирается примириться с ненормальным возвращением России к «положению после Крымской войны», Украина спешно наращивает военную силу. Настойчивость и скорость, с которыми Киев нарушает и дух и букву того документа, который преподносится народам как панацея от конфликтов — СНГ, показывают, что Украина ощущает ущербность своих прав на Крым в силу абсолютно очевидной неконституционности указа 1954 года о передаче ей Крыма. Зависимые от поддержки националистов, нынешние украинские посткоммунистические, а вовсе не демократические, лидеры понимают, что в исторической перспективе Россия осознает свои национальные интересы, и поэтому стремятся к этому моменту стать уже *военной державой*, чтобы страх перед «югославским вариантом» заставил Россию отступить. Этот страшный вариант скорее всего нам и уготован, если Россия будет медлить с конструктивной реализацией отмены указа 1954 года. Пока Украина не имеет полноценных вооруженных сил и не «привыкла» еще считать себя Черноморской державой и владелицей Крыма, сильные и столь спасительные для всего региона и будущего мира шаги России вызовут лишь *политический* шум, хотя и достаточно громкий. Вероятно, крайние националисты будут требовать от Киева выхода из СНГ и обрушатся гневно на «империю». Можно и нужно ли во что бы то ни стало пытаться это предотвратить? Что же реально изменит возможный выход Украины из этого уже почти почившего в бозе образования? Нельзя не заметить, что с самого начала именно позиция Киева превратила СНГ в простой протокол о намерениях, который можно не соблюдать. Ошибаются те, кто либо из наивности, либо из лукавства настаивают, что на нынешней стадии можно рассчитывать на конструктивное сотрудничество и «замирение» с Киевом, если не

«ворошить» проблему Крыма. Увы, все еще ничем не спровоцированные первые демарши независимого Киева говорят об обратном. Если бы это было не так, Киев не стал бы «ворошить» проблему Черноморского флота и создавать армию через считанные недели после «Брестского мира-2».

Киев с самого начала демонстрировал цели, совершенно отличные от целей других республик в отношении Содружества и откровенно торпедировал все попытки добиться большего объединения рассыпающегося «геополитического пространства». И если до сих пор целый ряд республик считали бы желательным (но, увы, все более невозможным) сохранить существующие связи, общее стратегическое пространство, если не единые, то хотя бы объединенные вооруженные силы, то задачей киевского правительства от начала процесса и до нынешнего дня было не допустить этого.

Поэтому надо посмотреть правде в глаза и признать, что вопреки идее об обязательном участии Украины в Содружестве ее потенциальный выход мало что изменит, а может, и даст как раз шанс превратить это «образование» в более действенный механизм, чем простое фиксирование того, что существует и без него.

Надо отдавать себе отчет в том, что сегодня на политической сцене Украины, к сожалению, в силу совокупности объективных и субъективных факторов, возобладали силы, чья значимость невозможна без поощрения любых тенденций в регионе в ущерб России, без игры на избавлении от «комплекса младшего брата», без демонстративного отказа исходить в политике из общеправославной цивилизации, общей судьбы. Но это есть игнорирование исторических, геополитических реальностей и пренебрежительное отношение к неумолимой логике истории и интересам украинского народа. Украина — Малороссия — является вне зависимости от желания галицийских экстремистов частью православной цивилизации «правороссов» и не может быть стратегически заинтересована в ослаблении России, ибо немедленно ощутит и уже кое-где ощущает то, что приходится сейчас переживать Сербской Крайне на территории Хорватии. (А это есть повторение истории, так как Переяславская Рада была логическим ее этапом.)

С другой стороны, конечно же, крайние антироссийские силы будут возбуждены еще больше против Москвы и начнут толкать Киев на резкие и авантюристические демарши. Но именно это отрезвит огромное большинство украинского народа и покажет ему бесперспективность такого пути. Еще больший стимул получит уже начавшееся размежевание украинского общества по регионам, по-разному относящимся к идее раскола триединого народа правороссов и к перспективам трагического славянского раздора. Политика Киева уже спровоцировала беспокойство в областях со смешанным населением, которые являются продуктом развития совместного освоения России и Украины — Новороссии, Донецкой области.

Настроения в этих регионах уже осложняют маневренность киевской дипломатии, которая испытывает большой нажим со стороны «латинской» Западной Украины. Если этот нажим усилится в результате серьезной постановки Россией вопроса о Крыме, то создадутся предпосылки для раскола между Западной и Восточной Украиной, для «федерализации» или «автономизации» Украины и непростого лавирования «украинского центра» — очередной редуцированной копии Союза в период декаданса...

Весьма трудно понять, как могут российские и украинские поборники «демократии» и «общечеловеческих ценностей» игнорировать позицию самого населения Крыма. Во всех республиках, увы, все по-большевистски трубят о праве наций на самоопределение и тут же проявляют при этом удивительную неготовность предоставить это право другим после того, как добились его для себя.

Таким образом, самый непредвзятый и лишенный эмоций политологический анализ показывает, что утвердившийся курс Киева, в силу объективных и субъективных причин, опирается на тактические расчеты и, будучи сознательным, не оставляет надежд на решение, где бы не пострадали стратегические интересы России и населения Крыма. Такой курс обречен на историческую переоценку в будущем, и этому будет только способствовать демонстрация Российским правительством своих интересов с помощью ярко выраженной политической воли. Правительство, не проводящее в сложившихся условиях *сильной* политики, обрекает следующее за ним на *силовое* решение.

Постановка Россией вопроса о реальной отмене Верховным Советом России указа 1954 года в качестве основы для переговоров побудит Киев после первого разочарования к более реалистичному курсу. Все романтики-националисты, игнорирующие геополитику и историческую логику, будут отрезвлены и переоценят на основе реального соотношения сил возможность и целесообразность как дистанцирования, так и соперничества с Россией. Это в конечном итоге послужит бóльшему согласию и примирению. Гордиев узел будет разрублен.

При этом российская политика национального интереса вовсе не означает политики национального эгоизма. Признание Крыма российским не должно повлечь скоропалительных политико-административных перемен на полуострове. Этот шаг нужен лишь для того, чтобы оградить Крым и Севастополь от всех демаршей Украины, лишая их юридической силы. Следующим шагом России могло бы стать предложение Украине заключить всеобъемлющий договор с подтверждением особых интересов Украины в Крыму. Это может быть и договор о военном сотрудничестве и взаимной помощи в обороне от общей опасности: *правороссы* всегда были братьями по оружию, и сколько их полегло на поле брани минувшей войны... Киеву будет весьма трудно уклониться от такого предложения, не обнажив истинных намерений.

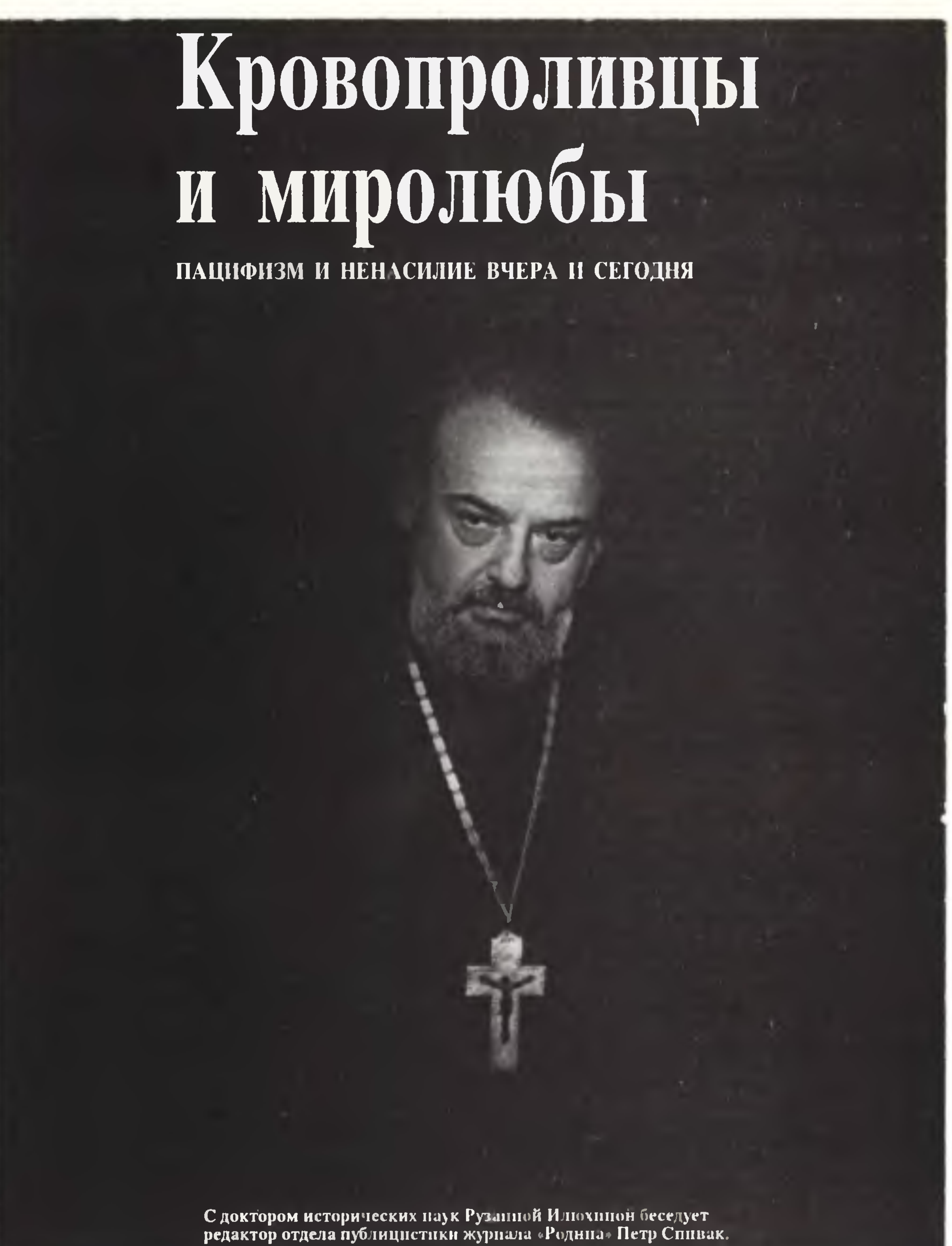
Сейчас нам всем надо особо уяснить, что по логике истории Крым никогда не был предметом спора с Украиной. Он был в составе Советской России до договора 1922 года о создании СССР, он был в составе России и по Брест-Литовскому миру. Украинским он стал лишь по Беловежскому миру!.. Такова логика истории, и мы ее не в состоянии изменить.

На протяжении тысячелетней истории борьбы России за Православную Тавриду, за русский Крым пролито столько русской крови! И всегда у противников этой борьбы находилось множество союзников против России — от хазар до турок, англичан, французов, итальянцев и немцев. Только сильная Россия может быть партнером Европы, слабая же будет рассматриваться как добыча для расхищения.

...Вспоминая об этом, услышьте сквозь глубину столетия предсмертные слова адмирала Корнилова: «Отстаивайте же Севастополь!»

Кровопроливцы и миролюбы

ПАЦИФИЗМ И НЕНАСИЛИЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

С доктором исторических наук Рузанной Илюхиной беседует редактор отдела публицистики журнала «Родина» Петр Спивак.

П. С. Рузанна Михайловна, позвольте начать наш разговор с утверждения достаточно очевидного: одна из главных трудностей восприятия пацифистских взглядов всегда состояла в их столкновении с патриотизмом — или по крайней мере с привычными представлениями о нем. Как вы считаете, может ли быть преодолена эта трудность? К тому же тоталитарное сознание, столь распространенное у нас, ориентировано на силовые ценности и потому враждебно пацифизму, который расслабляет нацию и государство, вносит дух крамолы в умы...

Р. И. Действительно, существуют разные представления о том, в чем состоит величие державы: одни считают, что в военной мощи (в частности, ядерной), другие — в величине территории или численности населения. Мне и моим единомышленникам близка другая точка зрения, согласно которой величие России — в ее духовной мощи, в духовной силе ее народа и его материальном благосостоянии. Все это тоже, конечно, допускает разные толкования.

О том, какую роль играла традиция ненасилия и миротворчества в российской истории, нам сейчас судить довольно трудно: марксистская идеология эту тему всячески игнорировала. История России стала восприниматься как история деяний воинственных государей, бунтов, революционной борьбы и, наконец, в качестве апофеоза — самой революции. Все остальное — искусственно отсекалось. И это во многом способствовало формированию советского человека с его агрессивной ментальностью.

Между тем, по мнению многих авторитетных историков и философов, идеи терпения и ненасилия господствовали в сознании нашего народа еще в допетровской Руси, и народники (а следом и марксисты) заблуждались, видя в этом лишь следствие темноты и забитости. На другом, элитарном уровне эта традиция сказалась в миротворческих идеях послепетровского времени, разработанных профессорами Московского университета С. Десницким и Я. Козельским, в проекте «О замирении государств» первого директора Царскосельского лицея В. Малиновского. И, наконец, высшим проявлением народного духа ненасилия стали социальные воззрения Льва Толстого. Ленин был, в сущности, прав, когда писал о Толстом как о выразителе чаяний и настроений многомиллионного крестьянства,— хотя и не мог его философию принять. Для нас же Толстой — великий мыслитель, из уст которого зазвучала крестьянская философия ненасилия.

П. С. Был в свое время разговор между Чеховым и Буниным. Чехов сказал: «Толстой умрет, и все полетит к черту». «В литературе?» — уточнил Бунин. «И в литературе тоже».

Слова Чехова оказались пророческими.

Я думаю, дело здесь не в том, что проповедь Толстого внушала людям какие-то идеи. К проповедничеству — чьему бы то ни было — Чехов и сам относился, как известно, скептически. Но, может быть, само присутствие Толстого — мыслителя и нравственного авторитета делало какие-то вещи невозможными? И тут нельзя не задуматься о том, что в сегодняшнем массовом сознании Толстой-философ фактически отсутствует...

Р. И. К сожалению, советские люди не знают Толстого. То есть они, конечно, знают «Войну и мир» и «Анну Каренину», но его философские произведения были от нас отрезаны. Достаточно сказать, что 28-й том Юбилейного собрания сочинений Толстого, где они опубликованы, смог выйти в свет только в 1956 году. Сам термин «ненасилие» в энциклопедиях отсутствовал, слово «пацифизм» сделалось бранным. Но и отношения Толстого с современным ему пацифизмом складывались достаточно трудно.

В начале XX века в России зародилось несколько обществ пацифистов — в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Варшаве, Новочеркасске. Основу этих обществ, занимавшихся прежде всего международными проблемами, составляли либеральные профессора, члены партии кадетов. Активнейшим пацифистом был и сам лидер этой партии Павел Милюков.

П. С. ... тот самый, который позже, во время первой мировой войны, удостоился за свою воинственность прозвания «Дарданелльский»...

Р. И. Да. Вообще тогдашние российские пацифисты не ставили вопроса о роспуске армий, ограничиваясь проектами международного суда и арбитража. Для них был неприемлем главный метод Толстого — отказ от службы в армии, метод воистину революционный, если вообще употребимо это слово в данном контексте. Толстого они считали пацифистом будущего, а себя — пацифистами настоящего, действующими в рамках реальности, в рамках закона.

П. С. Но как же все-таки получилось, что пацифистское движение в России оказалось в годы первой мировой войны, по сути дела, недееспособным и утратило всякое влияние на общественное сознание?

Р. И. Перед войной движение ненасилия успело уже набрать у нас серьезный авторитет, и знаменитые Гаагские конференции готовили российские пацифисты. Но война и революция уничтожили ненасильственную традицию физически и нравственно. Это произошло во время первой мировой войны не только в России, но и во всем мире. Причина очень проста: быть пацифистом значило подвергать себя угрозе репрессий.

Помимо либерального пацифизма, генетически связанного с идеями парламентаризма и социального реформаторства, существовал и пацифизм религиозный. Для него, наоборот, золотой век наступил после прихода большевиков к власти — в 20-е годы. Россия была третьей страной мира после Великобритании и Дании, узаконившей право на отказ от службы в армии по религиозным мотивам. Дело в том, что большевики на первых порах благоволили к протестантским конфессиям, поскольку стремились всячески ущемить Русскую православную церковь. В 1918 году был создан Объединенный совет религиозных общин и групп (ОСРОГ) во главе с В. Чертковым, сподвижником Толстого. Усилиями ОСРОГа и было подготовлено принятие декрета от 4 января 1919 года об освобождении от воинской службы по религиозным убеждениям. Благодаря тому, что близкий друг Черткова В. Бонч-Бруевич, крупнейший исследователь русского сектантства, был управляющим делами Совнаркома, ОСРОГ довольно успешно сотрудничал с советскими властями. Возможность такого сотрудничества отчасти определялась тем, что цель пацифизма — всеобщий мир — признавалась и большевиками, различие состояло в средствах достижения цели.

После смерти Ленина нападки на пацифистов усилились, льготы для отказников от военной службы были сведены на нет, а затем право на отказ было и вовсе ликвидировано. Коммуны крестьян-толстовцев закрыли, а сами они отправились в ГУЛАГ. И теперь историю российского пацифизма мы можем узнать только в архивах КГБ. Вернее, сможем, когда эти архивы понастоящему откроются.

П. С. Итак, традиция ненасилия прервалась после социалистической революции...

Р. И. Да... хотя были и исключения. В 1918—1920 годах в Бийске на Алтае действовала «Лига общечеловеческого братства и вечного мира», которая 4 июня 1918 года через газету «Бийская правда» обратилась к большевистской партии с предложением о созыве Международного парламента, а месяц спустя повторила эту идею колчаковскому Временному Сибирскому правительству.

В 1920 году председатель Лиги адвокат Михайловский, автор книги «Верховенство человечества и Международный Парламент», был арестован, и след его теряется. Известно, что начиная с 1917—1918 годов протестовали против разгула террора и насилия Короленко, Горький и многие другие. Знаем мы теперь и об идеях мирового федерализма, выдвинутых Даниилом Андреевым в «Розе Мира».

П. С. Рузанна Михайловна, а как вы оцениваете миротворческое движение, которое существовало у нас под эгидой официальных властей,— Советский комитет защиты мира и тому подобные организации?

Р. И. Хорошо известно, что СКЗМ поддерживал все вооруженные акции СССР, закрывал глаза на непосильное для нашей страны бремя вооружений и учил весь мир, как ему следует жить и разоружаться. Эта политика обеления одной стороны и обвинения другой способствовала расколу антимилитаристского движения в Западной Европе. По сути своей советское движение сторонников мира было партийно-бюрократическим и, если употребить термин Ромена Роллана, пацибеллистским, а не пацифистским (то есть отстаивало такой мир, который приводит к войнам). Конечно, СКЗМ до известной степени был окном в мир, но — для очень узкого и специфического круга.

Подлинное же пацифистское движение возникло у нас как антиофициальное, диссидентское. Начало ему положили Сахаров, соединивший антимилитаризм с борьбой за права человека, и Солженицын — особенно важна его статья «Мир и насилие», где доказывается, что мир — это не просто отсутствие войны, но отсутствие всякого насилия над личностью. Обо всем этом мы пока еще очень мало знаем — только важнейшие вехи, такие, как знаменитое письмо Сахарова в ООН против агрессии в Афганистане или протест шестерых героев, вышедших в 1968 году на Красную площадь в знак солидарности с Чехословакией.

П. С. Кстати: в какой степени движение протеста против афганской войны затронуло самих ее участников? Известны ли случаи отказа советских солдат и офицеров от несения службы в Афганистане?

Р. И. Вопрос этот пока очень мало исследован. Но по опыту своих собственных наблюдений скажу, что наши «афганцы» никогда в пацифистском движении не участвовали. Наоборот, они играли заметную роль в ОМОНе и так далее. Почему это так — серьезная психологическая проблема. Возможно, эти люди ощущают себя как бы вскормленными и воспитанными войной, агрессией...

Мне вообще представляется, что в сегодняшней посттоталитарной России общественный фон для возрождения миротворчества весьма неблагоприятный. Страна раздирается конфликтами и страстями — и все это на фоне не исчезнувшего никуда милитаризма, психологии страны — осажденного лагеря. Та социальная база движения ненасилия, которая существовала в царской России, сейчас практически отсутствует. Толстовского движения почти нет, а ведь в России пацифист — это прежде всего толстовец. Можно говорить лишь о возрождении религиозного пацифизма и о появлении самой возможности широкого ненасильственного движения на основе антимилитаризма и необходимости гражданского примирения. Но от возможности до реальности еще очень далеко.

П. С. Складывается впечатление, что не только почти все политики, но и преобладающая часть общества выказала, по сути дела, равнодушие к фундаментальным ценностям свободы и к идее ненасилия — при всей устремленности к демократии и прогрессу...

Р. И. Действительно, очень многим сама по себе проблема ненасилия представляется второстепенной, далекой от насущных забот. Уход в прагматизм текущей политики стал одной из причин распада многих пацифистских групп, например, группы «Доверие». Антимилитаристская активность стимулировалась в первую очередь национальными вопросами (так, волна отказов от службы в армии всколыхнула Балтию, Грузию, Молдову, но движение это можно лишь условно назвать пацифистским, поскольку речь шла о нежелании служить именно и только в советской армии) или армейской преступностью.

П. С. То есть речь идет по преимуществу о протесте против тех или иных конкретных безобразий армейской системы, но не против общей ее безобразности.

Р. И. И тем не менее свою инициирующую роль все эти движения сыграли — и продолжают играть. Возникло широкое движение солдатских матерей, подобного которому нет почти нигде в мире; антиядерное движение — прежде всего в Казахстане. Появилось, наконец, интеллектуальное направление, то есть научная разработка идеи ненасилия. В Институте философии работает группа «Этика ненасилия», руководимая А. Гусейно-

вым; в Институте всеобщей истории — группа «Идеи мира в истории». Готовится выпуск международного научного труда «Российская ненасильственная традиция: история и современность».

П. С. Сейчас много спорят о религиозном возрождении и о том месте, которое могла бы занять церковь в общественной жизни. Существует ли на сегодняшний день сколько-нибудь серьезное взаимодействие между пацифизмом и религией?

Р. И. Пацифистские идеи во многом основываются на религиозно-нравственной традиции. Правда, отношения с православной церковью у нас складываются сложно. Дело в том, что Русская православная церковь никогда не была пацифистской. У нее вообще нет своей социальной доктрины — в отличие от западных церквей, каждая из которых имеет свое миротворческое общество. Но я думаю, если что-то может объединить существующие у нас в стране церкви, то это прежде всего идея ненасилия. Сейчас у нас создается межцерковный совет мира — на уровне прихожан-энтузиастов, а не иерархов,— с тем, чтобы взять под опеку союзы отказников от военной службы, заниматься просветительской деятельностью, устроить приют для жертв насилия.

П. С. Мы сейчас снова подошли к вопросу, который вы затронули в начале нашего разговора: насколько развита в России ненасильственная традиция. Не будет ли справедливым утверждение, что традиция эта, безусловно, существует, но она всегда забивалась традицией противоположного порядка, связанной с оборонным сознанием и авторитарной властью? Взять хотя бы такое очевидное явление, как неадекватная реакция массового, и не только массового, сознания на власть: на самого прогрессивного из русских царей, Александра II, устраивают форменную охоту и в конце концов его убивают, Хрущева и Горбачева презирают за гнилой либерализм, зато тираны и кровопроливцы все как один ходят в *великих* и *выдающихся*. Кто был от века больше всех превознесен как герой и творец русской истории? Да прежде всего воин, человек с ружьем...

Р. И. Да, российская история — это история военизированная, это цепь завоевательных походов и иноземных нашествий. Крепостническая деспотия привела к тому, что в сознании людей насильственный протест превалировал над ненасильственным. Сказалось и отсутствие мощной протестантской мысли, которая на Западе формировала идею ненасилия. Но все же процесс распространения и усвоения идеи ненасилия происходит. И первая у нас массовая ненасильственная акция состоялась 19—21 августа 1991 года — защита Белого дома. Руководители России, будучи вооруженными, призвали невооруженный народ к ненасильственному сопротивлению; действовали знаменитые цепочки женщин, призывавших к христианскому милосердию и братанию с солдатами; самое же главное, многие вначале не понимали, что участвуют в ненасильственной акции, то есть она была спонтанной, естественной, хотя и направляемой.

П. С. Против идей пацифизма и ненасилия часто выдвигаются обвинения в утопичности, в отрыве от реальности, где пока еще не удается обойтись без применения силы,— здесь легко находятся примеры, в том числе и недавний — с Саддамом Хусейном...

Р. И. Между прочим, из-за Хусейна раскололось пацифистское движение в США — так же как в свое время произошел раскол среди пацифистов Запада из-за войны с Гитлером. Какая степень применения насилия допустима для пацифиста — вопрос спорный. Одни стоят на точке зрения абсолютного пацифизма, другие признают необходимость ответного насилия в определенных случаях. Одни идут на войну, другие отказываются и сидят в тюрьмах. Вообще ненасильственное движение очень плюралистично. Что касается утопизма, то этот и другие подобные упреки раздавались по адресу пацифистов еще с конца XIX века, с тех пор, как это движение оформилось. Но все идеи пацифистов конца прошлого века со временем стали важнейшими принципами международных отношений. Я имею в виду гуманизацию правил ведения войны, идею Красного Креста, создание международной организации безопасности типа Лиги наций и ООН. А с идеей Соединенных Штатов Европы еще в середине XIX века выступал Виктор Гюго. Просто всегда существуют идеи, опережающие политическую практику. И мне кажется, что подлинными делателями истории становятся не те, кто на миллионах трупов и грудах развалин основывал, расширял и укреплял свои преходящие государства, а те, кто мог побеждать насилие без насилия, кто, борясь за ценность человеческой жизни, мог с помощью политического диалога, поиска консенсуса, урегулирования конфликтов двигаться вперед путем ненасилия.

Вообще есть три возможности ответа на насилие: контрнасилие, пассивное ненасилие (то есть примирение со злом) и ненасилие активное, которое как способ политической борьбы было для нас до последнего времени совершенно незнакомо. Именно идею активного ненасилия отстаивал Лев Толстой, противопоставляя ее не только пассивности, но и насильственной борьбе: «Нельзя огнем тушить огонь, водой тушить воду, злом уничтожать зло. Уже это делали с тех пор, как свет стоит, и вот доделали до того положения, в котором мы живем».

П. С. Речь идет, по сути дела, о том, чтобы перестать говорить со злом на его языке. Должно произойти языковое размежевание со злом и насилием — только тогда можно будет эту нескончаемую цепь насилия разорвать.

Р. И. Между прочим, язык ненасилия уже достаточно хорошо разработан. По подсчетам западных специалистов, существует 198 форм и методов ненасильственных действий. Все это нам предстоит долго и трудно осваивать.

В исторических судьбах нашей страны правда оказалась на стороне пацифистов, ибо зло порождало только зло, а насилие — еще большее насилие. Российскому пацифизму пришлось прокладывать свой скорбный путь сквозь завалы и дебри политического и вооруженного насилия в обществе, которое не приняло идею ненасилия.

Сегодня Россия сможет войти в общеевропейский дом только на принципах ненасилия и гражданской демократии. И главная роль здесь будет, мне кажется, принадлежать не политикам. Политики могут притушить тот или иной конфликт, могут разжечь его, но все чаще они уже не контролируют ситуацию, потому что злоба и нетерпимость сидят в нас самих. Глубинные изменения в политике России будут определяться не столько государственными деятелями, которые сами еще недалеко ушли от имперского сознания, сколько рядовыми людьми. Это прежде всего их задача — создавать группы сторонников ненасилия, добиваться того, чтобы страна, давшая миру Толстого и Сахарова, освоила язык ненасильственного диалога.

НАТАЛЬЯ БУМАГИНА

Когда молоко бывает целебным

В этимологии слов «башкир» или «башкорт», как себя еще называют башкиры, около тридцати толкований. Одно из них: «баджгард», общее название с «маджгард» — «мадьяр», усматривающее связь и общих предков с венграми. Более простое: по-татарски «баш» — «голова», «главный», а «кор» — «род». Но многие здесь склоняются к более поэтическому толкованию. Вот что гласит легенда: «В давние времена предки башкир кочевали с одного места на другое. У них были целые табуны скота. Однажды в поисках лучших пастбищ откочевали они с прежних мест. Шли долго и вдруг наткнулись на волчью стаю. Волчий вожак встал впереди кочующего каравана и повел его дальше, пока не дошли все до благодатной земли — богатой реками, тучными лугами, лесами, кишащими зверьем. А ослепительно дивные горы достигали облаков. Дойдя до этого места, вожак остановился.

И люди остались здесь жить. А называть себя стали «башкорттар» — людьми, пришедшими за главным волком. Его раньше называли «корт».

Кстати, все легенды, рассказывающие о происхождении башкир, говорят о том, что они *пришли* на эту прекрасную землю. С Алтая или из Причерноморья, а может быть, из Средней Азии (единого мнения нет), но, несомненно, *пришли*. Это подтверждают археологи. Они установили, что в древности здесь жили финские племена. Об этом же говорят и названия рек и озер (то, что не меняется). Уфа, Миасс, Изер — названия не тюркские. Но переселяться башкиры сюда стали давно — еще в первом тысячелетии новой эры. Селились вольно, заняв пространство по обеим сторонам

Уральского хребта между Волгой, Камой и Тоболом.

По свидетельствам арабских и персидских путешественников IX—XIII веков, башкиры — самостоятельный воинственный народ, ведущий кочевой образ жизни. Землю они разделили по родам. Одним достались горы и леса, другим — степи. Страстные охотники до лошадей, они держали у себя и большие стада крупного рогатого скота, а степные — верблюдов. Лесные башкиры занимались еще звероловством и бортничеством.

Лихие наездники, башкиры отличались смелостью и безграничным удальством. Превыше всего ценили личную свободу и независимость. У них были князья, но с весьма ограниченной властью. Все важные дела решались в народном собрании (джиине), где каждый башкир пользовался правом голоса. В случае войны или набега джиин воевать никого не принуждал — шли по доброй воле.

Такими они были до Батыя, такими остались и после него.

При хане Узбеке (1313—1342) в Башкирии утвердился ислам, проникший сюда, надо сказать, еще раньше. Когда Золотая Орда распалась на отдельные ханства, башкиры платили ясак разным властителям: одни — казанским, другие — астраханским, а третьи — обитатели гор и лесов Урала — ханам сибирским. Но вот что важно: только сбором ясака и ограничивались отношения башкир с ордынцами. *Внутренний быт и самоуправление остались нетронутыми.*

С русскими башкиры пришли в соприкосновение задолго до покорения Казани. Несомненно, что предприимчивые новгородские купцы проникали сюда начиная с XII века, но постоянных их поселений здесь не было. Но вот войсками Ивана Грозного завоевана Казань, русская рать теснила и народы, бывшие в зависимости от Казанского ханства. Тогда-то, вероятно, башкиры, преследуемые набегами киргиз-кайсаков, с одной стороны, с другой же, видя усиливающуюся власть московского царя, добровольно приняли русское подданство. Но точных исторических данных о том, чтобы они явились в Москву с челобитной, как это сделали орские люди или луговые черемисы, не имеется. Однако уже в 1557 году башкиры платили ясак, а Иван Грозный в завещании, писанном в 1572 году, поручает сыну своему Казанское царство уже «с Башкирдою». Грозный царь, приняв башкир под свою высокую руку, выдал им грамоту на владение землей на вечные времена, согласно их народным нравам и обычаям.

Вскоре после принятия русского подданства башкиры, сочтя обременительным доставлять ясак в Казань и страдая от воинственных соседних племен, просили царя построить на их земле город. В 1586 году воевода Иван Нагой приступил к основанию Уфы, которая была первым *русским* поселением в Башкирии. Одновременно с этим начинается колонизация края: татары, черемисы и другие народы поселяются у башкир, снимая у них землю за оброк, русские пока занимают сибирские слободы (на территории нынешней Челябинской области).

Можно однозначно сказать, что с падением мусульманского царства Башкирия приобретает особое значение. Она становится прибежищем для мусульман, не желающих оставаться в русских пределах, а также для тех, кто не терял надежду на восстановление прежних порядков в Казани. Сюда же проникали и беглые русские люди. В крае создавалась благоприятная почва для глухого брожения, враждебного Москве. Правительство чувствовало опасность и старалось упрочиться здесь. Башкиры были разделены на волости, которые образовали четыре дороги (округа). В компактное заселение инородцев врезались линии острогов, зимовий. Цель — не дать соединиться народу в единое целое и отрезать от возможных соратников-соседей. Так и сошлось: захват башкирских земель, поборы воевод да еще агитация мусульманских религиозных пастырей — выходцев из Казанского ханства — все это уже в XVII веке положило начало волнениям. Московское правительство старается идти навстречу требованиям башкир. Так, в 1649 году Соборным Уложением запрещается приобретение башкирских земель и даже аренда их на длительное время. Посылаются государевы указы о непритеснении башкир при сборе ясака. Но все тщетно. Центральное правительство не в силах было обуздать своих наместников в отдаленных окраинах.

Очередное восстание подавляется, за ним следует строгое воспрещение притеснять башкир с предписанием «держать с ними ласку и привет» и «их государевою милостию обнадеживать». Спокойствие воцаряется ненадолго. И все начинается сначала. Разница только в частностях. То башкиры ищут объединения с другими народами: чеченцами, кумыками, татарами — и находят у них поддержку, но побиваются превосходящими силами, то русские ищут мирных переговоров, но башкиры не склонны к ним, а жалуются на тяжесть новых налогов, на рекрутскую повинность и заявляют, что путем восстания они хотели дать знать царю, что их челобитные на притеснения местных властей до него не доходят.

Сменялись воеводы и наместники, были они то жестоки и коварны, то гуманны в меру. Но не устранялась глубинная причина бунтов. Речь шла о существовании самой башкирской земли: колонизация сплошной стеной надвигалась на Башкирию. Начиналось строительство заводов, и они вплотную подступили к исконным землям башкир. И снова восстание. Несмотря на то, что русское правительство вело турецкую войну (1735), оно находит регулярные войска и двигает их в Башкирию. В июне 1736 года большая часть Башкирии была выжжена и разорена. В то же время принимаются меры к усилению там иногородних и всех благонадежных. Русским (впервые!) разрешено приобретение башкирских земель, а мещерякам, оставшимся верными и не участвующим в бунтах, отдаются в собственность те земли, которые они прежде арендовали у башкир.

К 1760 году в Башкирии действовало уже 28 заводов. Пришлого населения к этому времени насчитывалось до двухсот тысяч. С распространением предприятий стало неизбежным широкое занятие земель, которые башкиры считали своей неотъемлемой собственностью, и что, конечно, встретило с их стороны сильную оппозицию. «Народ этот,— писал современник,— ничего не бережет так, как старинные свои вотчинные земли и отхожие, т. е. лесные угодья». Очередной бунт был неизбежен. Силой, хитростью, подкупом он был подавлен и стал, кажется, последним крупным восстанием этого народа. Башкиры были уже достаточно сильно ослаблены. Но тем не менее они пользовались и позже всяким удобным случаем, чтобы свергнуть русскую власть. А та изобретала все новые способы не только подавлять, но и «натурализировать» башкир в государстве. Так, сбор ясака заменили на податное состояние, таким образом уравняв башкир с другими народами

Приволжья. Наконец, на всей территории, населенной башкирами, было образовано иррегулярное войско, разделенное на 12 кантонов (старики до сих пор употребляют это французское слово), которые, в свою очередь, делились на отделения и команды. Кантонами управляли чиновники из башкир, из них многие дослужились до штабс-офицерских чинов. Во главе отделений

стояли юртовые старшины, тоже непременно из башкир. Кроме того, из башкирского войска формировались пятисотенные полки на правах казачьих. При каждом полку содержался мулла со служителем. Таких полков в Отечественную войну 1812 года сформировано было около тридцати.

Учитывая великолепные качества воинов-башкир, играя на этих достоинствах, русское правительство немало преуспело в смягчении напряженности. Чего не скажешь о земельной политике. Через всю историю Башкирии непрерывно проходят земельные неурядицы, которые и привели ее к бедственному экономическому положению в начале двадцатого века.

Башкирия, эта обширная и привольная страна, никогда не была измерена и размежевана. Думаю, не стоит утомлять читателя долгим рассказом о разных указах, то разрешающих продажу земель, то опять запрещающих. Скажу только, что при продаже земли границы определялись урочищами, а сколько в них десятин, башкиры и сами не знали. И все вроде бы складно было в тех указах, но как доходило до дела, башкиры оказывались ни при чем. Была даже целая «эпопея хищений» башкирских земель, что заставило правительство назначить специальную сенатскую комиссию в Оренбургскую и Уфимскую губернии. Она выявила колоссальные махинации. За мизерную цену продавались не только казенные, но и запасные башкирские земли. Участки получали все без исключения должностные лица края, начиная с губернатора и кончая губернской повивальной бабкой. Под эти земли банки давали ссуды, в десять раз превышающие суммы, за них заплаченные. Да еще разрешалась рассрочка платежей за землю на 37 лет. Так что операции проворачивались крупные. Вот, думается, чего больше всего боятся башкиры, когда сегодня речь заходит о частной собственности на землю и о ее купле-продаже. Тут нужно все тщательнейшим образом продумать.

В настоящее время башкиры (по переписи 1989 года 1 млн. 449 тыс. чел.) живут в Башкортостане (составляя 21,9% неселения республики) и отдельных районах Челябинской, Оренбургской, Самарской, Екатеринбургской, Пермской и Саратовской областей. Среди них следует различать два типа. Один, более распространенный, тип степного башкира с чертами калмыцкими или монгольскими (широкое плоское лицо, средний рост), другой — приближающийся по физиогномическим данным к кавказскому типу: горбоносый, с удлиненным лицом, высокого роста — это тип башкира гористой лесной местности, например, в верховьях реки Белой. Такому различию в анатомическом строении соответствует и разность в складе характера. Лесной башкир более смел, вспыльчив, как правило, независимого характера.

На работе башкиры хоть и не споры, но трудолюбивы, находчивы, аккуратны. Ум их отличается живостью и подвижностью, как и весь характер, поэтому они больше любят такой труд, где требуется не только механическая привычка, но и разнообразие приемов, сообразительность.

Грамотность у них была распространена очень давно, чему немало способствовало мусульманское духовенство (муллы учили при мечетях не только детей, но и взрослых).

Образ жизни башкир считался кочевым или полукочевым. Но это не точно. Все башкиры издавна имели дома, жили зимой в деревнях, пользовались земельными наделами, занимаясь хлебопашеством или другими ремеслами. Но с наступлением весны отправлялись на коши — летние лагеря на своих землях или лугах. Там были и специальные жилища — аласык. В горно-лесных районах — сруб, крытый корой, окна которого затягивались пузырем от молодой коровы. В степных районах — землянки. Они, надо сказать, сохранились и по сей день.

Отправлялись башкиры сначала на дальний лагерь — километров за 15—20, постепенно возвращались в свою деревню, делая пять-шесть остановок. Кстати, в многоземельных хозяйствах так делали не только башкирские, но и русские крестьяне. Ведь не сподручно каждый день мотаться на дальние поля и покосы, вот и переселялись туда с детьми и скотом.

Так что называть их кочевниками можно точно так же, как и теперешних горожан, переезжающих летом в сады-огороды.

Деревни башкир по наружной архитектуре ничем не отличаются от русских или татарских. Внутреннее же устройство представляет некоторые особенности. Это прежде всего устройство печи (чувала), напоминающей собою камин с прямой трубой и огромным отверстием для дров. Меблировку избы составляли нары вдоль стен, покрытые войлоком. Здесь у более зажиточных лежали перины и подушки.

Если к этому добавить один или несколько сундуков да самовар с чайным прибором, то получалось все убранство среднезажиточной семьи.

Развлечениями у башкир служили танцы, как правило, сюжетного характера, песни, стрельба в цель, наездничество и охота, главным образом соколиная. Распространенные музыкальные инструменты — курай и кобыз. Первый — типа флейты — делали из стебля тростникового растения курая. (Кстати, цветок курая красуется на новом гербе Башкортостана.) Мелодия получается грустная, задумчивая. Все эти развлечения сохранились до сих пор, и башкиры с удовольствием предаются им на празднике сабантуя. Во многом сохранилась и национальная кухня. Блюда ее непритязательны, но очень вкусны. Основой их служат конское и баранье мясо, молоч-

ные продукты, разные крупы и мука. Наверное, всем известен бишбармак — вареное тесто с мясом, распространен плов, всяческие пирожки. Из творога делают крут (род сыра).

Нужно заметить, что все эти кушанья появлялись на столе только у наиболее зажиточных, следовательно, у немногих. Большинство довольствовались крутом, а то и просто ячменной или ржаной болтушкой. Летом еще, при подножном корме скота, было посытнее, но с наступлением зимы большинство башкир, так же как и их скот, начинали голодать. Под конец зимы они бродили в деревнях, как тени, изнуренные, апатичные. В таком виде с полумертвым скотом выезжали на коши. Здесь они как бы просыпались от летаргического сна, становились веселее, подвижнее, вновь приобретали свойственные им юмор и отвагу.

Так что не будем вдаваться в крайность и говорить, что до революции башкирский народ был богат и счастлив. По признанию самого царского правительства, башкиры влачили жалкое существование, гораздо более ущемленное, чем их соседи-татары и русские переселенцы.

Дело опять-таки в земле и свойствах характера башкир. Им для ведения выгодного хозяйства нужно больше земли, чем иным народам, способным к более интенсивному ее использованию.

И, наверное, немало надежд связывалось с новой властью. Обещали землю все. В сентябре 1918 года здесь к власти пришло либеральное правительство, так называемая «Уфимская директория». Оно состояло из эсеров и кадетов. Что такое либеральная власть после столетий тоталитарного режима, известно. Вседозволенность при полном отсутствии конкретного дела и обнищании масс. Поэтому она легко была свергнута Колчаком. Но либерализм порождает и национализм. Башкирские националисты были недовольны правлением Колчака и 20 марта 1919 года обратились к правительству РСФСР с просьбой о помощи. Такой поворот, конечно, устраивал большевиков. Тотчас же подписывается «Соглашение Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии». Столицей стал Стерлитамак (Уфа была еще «белой»). А 14 июля 1922 года решением ВЦИК о расширении границ была создана Большая Башкирия со столицей в Уфе.

Чуть-чуть начали оправляться от ужасов гражданской войны, накатывает новая беда — голод 1921—1922 годов. Он для башкир был катастрофичным: смерть унесла более полумиллиона жизней.

Почти то же повторилось и при коллективизации. Поэтому-то башкиры с легкостью и охотой уезжали строить Магнитку, другие гиганты индустрии. Вербовщики сулили какой-никакой, но верный кусок хлеба. Вот и получилось, что за пределами Башкирии живет больше ее сыновей, чем на родине.

В 1932 году заработала первая нефтяная скважина Ишимбая, а в 1934-м — это уже «Второе Баку». Теперь вербовщики заманивали уже в Башкирию молодых рабочих. Но особенно велик был приток новых людей в войну. Сюда было эвакуировано около 90 предприятий с 250 тысячами человек. В то же время в республику высылаются немцы Поволжья, идут эшелоны с депортированными латышами. Все здесь нашли новых друзей среди башкир. А они... теснились, делились последним. Многих приехавших спасли от голода и холода. Об этом мне рассказывали и немцы, и латыши.

После таких тягот небольшое улучшение жизни в шестидесятые годы казалось подъемом и благоденствием. Причиной успеха была химиндустрия. Но она же стала и началом катастрофы. В те годы здесь началось строительство химических и нефтеперерабатывающих предприятий. Предполагалось создать нефтехимические комплексы с глубокой и полной переработкой нефти. Но в этом процессе остановились на полпути. 66% произведенной продукции в отрасли — полуфабрикаты. Например, производятся этилен, пропилен, а уже в другом месте, за пределами республики,— синтетические волокна, пластмассы. Не были пущены многие предприятия, технологическую цепочку не довели до конца. А те, что заработали, были построены по устаревшей импортной технологии. Закладывалось не просто заведомое отставание, но и страшные экологические последствия — вредные выбросы в атмосферу, отравление лесов и водоемов. Этого предусмотреть не смогли. Ведь замышлявшаяся нефтехимия — чистое производство. Вот и получилось, что Башкортостан, обладая огромным природно-экономическим потенциалом, обгоняя по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции многие бывшие союзные республики, значительно отстает по уровню развития социальной сферы.

А как жить народу? Опять терпеть и ждать? Да нет. Пожалуй, теперь только и делать. Но часто слышала в Башкирии, читала в местных газетах, что башкиры — народ беспечный, живущий одним днем. Среди них очень мало фермеров, предпринимателей, умелых торговцев. Почти нет людей богатых. И опасения слышала, что в новых условиях опять заезжие купцы будут драть с башкирского крестьянина три шкуры. Опасения не беспочвенны. Вот и развернуться бы общественным организациям в поддержку молодых предпринимателей. И в этом процессе есть первые проблески. По просьбе Башкирского национального центра, Татарского общественного центра и немецкого общества «Видергебург» в школу биржевого бизнеса для бесплатного обучения были приняты 30 башкир, 25 татар и 20 немцев. Президент биржи заявил, что лучшим выпускникам «спецгруппы» на заемной основе будет предоставлен первоначальный капитал для организации своего дела. Поистине, товар и прибыль интернациональны.

...Известно, что башкиры вывели особую породу лошадей. Малорослые, неказистые, но крепкие, выносливые, быстрые. Годятся и под седло, и для упряжи — на любую работу. А кобылицы к тому же дают много молока, из которого делают уникальный напиток — кумыс, бодрящий, лечащий.

Лошадки эти хороши еще тем, что находятся, так сказать, на полном самообеспечении. И летом, и, что самое главное, зимой выпускают их на волю, и они сами, во главе с вожаком, находят себе пропитание. Им и полутораметровый слой снега не помеха. Копытами разгребают и достают из-под него траву. Такой способ содержания называется тебеневкой. Застигни их буран, метель,— вожак сбивает всех в круг, головами друг к другу, в середине жеребята. И так пережидают непогоду. Только в крайнем случае, когда вожак чувствует, что табуну грозит гибель, он ведет своих подопечных домой, под крышу.

И еще одна маленькая деталь. Чтобы у кобылиц было по-настоящему целебное молоко, им надо давать пастись в вольной степи и не перегружать работой.

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

Живет в Париже Мишель Брошетан...

Борис Свешников
«Июльский полдень»

Всякий раз приезжая в Париж, я тщу себя надеждой о новой встрече с теми, кто покинул родину. Время безжалостно, и многие находят свой вечный приют на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, до многих уже не достучаться. Да, к человеку можно опоздать, человек смертен. Дольше живут искусство, картины, книги. Как загадочны, неведомы их судьбы. Как часто, соприкасаясь с ними в чужих краях, ты снова и снова возвращаешься в Россию. И порой эта встреча становится для тебя открытием. Событием. Надеждой.

В последнюю поездку в Париж я попал в дом к Мишелю Брошетану, человеку, влюбленному в русское искусство. Да настолько, что собирание картин русских художников нашего времени, пропаганда их творчества, дружба с ними стали сутью всей его жизни. Житель Франции, давний парижанин, родным языком которого является польский, Мишель почти свободно говорит по-русски. Русский язык стал языком его общения с художниками, картины которых он приобретал для своей галереи. И вообще биография Мишеля связана с Россией. Родители-поляки нередко говорили по-русски, чтобы дети не поняли их маленьких домашних секретов. Учась в Бельгии в университете, Мишель предпочитал пособия по физике и химии на русском языке. Они были просто дешевле тех же книг на французском или немецком, а написаны были на весьма высоком уровне. Ну а потом, в Париже, русский пришел как бы сам по себе, ибо общение с художниками — предметом его страсти,— конечно же, проходило по-русски. Когда звонил телефон, Мишель, машинально снимая трубку, произносил «Да!». После женитьбы связь с Россией стала еще глубже — мама его жены Лили дружила с русскими художниками, жившими в Варшаве. Эта слабость осталась у нее со времен санкт-петербургской молодости. Уже на глазах у Мишеля после войны она приобретала редкостные полотна. Время было тяжелое, и за недорого люди готовы были расстаться с шедеврами.

В Париже, в семидесятых годах, когда во Францию стали приезжать из Советского Союза гонимые и отверженные таланты, художники-диссиденты, Мишель покупал у них, еще малоизвестных, картины, чтобы поддержать, помочь им выжить. Покупал с некоторым риском и те картины, чьи авторы продолжали свое творчество на Родине — им была необходима поддержка западных меценатов.

Конечно же, платил немного, сколько мог. Никто на него не обижался тогда. Помнят и ценят ту поддержку и сегодня многие: Рабин, Слепышев, Шемякин, Жарких,

Владимир Бугрин
«Натюрморт»

Владимир Яковлев
«Голова»

Портрет Коллекционера
Фото Александра Эйдельмана

Соломон Гершов
«Пророк»

Титов, Бугрин, Харитонов, Рогинский, Чернышев, Плавинский, Кабаков, Брусиловский, Яковлев, Нестерова... Всех не перечислишь.

...Квартира Мишеля и Лили походит на музей. Все стены в картинах. Глаз не оторвать от безумия красок, буйства колорита, характерных человеческих фигур. Что-то хранится в сейфах банка. Мало ли что: «любители» искусства не дремлют.

Я пришел к Мишелю, когда он работал над проектом выставки своей коллекции, думал над монографией о современном русском искусстве. Я многое увидел, многое услышал. В том числе и профессиональные анекдоты-случаи. Вот один: «На аукционе продавались прекрасные акварели. В каталоге было зафиксировано по-немецки: «Von Wisin». Люди думали: какой-то неизвестный немецкий художник. Так же думал и аукционер и продал обе работы вместе. Игры — никакой. Я-то знал, что за немецким «Von Wisin» скрывается блистательный русский мастер Фонвизин, и, конечно же, приобрел обе работы. За копейки, что называется».

О судьбах коллекции М. Брошетана можно много рассказывать. Правда, почти все их авторы — ныне известные в мире художники. Но есть в коллекции Мишеля и работы художников, чьи имена, к сожалению, не так известны, а биографии трагичны. Один из них С. Гершов. Он родился в городе Двинске в 1906 году. В 1919-м поступил в училище, директором которого был Марк Шагал. В книге «Возвращение Шагала» есть фотография молодого мэтра с учениками. По-видимому, на фотографии представлен и пробующий свои силы в искусстве Гершов. В 20-х годах он переезжает в Ленинград, где общается с П. Филоновым, входит в окружение К. Малевича.

Владимир Немухин
«7 бубен»

В 1934 году его арестовывают по подозрению в убийстве Кирова, но через полтора месяца выпускают. В сороковых годах — новый арест и осуждение на восемь лет за антисоветскую деятельность. Большую часть наказания Гершов отбывает в Магадане. При аресте из дома вывозятся все работы, которые пропадают бесследно. Вернувшись из заключения, С. Гершов по-прежнему в разряде подозреваемых людей. Без работы, без средств к существованию, без ничего. Есть только талант, который не могут не признать даже чиновники по ведомству искусств. Они разрешают Гершову вступить в Союз художников, что дает ему возможность хоть как-то существовать, выполняя официальные заказы. Известно, к примеру, что он выполнил серию портретов рабочих.

В шестидесятых годах англичанин-коллекционер Маршалл покупает у Гершова некоторые его работы и получает у тогдашнего министра культуры Фурцевой разрешение на вывоз их за границу. Маршалл организует выставку этих работ в Англии. Пресса была только с превосходными оценками. После признания на Западе выставки С. Гершова организуются и у нас: две — в Грузии, что естественно, ибо творчество Гершова приветствовали Л. Гудиашвили и К. Зданевич, и одна — в Москве.

Художник умер в 1982 году. Остались письма от Марка Шагала, в них — высокие слова о высоком предназначении художника на Земле.

Живет в Париже Мишель Брошетан, влюбленный в русское искусство, но знаем мы о нем мало. Думается мне, что каталог его малой Третьяковки, выставка из его собрания в Москве расширят наше представление о современном искусстве, о том, как талантлив русский человек.

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

НЕ ВРЕМЯ УМСТВОВАТЬ!

Лекция IX

Деятельность министерства народного просвещения после 1866 г.— Гр. Д. А. Толстой и Д. А. Милютин, как выразители двух противоположных сторон царствования Александра II. Взгляды Толстого.— Толстой и Катков.— Вопрос о реформе средней школы.— Борьба за введение классицизма.— Сущность и значение реформы 1871 года. Планы Толстого относительно университетов и принятые им меры.— Развитие женского образования в период 1866—1878 гг.— Начальное образование.— Уставы 1864 и 1874 годов.— Борьба министерства народного просвещения с земством.— История земской школы в 1866—1880 гг.

Я уже охарактеризовал демократизирующее и просветительное значение деятельности бывшего военного министра генерала Д. А. Милютина в сфере военного министерства — деятельности, которая вполне сохранила, как вы видели, этот свой характер и в эпоху реакции 70-х гг.

Совершенно обратное значение и совершенно противоположный характер имела ярко реакционная и специально направленная якобы на борьбу с нигилизмом, а в сущности на борьбу с распространением либеральных и демократических идей вообще, деятельность тогдашнего министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. Это была как раз та сторона правительственной деятельности того времени, которая в особенности соответствовала реакционному настроению, охватившему правительство Александра II после выстрела Каракозова.

Вообще надо сказать, что граф Толстой и Милютин — это два таких лица, которые чрезвычайно ярко характеризовали две противоположных стороны, две противоположных, даже как бы взаимно исключающих друг друга, тенденции царствования императора Александра II. Можно даже изумляться тому, что в течение целых пятнадцати лет после 1866 года эти два крупных политических деятеля неизменно пребывали оба в числе сотрудников Александра II и оба, по-видимому, пользовались его полным доверием. Объяснить это можно только тем, что в самом императоре Александре были — в сущности, в течение всего его царствования — в непрестанной борьбе между собою именно эти два противоположные начала: с одной стороны, он чувствовал и признавал, совершенно сознательно, полную необходимость проведения весьма прогрессивных и резко меняющих прежний общественный строй реформ, а с другой стороны, он был под постоянным гнетом и страхом развивающегося революционного движения и в постоянном сознании необходимости деятельной борьбы с этим революционным движением. Вы видели, что после того, как реакционное настроение правительства определилось, все-таки сама жизнь, складывавшаяся определенным образом, экономические и технические потребности государства властно требовали продолжения реформ. Вы видели, что и после 1866 года проведены были такие реформы, как городовое положение и в особенности как истинно либеральная и демократическая реформа воинской повинности.

Граф Толстой непрерывно и постоянно с 1866 года являлся представителем реакционных настроений и требований, под натиском которых все время пребывал император Александр II. Толстой, если угодно, не был врагом просвещения по существу. Если его сравнить с другими министрами народного просвещения, бывшими в XIX веке в России,— а вы знаете, что многие из них были несомненными реакционерами и иногда даже обскурантами,— то, сравнив Толстого, например, с Голицыным, можно сказать, что Толстой никогда не был ни таким мистиком, или даже таким клерикалом, каким был в свое время Голицын; если мы будем сравнивать Толстого с самыми заядлыми и дикими реакционерами и обскурантами, каким был, например, князь Ширинский-Шихматов в конце царствования Николая Павловича, то мы увидим, что Толстой опять-таки не был таким диким и отчаянным обскурантом. В сущности говоря, по своему направлению и личным вкусам, по своей приверженности к классицизму Толстой внешним образом напоминал скорее из числа министров николаевского времени графа Уварова, которому, несмотря на его отрицательные стороны, Россия многим обязана, потому что просвещение он все-таки двинул, а не задержал, хотя и хвалился задержать общее развитие России на 50 лет. Но Толстой, несомненно, был гораздо менее умным и просвещенным человеком, чем Уваров, и в то же время отличался от него по цельности и резкости своего характера и был гораздо более твердым защитником и проводником своих идей, нежели граф Уваров, который был, собственно говоря, человеком компромисса и карьеры прежде всего.

Уваров даже среди своих принципиальных противников, как я только что сказал, оставил по себе такую память, что никто не станет отрицать, что его деятельность кое в чем можно помянуть и добром; наоборот, Толстой оставил память о себе, как о гасителе и враге просвещения. Между тем, как я уже сказал, врагом просвещения он, собственно, не был, но он был зато постоянным, последовательным и злостным врагом народа и, будучи министром, постоянно, настойчиво и упорно попирал самые священные права и интересы народа во имя интересов и прерогатив того правящего класса, к которому он сам принадлежал. Именно поэтому он был самым ярким защитником того государственного и общественного строя, с которым эти прерогативы были связаны. Мы видим, поэтому, что среди всех министров Александра II, если мы возьмем и самый реакционный период его царствования, не было другого такого завзятого и принципиального сторонника реакции, каким был Толстой. Вы видели, что Рейтерн, который сам себя считал принадлежащим к числу сторонников прогрессивных реформ, указывал, что Шувалов и Валуев вели политику «псевдолиберальную», как он выразился, а на самом деле реакционную. В отношении Толстого этого никто не мог бы сказать; он всегда вел политику открыто и ярко реакционную, и один, среди министров Александра II, отрыто был врагом преобразований 60-х годов. Ему не приходилось поэтому вступать с самим собою в какие-нибудь компромиссы, изменять своей точке зрения, как Валуеву, который в либеральную эпоху старался казаться либералом, а в реакционную реакционером. Нет, Толстой был всегда убежденным реакционером; когда проводилась крестьянская реформа, он резко протестовал против нее, подал записку, вызвавшую весьма резкую резолюцию императора Александра, и, в сущности, был призван на пост министра народного просвещения как признанный реакционер именно тогда, когда такой реакционер, по мнению императора Александра, потребовался на этом посту.

Сам Толстой в своей деятельности опирался на теоретические основания, которые ему давали весьма видные тогдашние публицисты М. Н. Катков и П. М. Леонтьев — редакторы-издатели «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей». Катков явился тогда, как вы знаете, самым завзятым врагом того нигилистического направления, которое развилось и в значительной степени продолжало действовать в конце 60-х годов.

Будучи врагом нигилизма с одной стороны, с другой стороны, тех сепаратистических или окраинных стремлений, которые тогда проявлялись в некоторых частях русского государства, в особенности в западных провинциях, Катков после польского восстания и в особенности после каракозовского покушения стал резко склоняться направо. Ведь вы знаете, что в начале эпохи реформ он еще считался, и довольно основательно, в числе либералов английского пошиба. Англоманство долею осталось у него и дальше, но его политическое направление становилось все более и более консервативным и даже реакционным. Толстой относительно системы просвещения, какая, по его мнению, была необходима России, также исходил, по внешности по крайней мере, из английских или англоманских представлений, и поэтому о Толстом также говорилось, что он желает насадить в России систему английского просвещения. Связывалось это с тем, что английское просвещение — и в особенности в прошлом — имело ярко аристократический характер и что именно эта сторона прельщала и привлекала Толстого.

Женская учительская школа губернскаго земства имени П. П. Максимовича.

Это, однако, можно принять разве что с большими оговорками, потому что английская система, несомненно аристократическая, в то же время согласовывалась с совершенно определенным английским политическим строем, где этот аристократизм являлся хотя и консервативным, но в то же время конституционным началом, где аристократия, завоевавшая себе преобладающее политическое положение и особые прерогативы, всегда являлась вместе с тем оберегательницей признанных народных прав и свобод против королевского самодержавия, с которым она боролась и которое поборола. В России аристократизм, который хотели создать Толстой и Катков, являлся совершенно другим. Аристократия, которую представлял Толстой, сама стремилась подавлять интересы народа под крылышком самодержавной власти. Это различие между аристократией в Англии и России очень хорошо было отмечено и указано именно по поводу толстовской системы народного просвещения князем А. И. Васильчиковым в его записке, которую он напечатал после введения в России классической системы, в 1875 году в Берлине. Вообще надо сказать, что хотя, несомненно, что толстовская система имела аристократические тенденции, в самом непривлекательном смысле этого слова,— но все-таки главная и самая существенная ее идея заключалась не в этом, а в борьбе с нигилизмом, с тем миросозерцанием, которое тогда быстро развивалось в русском обществе и которому приписывалось такое важное революционизирующее значение. Именно с этой стороны подходил и Катков к критике существовавшей раньше системы народного просвещения.

Под нигилизмом, с которым и Катков, и Толстой боролись, подразумевалось тогда распространение материалистического миросозерцания, которое было, в свою очередь, связываемо с ознакомлением широких кругов интеллигенции и учащейся молодежи с последними выводами естествознания, о чем особенно хлопотал Писарев и другие публицисты «Русского Слова», являвшегося главным органом тогдашнего нигилизма.

Толстой полагал, что это миросозерцание всего легче прививается к молодежи, воспитавшейся на усвоении выводов естествознания и привыкшей, как он утверждал, к скороспелым и поспешным заключениям. Именно с этой стороны и Катков нападал на головнинский устав 1864 года; он нападал даже на увеличение числа часов, посвященных преподаванию истории и русской словесности в гимназиях, причем называл в своих статьях преподавание этих предметов «сущим злом», указывая, что здесь ученики приучаются к бессмысленному верхоглядству и к толчению воды. Вообще он восставал против таких предметов, которые способствовали легкому и быстрому развитию самостоятельного образа мыслей, требуя взамен этого таких знаний, которые одни, как он выражался, способны подготовить ум и чувства к правильной работе и вместе с тем предохранить от легкого усвоения нигилистических мыслей и материалистических учений, которые легче всего проникали, по его мнению, в умы, привыкшие к поверхностному умствованию, в особенности развивавшемуся либеральными учителями словесности.

Соответственно с этим основное требование Каткова заключалось в том, чтобы в средней школе проведена была такая система, которая бы приучала ум учащихся исключительно к усвоению этих знаний и точных понятий и не давала бы простора для разных умствований. Отсюда ясно, что вполне отвечающей этим требованиям системой являлась бы такая, которая сокращала бы число часов тех предметов, которые посвящались общему умственному развитию учащихся, и специально давала бы только точные и определенные знания. В качестве важнейших предметов выдвигались поэтому древние языки, а затем математика, потому что она опять-таки давала лишь точные знания. Вот это и было положено в основу той системы русского классицизма, которую обосновал в своих тогдашних писаниях Катков и которую взялся проводить Толстой.

С самого вступления в министерство Толстой был сторонником этой системы, но провести ее ему было нелегко, так как прежде всего у него не было достаточного контингента учителей латинского и особенно греческого языков, которые бы могли сразу взять на себя преподавание в измененных гимназиях. С другой стороны, и материальные средства, которые при тогдашнем финансовом положении ему можно было отпустить, были довольно скудны; а главное, Толстой, конечно, чувствовал, что не только в широких слоях общества, но даже и на верхах его, в той высшей бюрократической среде, где ему приходилось проводить свои идеи, он встретит несочувствие и противодействие,— даже в среде тогдашнего государственного совета, который был настроен либерально, в значительной мере потому, что государственный совет был пополняем главным образом отставными министрами, а так как в это время, следовавшее за эпохой реформ, бывшие министры часто бывали и сравнительно либеральными людьми, то в государственном совете тогда складывалось настроение в защиту вообще эпохи реформ и в частности идей Головнина, противником которых явился Толстой.

Поэтому Толстой взялся за дело исподволь; сперва он

сделал циркулярный запрос попечителям округов о том, какие у них имеются наблюдения относительно недостатков существующей системы преподавания. Ясно, что попечители, зная взгляды и идеи Толстого, должны были отыскать соответственные недостатки в системе Головнина. Затем Толстой образовал новое высшее учебное заведение, филологический институт, который должен был давать хорошо подготовленных учителей древних языков. Впоследствии он преобразовал и нежинский лицей, основанный Безбородком, по тому же плану; в то же время он завел деятельные сношения с заграничными учебными сферами, стараясь организовать приглашение в Россию учителей из-за границы, в особенности из Австрии, где было много филологов из славян, которые легко могли изучить русский язык и стать преподавателями древних языков в России. Вскоре этих учителей наехало в Россию довольно много из Чехии и Галиции.

В то же время в министерстве стал разрабатываться проект нового устава, и вот в 1871 году, через пять лет по вступлении своем на пост министра, Толстой решился это дело двинуть вперед. Он сделал обстоятельный доклад императору Александру II, указав на значение классического образования как средства борьбы с тем нигилистическим настроением молодежи, которое являлось в глазах Александра таким опасным злом и на которое сам император указывал уже в рескрипте своем 1866 г. на имя кн. Гагарина, опубликованном после каракозовского покушения.

Александр поэтому сочувственно отнесся к общим тенденциям доклада Толстого, но так как он сам отнюдь не был классиком,— его древним языкам почти и не обучали,— то и повелел это дело обсудить знатокам. Была составлена особая комиссия, куда вошли Валуев, Тройницкий, сам Толстой, несколько специалистов из его министерства и граф С. Г. Строганов. Сам Толстой почувствовал тоже необходимость подготовиться в этом отношении как можно основательнее и даже стал брать уроки греческого языка у директора 3-й петербургской гимназии Лемониуса.

Эта комиссия довольно быстро выработала подробный проект нового устава, который и поступил на рассмотрение государственного совета, причем он был направлен не в один из его департаментов, как полагалось, а в специально образованное для этой цели особое присутствие государственного совета под председательством графа Строганова из 15-ти лиц, в числе которых были все министры, заведующие учебными заведениями,— среди них несколько либералов, с Д. А. Милютиным во главе. С другой стороны, туда вошли и бывшие министры народного просвещения Ковалевский и Головнин, а также граф Панин, бывший министр юстиции, и целый ряд других лиц.

В этом присутствии, которое рассматривало вопрос на правах департамента государственного совета, голоса разделились: девять человек было на стороне Толстого, некоторые, быть может, потому, что сам император Александр наперед относился к этому проекту одобрительно, другие — потому что проект соответствовал их собственным реакционным стремлениям. Но шесть человек,— в числе которых самым выдающимся был Д. А. Милютин, затем граф Литке, просвещенный адмирал, бывший воспитатель великого князя Константина Николаевича, бывший министр народного просвещения А. В. Головнин, академик Я. К. Грот и, к удивлению всех, граф В. Н. Панин, который, конечно, более по недоразумению оказался на этот раз в числе либералов,— оказали проекту Толстого энергичное сопротивление.

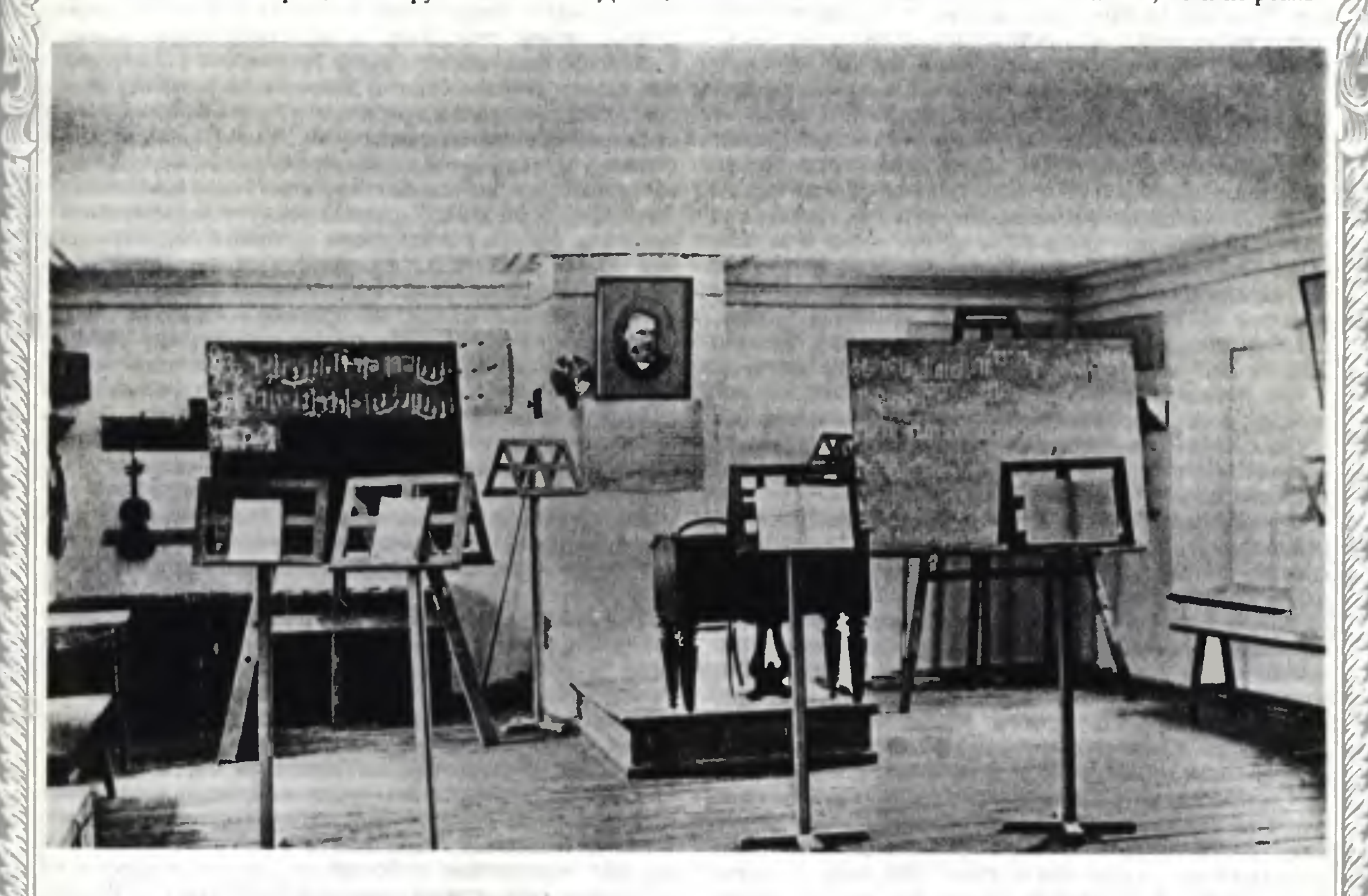
Милютин и Головнин резко нападали на Толстого и указывали, что и в самой Англии, и в Пруссии, на которые Толстой ссылался как на страны с классической системой образования, где процветала якобы эта рекомендуемая им система, в сущности, уже классицизм стал считаться системой отживающей, и что в последнее время и там открывают реальные гимназии на равных правах с классическими, причем выбор той или другой школы предоставляется родителям и, как из тех, так и из других, открывается доступ в университет. При этом Милютин доказывал, что неверен и тот взгляд, который приписывает именно реальной системе обучения связь с материализмом и нигилизмом, а в классической системе видит против них противоядие. Милютин указывал, что все деятели Великой французской революции, все материалисты конца XVIII века, которые так резко действовали в свое время во Франции, как раз воспитывались на классицизме, который тогда и царил во Франции; а с другой стороны, он утверждал, что и реальная система образования может быть поставлена так серьезно, что отнюдь нельзя будет ее аттестовать, как специально воспитывающую то легкомыслие, на которое жаловался Толстой. В особом присутствии, однако же, победил Толстой.

Но в общем собрании государственного совета,— где обычно дела рассматривались только для проформы, так как обыкновенно общее собрание присоединялось к заключению департамента или соединенного присутствия,— в данном случае получилось нечто иное. В общем собрании члены государственного совета, движимые, как остроумно заметил Васильчиков, одним из наиболее сильных человеческих чувств, чувством родительской любви, отвергли большинством 29-ти голосов против 19 предложение Толстого. Но Александр присоединился к мнению меньшинства, и проект Толстого 15 мая 1871 года получил силу закона.

Произведенная в 1871 году Толстым реформа среднего школьного образования сводилась к введению нового типа классических гимназий, в которых, с одной стороны, введены были латинский и греческий языки в огромном объеме, а с другой стороны, вовсе исключено естествознание, и произведены в преподавании русского языка и в самой программе этого предмета значительные изменения. Вместе с тем уничтожены были реальные гимназии, и на место их, или даже скорее не на место их, а только в связи с их уничтожением, введены были реальные училища, которые, как вы увидите, получили совершенно другое значение.

В классических гимназиях нового типа древние языки заняли такое место, что для латинского языка было отдано 49 часов в неделю, а для греческого языка 36 часов в неделю во всех классах, так что латинский язык, при восьмиклассной системе (так как был введен восьмой класс), не только преподавался ежедневно во всех классах, но в первом классе даже 8 ч. в неделю; греческий же язык начинался с третьего класса, и следовательно, преподавание этих языков состояло, главным образом, в изучении грамматики, в изучении различных грамматических и синтаксических тонкостей; ученики должны были доходить до такого знания этих тонкостей, чтобы быть в состоянии под диктовку порусски бегло переводить письменно на латинский или греческий язык диктуемое, причем в эти диктанты должны были подбираться именно такие обороты речи, правильный перевод которых доказывал бы знание всех грамматических особенностей и тонкостей этих языков,— это были знаменитые так называемые extemporalia.

Затем, сильно увеличен был курс математики, а вместе с тем, чтобы дать место этому расширенному преподаванию древних языков и математики, согласно с теми нападками, которые Катков делал на словесность и историю, сильно сокращено было число часов русского языка и, в особенности, истории словесности в старших; был введен еще церковно-славянский язык в счет часов и без того сокращенного русского языка. Далее, было уменьшено число часов истории, географии и новых языков, причем последние были объявлены предметами второстепенными, так что обучение двум новым языкам даже стало необязательным.

Наряду с этим изменилась и самая воспитательная система в гимназиях. Ученики должны были дрессироваться таким образом, чтобы из них специально выходили ультрадисциплинированные люди, которые приучались бы главным образом к беспрекословному повиновению, причем от них в то же время требовались «особое доверие» и «откровенность» с учителями, что, конечно, было недостижимо при таком режиме и вырождалось в форму поощрения шпионства.

Самое положение педагогических советов совершенно изменилось; они потеряли свои руководящие права, и эти права и вся распорядительная власть перешли единолично к директорам. Затем, как только оказался достаточный подбор учителей древних языков, то из них стали назначаться как директора, так и инспектора, и число их из учителей древних языков достигло вскоре 70—80% общего числа этих начальствующих лиц.

Наряду со всем этим, реальные гимназии, как я уже сказал, были уничтожены; вместо них были введены реальные училища, курс которых был понижен до шестилетнего и назначение которых было не подготовлять к высшей школе, а давать специальное, техническое или промышленное, образование, которое, как казалось Каткову и Толстому, удовлетворяло бы потребностям воспитания детей высших промышленных классов, т. е. купцов и богатых мещан. При этом замечательно, что не только из классических гимназий, но и из реальных училищ старательно вытравливались все общеобразовательные элементы, или элементы, дававшие общее развитие. Так как в реальных училищах нельзя было ввести древних языков, то было введено огромное количество черчения — более 40 часов в неделю. Затем вводился значительный курс математики и в очень умеренной дозе оставлено было естествознание, причем в объяснительной записке к программе было указано, что оно должно было преподаваться не научно, а «технологически»,— трудно даже представить себе, что это должно было значить. Таким образом, совершенно открыто главной задачей производимого преобразования вовсе не ставилось повышение уровня знания и просвещения. Дело шло, главным образом, о том, чтобы заменить всякие общеобразовательные предметы такими, которые, по мнению авторов этой системы, хорошо дисциплинируют ум,— именно это и было главной задачей всего преобразования.

Разумеется, уже в самый момент его обсуждения поднялись большие нападки на него в печати в передо-

вых органах и даже не особенно левых,— самые левые, как «Современник» и «Русское Слово», были тогда уже закрыты,— а в таких, как «Вестник Европы», «С.-Петербургские Ведомости», «Голос»; все они печатали резкие статьи, поскольку это было возможно, направленные против этой системы. Но Толстой, как только его проект был доведен до конца и внесен в государственный совет, исхлопотал высочайшее повеление, чтобы печати было воспрещено обсуждать, или, как было там сказано, «порицать», планы правительства, и, разумеется, таким образом печати был закрыт рот. Как вы видели, большинство в государственном совете высказалось против толстовской системы, что не помешало, однако, проведению ее в жизнь.

В соответственном духе Толстой, конечно, желал преобразовать и высшие школы в России, и с самого начала у него явилось, разумеется, стремление изменить устав 1863 года. Но так как этот устав был только что проведен, причем он прошел через государственный совет в «очищенном» в комиссии гр. Строганова виде, то поколебать этот устав было не так легко и за него была большая партия не только в обществе, но и среди государственного совета. Поэтому Толстой сразу не решился поднять вопрос о полном изменении устава, а начал вводить только новые, добавочные правила. Так, в 1867 году введены были правила, о которых я уже упоминал, для студентов; при этом, собственно, хотели достичь бдительного надзора за студентами как в университете, так и вне его; этот надзор был точно регламентирован, причем сужена была компетенция и независимость университетских советов.

Однако, несмотря на строгость введенных правил, студенческие волнения вспыхивали при Толстом несколько раз и принимали весьма значительные размеры: в особенности в 1869 году, а также в 1874 и 1878. И вот, в борьбе с этими студенческими волнениями, постоянно обвиняя в послаблениях, или даже в пособничестве и попустительстве, профессоров, Толстой тщательно подготовлял полную реформу университетского устава и настраивал в этом отношении императора Александра. Однако Толстому, до конца его пребывания министром народного просвещения, достичь этого не удалось, несмотря на деятельную поддержку Каткова в печати. В конце своего пребывания министром, в 1879 году, Толстому удалось лишь провести довольно важные частичные изменения в уставе 1863 года,— именно восполнение, а отчасти и замену тех профессорских органов по отношению к надзору за студентами, которые существовали по уставу, в лице ректора, проректора и особого университетского суда, новым учреждением, инспекцией, которая явилась для университета учреждением посторонним и введение которой сопровождалось новыми студенческими волнениями.

Те элементы нового устава, которые подготовлял Толстой во все время своего министерства, впоследствии получили ход и практическое осуществление уже при его преемнике, Делянове, в 1884 году, когда для этого созрела подходящая конъюнктура,— но об этом речь впереди.

Наряду со всеми этими преобразованиями мужских учебных заведений, Толстой часто вмешивался и в дело заведования женскими учебными заведениями, которые тогда ему были, в сущности, неподведомственны: только что открытые тогда женские училища были подчинены ведомству императрицы Марии. Впрочем, вскоре в составе министерства народного просвещения тоже были открыты женские училища первого и второго разряда, которые и были затем преобразованы Толстым в гимназии, так что на первый взгляд в этом отношении им предпринят был даже как будто бы прогрессивный шаг, так как курс этих женских гимназий был несколько приближен к курсу мужских учебных заведений. Однако в отношении программы, введенной в преподавание в женских училищах, Толстой, даже в ведомстве императрицы Марии, производил такое давление в сторону сокращения программы естествознания, что лицо, заведовавшее этими заведениями, весьма выдающийся педагог Н. А. Вышнеградский, должен был в конце концов покинуть свой пост. Затем отрицательное отношение к женскому образованию, в особенности высшему, резко проявилось у Толстого, как только возник вопрос о дальнейшем развитии женского образования и о допущении в какой-нибудь форме высшего образования для женщин. Такие попытки приобщения женщин к высшему образованию, в сущности, начались еще в начале шестидесятых годов самочинно. Женщины, хотя и в небольшом количестве, самочинно проникли тогда в университеты и, вплоть до утверждения устава 1863 года, фактически, в столичных по крайней мере университетах, мы видим женщин, вольнослушательниц. Затем, по проекту устава 1863 года предположено было, в примечании к параграфу 100-му, допускать женщин, выдержавших особые испытания, наравне с мужчинами, в университеты. Но в комиссии, рассматривавшей этот устав, примечание это было отвергнуто. Поэтому даже Милютин не решился допустить женщин в подчиненную ему военно-медицинскую академию. Тогда группа передовых женщин, с Трубниковой, Стасовой и Философовой во главе, предприняла ряд ходатайств об организации высшего образования для женщин. Сперва они подали просьбу ректору Петербургского университета об организации для них лекций профессорами университета в свободное от университетских занятий время. Ректор должен был обратиться за разрешением к министру, и Толстой тогда решительно отказал, указав, что для настоящего времени он не находит возможным допустить даже организацию частных лекций университетскими профессорами, и после долгих переговоров согласился на то, чтобы эти профессора стали читать публичные лекции для лиц обоего пола. В сущности и на это он согласился лишь потому, что, ввиду невозможности получать университетское образование в России, в начале семидесятых годов многие женщины стали для этого ездить в Швейцарию, где они легко подпадали, к неудовольствию правительства, под действие социалистической и анархической пропаганды. Поэтому именно с охранительной точки зрения представлялось желательным дать им хоть некоторую возможность получать высшее или специальное образование дома. Таким образом и возникли после многих хлопот Аларчинские курсы, главный контингент слушателей которых составляли все-таки женщины. С этих пор началось в Петербурге приобщение женщин к высшему образованию.

В Москве в 1870 г. уже были образованы такие же курсы, специально для женщин, потому что здесь ректору Московского университета удалось этого добиться при содействии московского генерал-губернатора. Эти первые московские курсы, под названием Лубянских, получили характер естественного факультета. В 1871 году, по инициативе профессора Герье, были образованы здесь и другие курсы, имевшие характер историко-филологического факультета. В Петербурге лишь в 1878 г. проф. Бестужеву-Рюмину удалось наконец устроить частные курсы для женщин с физико-математическим и историко-филологическим отделениями; эти курсы стали функционировать с зимы 1878/79 года, причем с большим трудом допущено было тогда же и образование особого общества для доставления средств этим курсам. Благодаря энергии этого общества и лиц, стоявших во главе дела, эти курсы развились в Высшие Женские Курсы, существующие в настоящее время.

Особую судьбу имело женское медицинское образование. Толстой не согласился разрешить открыть медицинские курсы для женщин в своем ведомстве; но тут на помощь этому делу пришел опять-таки военный министр Д. А. Милютин, и при его содействии, в специальном помещении, отведенном им при Николаевском госпитале, в 1872 году открыты были высшие женские медицинские курсы. В 1881 году военный министр Ванновский нашел, однако, их существование при военном госпитале неуместным, они были тогда закрыты, и только через несколько лет, в 1897 году, им удалось возобновиться в форме и ныне существующего женского медицинского института.

Таковы были судьбы средней и высшей школы при графе Толстом. Следует отметить, что в параллель с этим как раз те военные гимназии в ведомстве военного министерства, в которые преобразовал Милютин прежние кадетские корпуса, являлись тогда в сущности единственным у нас типом средних учебных заведений общеобразовательного характера; ибо тогда как Толстой отнял общеобразовательный характер у всех типов подчиненной ему средней школы, Милютин стремился, наоборот, придать именно характер общеобразовательной школы подчиненным ему военным гимназиям.

Что касается начального образования, то в этом отношении деятельность Толстого была так же резка и энергична и имела тот же отрицательный характер, как и в отношении средней и высшей школы. Начальное образование было тогда, как вы знаете, делом новым, начавшим развиваться лишь после крестьянской реформы. По Головнинскому уставу 1864 года министерство народного просвещения не взяло на себя организации школ, а предоставило учреждение их частной инициативе — инициативе частных лиц, обществ, городов, земств и различных других установлений. На себя же министерство народного просвещения приняло только надзор за правильной постановкой учения в открываемых школах, причем, однако, в распоряжение министерства должны были быть отпущены от казны и некоторые средства, именно сто тысяч в первый год, двести во второй и триста тысяч рублей в третий на пособия делу распространения начальных школ. Впрочем, только первый из этих отпусков денежных сумм был действительно сделан в 1864 году; а в последующие годы деньги на школы отпускались лишь на западную окраину, специально для борьбы с полонизмом, и эти отпуски имели, таким образом, особую, чисто политическую цель. Ассигнованные для русских губерний сто тысяч рублей должны были быть распределены между губернскими училищами советами, которые и являлись главными органами надзора за образованием в низшей школе.

Так как этих советов было в земских губерниях 34, то приходилось всего по три тысячи руб. на каждый из них; но и этих сумм они, в сущности, не получили, так как Толстой, взяв деньги в свои руки, дал им другое назначение и частью пустил на организацию кое-где образцовых министерских училищ, а отчасти на учреждение учительских институтов или семинарий для учителей низших школ.

Фактически главную роль в открытии училищ сыграли земства, хотя по положению 1884 года такая их деятельность, в сущности, вовсе не предусматривалась, ибо в земском положении была одна лишь статья, включенная в него по инициативе петербургского и нижегородского дворянства, поддержанной графом М. А. Корфом, по которой земствам предоставлялось заботиться лишь о доставлении материальных средств для развития начального образования в земских губерниях и уездах. Но земства с самого начала распространительно толковали эту статью и считали одною из важнейших своих обязанностей попечение о распространении народного образования в России. Однако так как они обладали на первых порах весьма скудными средствами, то, конечно, первое время тут применялись иногда и не совсем удачные способы. Между прочим, по инициативе князя Васильчикова, большую роль в этом деле сыграла так называемая поощрительная система, состоявшая в том, что земства сами не давали полного содержания на школы, а давали лишь субсидии тем сельским обществам, которые у себя соглашались открывать школы. Но уже скоро земства убедились, что, по своему экономическому положению и малокультурному состоянию, крестьяне не могут и не хотят отпускать средства на школы и что максимум, что они могли делать,— это приглашать для обучения своих детей отставных унтеров и пономарей, т. е. учреждать весьма плохо поставленные, так называемые школы грамоты. Земства поэтому пришли очень скоро к убеждению, что им приходится дело начального просвещения народа взять целиком в свои руки.

Так как во главе этого дела, по уставу 1864 года, были поставлены училищные советы, то, конечно, от состава их и отношения к земству многое зависело. Училищные советы были губернские и уездные. Губернские советы были органами, чрезвычайно неудачно устроенными. При проектировании их Головнину приходилось бороться с теми покушениями, которые делало, при первоначальном обсуждении этого дела в 1861 году, духовное ведомство, которое тогда требовало, чтобы в его руки было совершенно передано все дело начального народного образования, причем на стороне духовенства был, между прочим, и консервативно настроенный предшественник Головнина граф Путятин. Чтобы избежать этого, Головнин пошел тогда на компромисс и согласился, чтобы председателями губернских советов были архиереи, а членами их были: губернатор, два представителя министерства народного просвещения и два члена от земства, но чтобы зато самые советы состояли в ведомстве министерства народного просвещения. Эти советы были, конечно, весьма неповоротливыми и, в сущности, мертвыми учреждениями, так как и архиерей, и губернатор были поглощены своими прямыми делами. Уездные училищные советы составлены были из представителя министерства народного просвещения, обыкновенно заведующего местным уездным училищем, представителя министерства внутренних дел, которого рекомендовалось избирать из местного дворянства, и двух членов от земства. Председателей своих уездные советы выбирали сами, и обычно это и был один из членов от земства. Эти советы склонны были действовать рука об руку с земством, и это упрочивало с самого же начала позицию последнего в деле школьной политики и борьбы.

Когда в 1866 году Толстой вступил на пост министра

народного просвещения, он подверг это положение дел резкой критике и немедленно составил проект учреждения в каждой губернии должности особого министерского инспектора, который должен был бы смотреть за тем, чтобы дело не попадало в «злоумышленные» руки. Эти инспектора были учреждены в 1869 г., причем Толстой через год, во всеподданнейшем отчете о состоянии учебного дела, уже позволил себе утверждать, что деятельность училищных советов и земства никуда не годится, а одни только инспектора исполняют свое дело прекрасно. Но, конечно, самого поверхностного взгляда достаточно, чтобы понять, что один инспектор на губернию не мог даже фактически ознакомиться с этим делом и, в сущности, являлся бессильным даже и в смысле надзора за школами.

Толстой, стремясь, однако, отобрать у советов дело начального образования, скоро выхлопотал другое высочайшее повеление, утвердившее особую инструкцию о деятельности этих инспекторов, при составлении которой уже значительно вышел из рамок существовавшего устава. По уставу училищные советы были поставлены довольно независимо. На губернские советы жалобы могли подаваться только в сенат и даже попечители учебных округов могли сноситься с ними только, как с посторонними, не подчиненными им учреждениями, и не могли им давать предложений, и, в свою очередь, советы не обязаны были представлять попечителям отчетов в своих действиях.

Несмотря на это независимое, по уставу, положение советов, Толстой стремился при помощи своих агентов, инспекторов, прибрать дела советов к рукам. Для этого в инструкции инспекторам он стремился в их руки передать не только надзор, но и заведование учебной частью, а отчасти и назначением учителей, которое по уставу 1864 года всецело зависело от содержателей школ, причем их право самостоятельного выбора учителей, по уставу, ограничивалось лишь тем, что они должны были выбирать их из числа лиц, получивших право быть учителем от этих уездных училищных советов. Но, конечно, все кончившие какое-либо учебное заведение лица такое право легко получали, и выбор, таким образом, был довольно широк.

После издания инструкции 1871 г. инспектора стали вмешиваться в дело назначения учителей, а в тех случаях, когда земства или учредители школ с ними не соглашались, стали писать доносы. Но Толстой этим не удовольствовался и вскоре вознамерился предпринять более коренную реформу всего дела, как только убедился, что вмешательство инспекторов лишь обостряло борьбу между земством и министерством. Он понял, что при недостаточном числе инспекторов и при существовавшем уставе инспектора эти не могут фактически захватить начальной школы в свои руки. Поэтому в 1873 году Толстой выступил с проектом нового устава. По Новому уставу предполагалось во главе губернских училищных советов поставить директора народных училищ, а во главе уездных советов — инспекторов, причем должности этих последних образовать в каждом уезде. По отношению к попечителям округов реформированные советы должны были занять подчиненное положение.

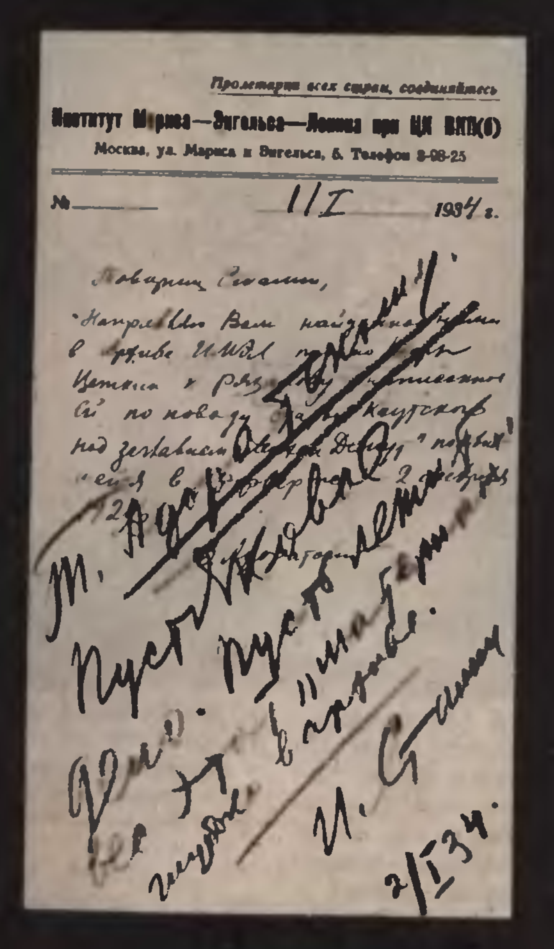
Однако это преобразование, хотя оно и было вперед одобрено императором Александром, встретило в государственном совете большое сопротивление. Толстой, неожиданно для себя, столкнулся с дворянским течением, которое возмутилось против его стремления отобрать народную школу в руки бюрократии. Это течение нашло доступ и к императору Александру, и Толстой, по-видимому, неожиданно получил 25 декабря 1873 г. высочайший рескрипт, где ему указывалось, что надзор за школами прежде всего должен быть вверен на местах первенствующему сословию — дворянству. В соответствии с этим рескриптом Толстому пришлось переделать свой проект и заменить в губернском училищном совете архиерея не директором училищ, а губернским предводителем дворянства, а в уездном совете прежнего выборного председателя не инспектором училищ, а уездным предводителем дворянства. А так как этот предводитель дворянства имел ближайшее отношение к земству, то во многих местах председатели советов оказались и теперь на стороне земства.

Что касается до числа инспекторов, то Толстому удалось увеличить это число только до двух инспекторов на губернию ввиду финансовых затруднений.

Поэтому министерству народного просвещения пришлось уже при Делянове в 80-х годах продолжать ту борьбу, которую начал Толстой. При Толстом борьба эта велась в очень резких формах; земства иногда выступали по необходимости из границ скромной власти, предоставленной им по уставу 1864 года. Столкновения происходили и должны были естественно происходить; земства в лице своих представителей входили, конечно, не только в обсуждение хозяйственной стороны дела, но и в вопросы преподавания, тем более что вопросы эти ставились часто довольно остро, так как инспектора всячески стремились ограничивать и урезывать образование, получаемое крестьянскими детьми в школах, и в этом отношении очень портили установившиеся традиции. Между тем в училищных советах те члены от земства, которые по новому закону (1874 г.) как будто не имели никаких прав и были поставлены на второстепенное место по сравнению с инспекторами народных училищ, фактически получили неожиданное большое значение, благодаря изданию закона о всеобщей воинской повинности, потому что лиц, желающих получить по этому закону льготу четвертого разряда по образованию, приходилось экзаменовать в начальных школах, и так как школ было много, то, очевидно, должны были на этих экзаменах присутствовать все члены уездных училищных советов по очереди. Таким образом, и членов по выбору от земства приходилось допустить к этой роли, и они, являясь экзаменаторами, не могли уже быть совершенно устранены от обсуждения постановки учебной части в школах и могли поэтому деятельно проявлять оппозицию политике министерства народного просвещения в этом отношении.

В конце концов распря между земством и агентами министерства народного просвещения обострялась иногда так сильно, что в губерниях, где представители министерства народного просвещения особенно резко стремились оттеснить земство от управления школами, земства иногда отказывали в ассигновании средств на содержание уже открытых школ, а в 1879 году в тверском земстве состоялось даже постановление о прекращении всякого отпуска денег на дело народного образования. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не подошла эпоха «диктатуры сердца» и если бы Лорис-Меликову не удалось выхлопотать в 1880 г. отставки графа Толстого. Только после этого земству пришлось вздохнуть несколько свободнее, при более либеральных министрах А. А. Сабурове и бароне Николаи, которые, впрочем, продержались на своих постах очень недолго (Сабуров с конца 1880 до весны 1881 г., барон Николаи с мая 1881 до мая 1882 года).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)

Москва, ул. Маркса и Энгельса, 5. Телефон 2-98-25

№ ______ 1/I 1934 г.

Товарищ Сталин,

2/I 34.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

Надежде Сергеевне Аллилуевой

лично от СТАЛИНА

(Переписка 1928—1931 годов)

Журнал начинает публикацию документов из личного архива И. В. Сталина. Архив комплектовался Сталиным: в нем собрание документов, отражающих его партийную и государственную деятельность за 1916—1953 гг., личная переписка, биографические материалы и фотографии за 1888—1953 гг. Традиционно этот архив хранится с документами архива Политбюро ЦК, во многом дополняя его.

В период ежегодных отпусков И. В. Сталина происходил интенсивный обмен письмами и телеграммами с членами Политбюро, находившимися в Москве. Вместе с официальной почтой на квартиру Сталина в Москве фельдсвязисты приносили маленькие конверты, на которых его рукой было написано: «Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина». В ответ из Кремля с очередной почтой отправлялись обстоятельные письма его супруги.

В публикуемую подборку документов включены 30 писем и записок: 17 писем и записок написаны рукой Сталина и 13 писем Аллилуевой. Большая часть переписки относится ко времени пребывания Сталина на отдыхе в Сочи в 1929—1931 годах. До 1928 года и за 1932 год письма не сохранились. Нет и трех писем Аллилуевой, направленных Сталину из-за границы летом 1930 года, упомянутых в данной подборке.

В публикации сохранены все особенности стиля, орфографии и пунктуации авторов.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ[1]
9 апреля 1928 г.

Передай Яше[2] от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет.

И. Сталин

1928 г. 9 апр[еля]

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 5.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
28 августа 1929 г.

28/VIII—29 г.

Дорогой Иосиф.

Как твое здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи? Я уехала с каким-то беспокойством, обязательно напиши. Доехали хорошо как раз к сроку. В понедельник 2/IX письменный экзамен по математике, 4/IX физическая география и 6/IX русский яз.[3]. Должна сознаться тебе, что я волнуюсь. В дальнейшем дела складываются так, что до 16/IX я свободна по крайней мере это сейчас так говорят, какие будут изменения в дальнейшем не знаю. Словом пока никаких планов строить не могу, т. к. все «кажется». Когда будет все точно известно напишу тебе, а ты мне посоветуешь как использовать время. Москва нас встретила холодно. Приехали в переменную погоду — холодно и дождь. Пока никого не видела и нигде не была. Слыхала как-будто Горький поехал в Сочи, наверное побывает у тебя, жаль, что без меня — его очень приятно слушать. По окончании моих дел напишу тебе о результатах. Тебя же очень прошу беречь себя. Целую тебя крепко, крепко, как ты меня поцеловал на прощанье.

Твоя Надя

P. S. *Вася с 28/VIII ходит в школу.*

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 6—7.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
29 августа 1929 г.

Татька!

28-го августа послал тебе письмо по адресу: «Кремль, Н. С. Аллилуевой». Послал по аэропочте. Получила?

Как приехала, как твои дела с Промакадемией, что нового,— напиши.

Я успел уже принять две ванны. Думаю принять ванн 10. Погода хорошая. Я теперь только начинаю чувствовать громадную разницу между Нальчиком и Сочи в пользу Сочи. Думаю серьезно поправиться. Напиши что-нибудь о ребятах.

Целую.

Твой Иосиф.

29/VIII-29

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 8.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
1 сентября 1929 г.

1/IX—29

Здравствуй Татька!

Получил Твое письмо. А мои два письма получила? Оказывается, в Нальчике я был близок к <u>воспалению легких.</u> Хотя я чувствую себя много лучше, чем в Нальчике, у меня «хрип» в обоих легких и все еще не покидает кашель. Дела, черт побери...

Как только выкроишь себе 6—7 дней свободных, катись прямо в Сочи[4]. Как дела с экзаменом?

Целую мою Татьку.

И. Сталин

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 9.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
2 сентября 1929 г.

Здравствуй Иосиф.

*Твое письмо от 29/VIII получила, другое от 28/VIII еще очевидно в дороге. Очень рада за тебя, что в Сочи чувствуешь себя лучше. Конечно, там ты поправишься, особенно, если будешь следить за собой. Как мои дела с Промакадемией, ты спрашиваешь. Теперь могу уже сказать, что лучше, т. к. сегодня был у меня экзамен по математике письменной *, который прошел удачно, но вообщем мне всеже не везет, а именно: Утром нужно было быть в ПА** к 9-ти часам, я конечно вышла в 8½ и что же испортился трамвай, стала ждать автобуса — нет его, тогда я решила, чтобы не опоздать сесть на такси, села и что же, отъехав саженей 100 машина остановилась, у нее тоже что-то испортилось. Все это меня ужасно рассмешило, но в конце концов в ПА я ждала два часа начала экзамена. Что нового? Право не знаю, т. к. до сих пор еще никуда не выбиралась, только в воскресенье была в Зуб[алово] там все в порядке. Просека сделана, цыцарки* живы и т. д. Грибов из-за отсут[ствия] дождей к сожалению больше нет, так что собрали совсем немного для тебя. Светлана, увидев только меня, сразу заявила, а почему мой папа не приехал.*

Вчера звонил Микоян: интересовался твоим здоровьем и моими делами. Говорил, что будет у тебя. Кстати, должна тебе сказать, что в Москве всюду хвосты и за молоком и за мясом гл[авным] об[разом]. Зрелище неприятное, а главное, все же, можно было бы путем правильной организации это все улучшить.

Срок начала занятий еще не выяснен, так что ничего не могу о нем написать. Завтра вторник посылаю это письмо с очередной почтой к тебе. Думаю, что с сегодняшней почтой от тебя будет что-нибудь мне, очень жду, но к сожалению часы прибытия и отхода поездов не совпадают. Сегодня 2/IX вернулся из Нальчика Ворошилов, звонил и рассказывал, что остальное время он провел на Баксанах и очень доволен; в день его отъезда с Баксан туда приехал Серго с Рудзутаком. Серго доехал очень спокойно и думает там остаться на несколько дней. Словом нам нужно было жить не в Нальчике, а прямо на Баксанах. Да, еще он ездил в Малую Кабарду и остался ею очень недоволен, говорит, похожа на Сахару, где от жары пропадает всякий интерес к охоте. Я разболталась забыв, что ты длинных писем не любишь. Пиши мне что-нибудь, тогда будет не так скучно. Я очень обрадовалась, получив от тебя письмо. Как только будут мои дела более ясны напишу обо всем остальном. А сейчас целую крепко тебя. До свидания.

Твоя Надя.

2/IX-29 г.
Кремль

P. S. *Представь себе, что к экзамену мне помогает готовиться Федя[5], голова у него на редкость сохранилась, он также как прежде хорошо все объяснил мне, а занимались мы три дня, почти не вставая. С ним что-то нужно сделать. Очень жаль его.*

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 10—14.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
16 сентября 1929 г.

16/IX—29

Татька!

Как твои дела, как приехала?

Оказывается, мое первое письмо (утерянное) получила в Кремле твоя мать[6]. До чего надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма...

Я выздоравливаю помаленьку.

Целую.

Твой Иосиф

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 15.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
(между 16 и 22 сентября 1929 г.)

Дорогой Иосиф.

Твое письмецо получила. Очень рада, что твои дела налаживаются. У меня тоже все пока идет хорошо за исключением сегодняшнего дня, который меня сильно взволновал. Сейчас я тебе обо всем напишу. Была

---

* Авторская правка. *Ред.*

** Промакадемии. *Ред.*

* Так в тексте. Правильно: цесарки. *Ред.*

я сегодня в ячейке «Правды» за открепительным талоном и конечно Ковалев [7] рассказал мне о всех своих печальных новостях. Речь идет о Ленинградских делах. Ты, конечно, знаешь о них, т. е. о том, что «Правда» поместила этот материал без предварительного согласования с Ц.К., хотя этот материал видел и Н. Н. Попов и Ярославский и ни один из них не счел нужным указать Партийному отделу «Правды» о необходимости согласовать с Ц.К. (т. е. Молотовым). Сейчас же после того как каша заварилась, вся вина пала на Ковалева, который собственно с ред. Бюро [8] согласовывал вопрос. На днях их всех вызывали в ЦКК. Были там тт. Молотов, Крумин (который, зная авторитет Ковалева в «Правде» его не любит, чисто лично, т. к. сам авторитетом не пользуется), Ярославский и Ковалев. Заседание вел Серго. Ковалев рассказал мне как велось заседание, а именно: Крумин плел все вроде того, что Ковалев этот материал не показал редкол[легии] и т. д.; Молотов заявил, что Партийный отд[ел] «Правды» не проводит линии Ц.К. и вообще занимается перегибом линии партии в самокритике. Ковалев выступил со своими объяснениями как было дело, Серго же не дал ему договорить до конца, стукнул «традиционно» по столу кулаком и стал кричать, что до каких пор в «Правде» будет продолжаться Ковалевщина, что ЦКК не потерпит этого и в этом духе. Ковалев мне рассказал, что после подобного ответа на его объяснения он вообще понял, что здесь почва подготовлена Круминым, что ни Серго, ни Молотов абсолютно не имеют понятия, кем проведена вся работа в «Правде» по положению аппарата, что Крумин, конечно, все выдает за свои труды. Кроме этого Ковалев мне рассказал, что он очень сработался с Н. Н. Поповым, а у Крумина наоборот против Попова зуд и этим особенно вызвано личное обострение со стор[оны] Крумина. На заседании редак[ционной] коллегии Криницкий выступил с заявлением, что Ковалев зиновьевец и т. д. и т. п. Словом возможно, что Ковалев и допустил ошибку, которую допустил и Ярославский и Попов; но это не значит, что дело должно принять подобный тон и оборот. Ты на меня не сердись, но серьезно, мне стало бесконечно больно за Ковалева. Ведь я знаю какую он провел колоссальную работу и вдруг по предложению Крумина редакц[ионная] кол[легия] принимает решение «освободить т. Ковал[ева] от заве-д[ующего] отд[елом] парт[ийной] жизни, как невыдержанного партийца», это прямо чудовищно. Причем вообще говоря его может снять только Орготд[ел] ЦК, который послал его на эту работу, а не Крумин. Жаль, что тебя нет в Москве. Я лично советовала Ков[алеву] пойти обязательно к Молотову и отстаивать вопрос с принципиальной стороны, т. е. если считают, что его нужно снять, так это должно быть сделано без обвинения в партийной невыдержанности, Ковалевщины, зиновьевщины и т. д. Такими методами нельзя разговаривать с подобными работниками. Вообще же говоря он теперь считает, что он дейст[вительно] должен уйти, т. к. при подоб[ных] услов[иях] работать нельзя

Словом я никак не ожидала, что все так кончится печально. Вид у него человека убитого. Да, на этой комиссии у Серго Крумин заявил, что он не организатор, что никаким авторитетом не пользуется и т. д. Это чистейшая ложь.

Я знаю, что ты очень не любишь моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело.

Я живу хорошо. Занимаюсь. Против ожидания на I-м курсе ввели Политэкономию меня это из всех предметов больше всего пугает, но ничего как-нибудь нужно выкарапкаться. Да, в Промыш[ленной] акад[емии] оказался еще один Аллилуев, как выяснилось мой Сибирский родственник.

Ребята здоровы. Да, насчет письма ты мою мамашу обвинил не по заслугам. Оказалось, что все-таки письмо не поступало, они воспользовались случаем, что сдавали одно заказное письмо на имя О. Е. Ал[лилуевой] и спутали это с письмом на мое имя. О. Е. даже нет в Москве и еще не было (она в Тифлисе), т[ак] что это бюрократ[ическая] отписка почтамта, а письма все же нет. Я просмотрела все письма полученные на ее квартиру. Очень, очень жаль, что письмо пропало и ты мне даже не рассказал о чем писал в нем. Не сердись, что так длинно написала, уж очень обидно за такого хорошего товарища и работника.

До свиданья, целую крепко, крепко. Ответь мне на это письмо.

Твоя Надя

P. S. Да, все эти правдинские дела будут разбираться в П.Б. в четверг 26/IX [9].
Иосиф, пришли мне если можешь руб. 50, мне выдадут деньги только 15/X в Промак[адемии], а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь будет хорошо.

Надя

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 16–24.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
23 сентября 1929 года

Татька!
Получил письмо на счет Ковалева. Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то Бюро редколлегии, которое является хозяином дела,— виновно втрое. Видимо в лице Ковалева хотят иметь «козла отпущения». Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно [10].

У нас погода все время вихляет.

Целую мою Татьку кепко, очень ного кепко.

Твой Иосиф

23/IX-29

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 25.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
25 сентября 1929 г.

Татька!
Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдъегера.

Целую

Твой Иосиф

25/IX-29 г.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 26.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
27 сентября 1929 г.

Дорогой Иосиф,
Очень рада, что в деле Ковалева ты «выразил» мне доверие. Очень жаль, если ни чем нельзя будет скрасить эту ошибку. Ты мне в последних двух письмах ни слова не пишешь о своем здоровье и о том, когда думаешь вернуться.

Без тебя очень и очень скучно, как поправишься приезжай и обязательно напиши мне как себя чувствуешь. Мои дела, пока идут успешно, занимаюсь очень аккуратно. Пока не устаю, но я ложусь в 11 часов. Зимой наверное будет труднее. Должна тебе сказать, что публика очень хорошая и живем дружно. В отношении успеваемости делают определения сле-д[ующим] об[разом]: кулак, середняк, бедняк. Смеху и споров ежедневно масса. Словом меня уже зачислили в правые. Словом приезжай. Вместе будет хорошо. Ребята здоровы. Жаль, что тебя последнее время погода не балует. В Москве дни ясные, но холодные. Пиши как себя чувствуешь. Целую тебя крепко, крепко.

Приезжай.

Твоя Надя.

27/IX.29 г.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 27.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
30 сентября 1929 г.

Татька!
Письмецо получил. Передали ли тебе деньги? Погода у нас выправилась. Думаю приехать через неделю.

Целую крепко

Твой ИОСИФ

30/IX-29 г.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 28.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
1 октября 1929 г.

Здравствуй дорогой Иосиф.
Письмо с деньгами получила. Большое спасибо. Теперь ты наверное уже скоро — на днях приедешь, жаль только, что у тебя будет сразу масса дел, а это совершенно очевидно. Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться. С очередной почтой (воскресной 29/IX) жду от тебя письмо. У нас пока все идет хорошо.

Приедешь обо всех делах расскажу.

На днях заходили Серго с Ворошиловым. Больше никто, Серго рассказал, что писал тебе о делах и вообще о том, что тебя уже ждут [11]. Ну, приезжай, хотя я и хочу, чтобы ты отдохнул, но все равно ничего не выйдет более длительно.

Целую тебя крепко. Напиши, когда приедешь, а то я не буду знать когда мне остаться, чтобы тебя встретить. Целую тебя.

Твоя Надя

1/X-29 г.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 29.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
21 июня [1930 г.] *

21/VI

Татька!
Напиши, что-нибудь. Обязательно напиши и пошли по линии НКИД на имя Товстухи (в ЦК) [12]. Как доехала, что видела, была ли у врачей, каково мнение врачей о твоем здоровье и т. д.— напиши.

Съезд откроем 26-го [13]. Дела идут у нас неплохо.

Очень скучно здесь, Таточка. Сижу дома один, как сыч. Загород еще не ездил,— дела. Свою работу кончил. Думаю поехать за город к ребяткам завтра — послезавтра.

Ну, до свидания. Не задерживайся долго, приезжай поскорее.

Це-лу-ю.

Твой Иосиф

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 30.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
2 июля [1930 г.] **

2/VII

Татька!
Получил все три письма ***. Не мог сразу ответить, т. к. был очень занят. Теперь я, наконец, свободен. Съезд кончится 10–12. Буду ждать тебя, как бы ты не опоздала с приездом. Если интересы здоровья требуют, оставайся подольше.

Бываю иногда за городом. Ребята здоровы. Мне не очень нравится учительница [14]. Она все бегает по окрестности дачи и заставляет бегать Ваську и Томика [15] с утра до вечера. Я не сомневаюсь, что никакой учебы у нее с Васькой не выйдет. Недаром Васька не успевает с ней в немецком языке. Очень странная женщина.

Я за это время немного устал и похудел порядком. Думаю за эти дни отдохнуть и войти в норму.
Ну, до свидания.

Це-лу-ю.

Твой Иосиф.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 31, 32.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
2 сентября 1930 г.

Татька!
Как доехала до места [16]? Как твои дела? Что нового? Напиши об всем, моя Таточка.
Я понемногу поправляюсь.

Твой Иосиф.

2.IX-30

Целую кепко.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 33.

---

* Датировано по содержанию. Ред.
** Датировано по содержанию. Ред.
*** Письма не обнаружены. Ред.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
5 сентября 1930 г.

5.IX-30

Здравствуй Иосиф!
Посылаю тебе просимые книги, но к сожалению не все, т. к. учебника анг[лийского] яз[ыка] не могла найти. Смутно, но припоминаю как-будто он должен быть в тех книгах, которые в Сочи на столе в маленькой комнате, среди остальных книг. Если ее не окажется в Сочи, то я не могу понять куда могла она деваться. Ужасно досадно.

Письмо твое получила. Сегодня первый день занималась. Подала заявление о переводе на хим[ическое] отд[еление], решила этот вопрос окончательно, но вся беда в том, что химики еще не набраны и набор закончится к 1.X. т[ак] что пока буду работать в прежней группе. Многого, без меня не успели, так что догонять не придется. Очень рада, что чувствуешь себя уже лучше. Как с зубами? Подлечи их пожалуйста. Звонила Кирову, его нет сейчас в Ленинграде, когда будет позвонит мне, но я фактически не знаю даже о чем с ним говорить, т. к. это поручение, мне кажется, было сделано не серьезно [17].

Желаю тебе всего хорошего.

Целую Надя.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 34, 35.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
8 сентября 1930 г.

Татька!
Письмо получил. Книги тоже. Английского самоучителя Месковского (по методу Розенбаля) у меня здесь не оказалось. Поищи хорошенько и пришли.

К лечению зубов уже приступил. Удалили негодный зуб, обтачивают боковые зубы и, вообще, работа идет вовсю. Врач думает кончить <u>*все*</u> *мое зубное дело к концу сентября.*

Никуда не ездил и ездить не собираюсь. Чувствую себя лучше. Определенно поправляюсь.

Посылаю тебе лимоны. Они тебе понадобятся.

Как дело с Васькой, с Сатанкой?

Целую кепко ного, очень ного.

<u>8/IX-30</u> Твой Иосиф

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 36, 37.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
12 сентября 1930 г.

12.IX-30 г.

Здравствуй Иосиф!
Письмо получила. За лимоны спасибо, конечно, пригодятся. Живем неплохо, но совсем уже по зимнему — сегодня ночью было —7° по С. Утром все крыши были совершенно белые от инея. Очень хорошо, что ты греешься на солнце и лечишь зубы. Вообще же Москва вся шумит, стучит, разрыта и т. п., но все же постепенно все налаживается. Настроение у публики (в трам[ваях] и в др. обществ[енных] местах) сносное — жужжат, но не зло. Всех нас в Москве развлек прилет Цеппелина [18], *зрелище было, действительно достойное внимания. Глазела вся Москва на эту замечательную машинку. По поводу стих[отворца] Демьяна все скулили, что мало пожертвовал, мы отчислили однодневный заработок* [19]. *Видела новую оперу «Алмас», где Максакова* [20] *совершенно исключительно станцевала лезгинку (армянскую), я давно не видела танца так художественно выполненного. Тебе, думаю, очень понравится танец, да и опера.*

Да, все же как я не искала твоего экз[емляра] учебника не нашла, посылаю другой экз[емляр]. Не сердись, но нигде не нашла. В Зубалове паровое отопление уже работает и вообще все в порядке, очевидно, скоро закончат. В день прилета цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал.

Очень умно делаешь, что не разъезжаешь, это во всех отношениях рисковано.

Целую тебя.

Надя.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 38—40.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
19 сентября 1930 г.

19.IX-30 г.

Здравствуй Иосиф!
Как твое здоровье. Приехавшие т.т. (Уханов [21] *и еще кто-то) рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. Я же знаю, что ты поправляешься (это из писем). По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного и тому подобные, по сути совершенно справедливые, вещи. Я объяснила свой отъезд занятиями, по-существу же это конечно не так. Это лето я не чувствовала, что тебе будет приятно продление моего отъезда, а наоборот. Прошлое лето это очень чувствовалось, а это нет. Оставаться же с таким настроением, конечно, не было смысла, т.к. это уже меняет весь смысл и пользу моего пребывания. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да.*

На днях была у Молотовых, по его предложению, поинформироваться. Это очень хорошо, т. к., иначе я знаю только то, что в печати. В общем приятного мало. Насчет же твоего приезда Авель [22] *говорит т.т., я его не видела, что вернешься в конце октября; несмотря на все прелести Сочи, с твоей точки зрения, неужели ты будешь сидеть там так долго.*

Ответь если не очень недоволен будешь моим письмом, а в прочем как хочешь.

Всего хорошего. Целую

Надя.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 41—42.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
24 сентября 1930 г.

Татька!
Получил посылку от тебя. Посылаю тебе персики с нашего дерева.

Я здоров и чувствую себя, как нельзя лучше. Возможно, что Уханов видел меня в тот самый день, когда Шапиро поточил у меня восемь (8!) зубов сразу, и у меня настроение было тогда, возможно, неважное. Но этот эпизод не имеет отношения к моему здоровью, которое я считаю поправившимся коренным образом.

Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татька.

Я приеду, конечно, не в конце октября, а много раньше, в середине октября, как я говорил тебе в Сочи.

В видах конспирации я пустил слух через Поскребышева [23] *о том, что смогу приехать лишь в конце октября. Авель, видимо, стал жертвой такого слуха. Не хотелось бы только, чтобы ты стала звонить об этом. О сроке моего приезда знают Татька, Молотов и, кажется, Серго.*

Ну, всего хорошего.

Целую кепко ного.

24/IX-30 <u>Твой Иосиф</u>

P. S. *Как здоровье ребят?*

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 43—45.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
30 сентября 1930 г.

30.IX-30 г.

Здравствуй Иосиф
Еще раз начинаю с того же — письмо получила. Очень рада, что тебе хорошо на южном солнце. В Москве сейчас тоже неплохо, погода улучшилась, но в лесу определенная осень. День проходит быстро. Пока все здоровы. За восемь зубов молодец. Я же соревнуюсь с горлом, сделал мне профес[сор] Свержевский операцию, вырезал 4 куска мяса, пришлось полежать четыре дня, а теперь я можно сказать, вышла из полного ремонта. Чувствую себя хорошо, даже поправилась за время лежания с горлом.

Персики оказались замечательными. Неужели это с того дерева? Они замечательно красивы. Теперь тебе, при всем нежелании, но все же скоро придется возвращаться в Москву, мы тебя ждем, но не торопим, отдыхай получше.

Привет. Целую тебя.

Надя.

P. S. *Да, Каганович кв[артирой] очень остался доволен и взял ее. Вообще был тронут твоим вниманием. Сейчас вернулась с конференции ударников* [24], *где говорил Каганович. Очень неплохо, а также Ярославский. После была Кармен — под управ[лением] Голованова* [25], *замечательно.*

Н. А.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 46—47.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
6 октября 1930 г.

Москва, 6.X-30 г.

Что-то от тебя никаких вестей, последнее время. Справлялась у Двинского [26] *о почте, сказал, что давно не было. Наверное путешествие на перепелов увлекло, или просто лень писать.*

А в Москве уже вьюга снежная. Сейчас кружит во всю. Вообще погода очень странная, холодно. Бедные москвичи зябнут, т. к. до 15.X. Москвотоп дал приказ не топить. Больных видимо-невидимо. Занимаемся в пальто, так как иначе все время нужно дрожать. Вообще же у меня дела идут неплохо. Чувствую себя тоже совсем хорошо. Словом теперь у меня прошла уже усталость от моего «кругосветного» путешествия и вообще дела, вызвавшие всю эту суетню также дали резкое улучшение.

О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормошил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада.

Ну, не сердись за глупое письмо, но не знаю стоит ли тебе писать в Сочи о скучных вещах, которых, к сожалению, достаточно в Московской жизни. Поправляйся. Всего хорошего.

Целую.

Надя.

P. S. *Зубалово абсолютно готово очень, очень хорошо вышло.*

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 48—49.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
8 октября 1930 г.

Татька!
Получил твое письмо.

Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить. Что это значит? Хорошо, или плохо?

Новостей у меня, к сожалению, никаких. Живу неплохо, ожидаю лучшего. У нас тут испортилась погода, будь она проклята. Придется бежать в Москву.

Ты намекаешь на какие-то мои поездки. Сообщаю, что никуда (абсолютно никуда!) не ездил и ездить не собираюсь.

Целую очень ного, кепко ного.

8/X-30 Твой Иосиф

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 50—51.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
9 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татька!
Как доехала, обошлось без приключений? Как ребятишки, Сатанка?

Приехала Зина [27] *(без жены Кирова). Остановилась в Зензиновке — считает, что там лучше, чем в Пузановке. Что же, — очень приятно.*

У нас тут все идет по-старому: игра в городки, игра в кегли, еще раз игра в городки и т. д. Молотов успел уже дважды побывать у нас, а жена его, кажется, куда-то отлучилась.

Пока все.

Целую.

Иосиф

9/IX.31.

АП. ф. 45. Оп. I. Д. 1550. Л. 52.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ
[Не позднее 12 сентября 1931 г.]*

Здравствуй Иосиф.
Доехала хорошо. В Москве очень холодно, возможно, что мне после юга так показалось, но прохладно основательно.

Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда после дождя краска стекает полосами. В общем, чтобы Москве дать настоящий желаемый вид требуются, конечно, не только эти меры и не эти возможности, но на данное время и это прогресс.

По пути меня огорчили те же кучи, которые нам попались по пути в Сочи на протяжении десятков

* Датировано по содержанию. *Ред.*

верст, правда их несколько меньше, но именно несколько. Звонила Кирову, он решил выехать к тебе 12.IX., но только усиленно согласовывает средства сообщения[28], о Гротте[29] он расскажет тебе все сам. Улицы Москвы уже в лучшем состоянии, местами даже очень хорошо. Очень красивый вид с Тверской на Красную площадь. Храм разбирают медленно, но уже «величие» голов уничтожено[30].

В Кремле чисто, но двор, где гараж, безобразен, в нем ничего не сделали и даже ремонтную грязь не тронули. Это, мне кажется, нехорошо. Словом тебе наскучили мои хозяйские сообщения. Группа была очень довольна, что я поддержала 100% дисциплину, нужно сказать, что в первый же день нам дали столько новых всяких сведений, что, конечно, при таких условиях опаздывать нельзя не только из за 100%-сти.

Да, в отношении этого жестокого случая опубликованного в «Известиях»[31], выяснено, что убийство совершено с целью ограбления, т. к. у этого преподавателя были с собой деньги, полученные на оборудование кабинета по математике. Кто убийцы и др. подр[обностей] пока неизвестно. На общий состав преподавателей эта история произвела очень тяжелое впечатление, несмотря на то, что это лицо новое в стенах учреждения. За работу преподаватели принялись с энергией, хотя нужно сказать, что настроение в отношении питания среднее и у слушателей, и у педагогов, всех одолевают «хвостики» и целый ряд чисто организационных неналаженностей в этих делах и, главным образом, в вопросах самого элементарного обмундирования. Цены в магазинах очень высокие, большое затоваривание из-за этого.

Не сердись, что так подробно, но так хотелось бы, чтобы эти недочеты выпали из жизни людей и тогда было бы прекрасно всем и работали бы все исключительно хорошо.

Посылаю тебе, просимое по электротехнике. Дополнительные выпуски я заказала, но к сегодняшнему дню не успели дослать, со следующей почтой получишь, тоже и с немец[кой] книгой для чтения — посылаю то, что есть у нас дома, а учебник для взрослого пришлю со следующей почтой.

Обязательно отдыхай хорошенько и лучше бы никакими делами не заниматься.

Звонил мне Серго, жаловался на ругательное твое не то письмо, не то телеграмму, но, видимо, очень утомлен. Я передала от тебя привет.*

Дети здоровы, уже в Москве.

Желаю тебе всего, всего хорошего.

Целую. Надя

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 53—58.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

14 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татька!

Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно, что внешний облик Москвы начинает меняться к лучшему. Наконец-то!

«Рабочий техникум» по электротехнике получил.

Пришли мне, Татька, «Рабочий техникум» по черной металлургии. Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку — там найдешь).

В Сочи — ничего нового. Молотовы уехали. Говорят, что Калинин собирается в Сочи. Погода здесь пока хорошая, даже замечательная. Скучновато только.

Как ты поживаешь? Пусть Сатанка напишет мне что-нибудь. И Васька тоже.

Продолжай «информировать».

Целую.

14/IX-31 г. Твой Иосиф

P. S. *Здоровье у меня поправляется. Медленно, но поправляется.*

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 59.

* Не обнаружено. *Ред.*

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

19 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татька!

Получил письмо, книги.

Здесь погода пока хорошая. Я с Кировым проверили вчера ночью (в 12 ч.) температуру внизу на Пузановке и вверху, где я теперь живу. Получилась разница в 3 градуса реомюра в пользу новой дачи: оказалось, что при температуре внизу в 14 градусов реомюра (ночью в 12 ч.), наверху — 17 с лишним градусов. Это значит, что у нас наверху такая же температура, как в Гаграх и Сухуми.

Был раз (только раз!) на море. Купался. Очень хорошо! Думаю ходить и впредь.

С Кировым провели время хорошо.

Пока все.

Целую кепко-ного. Твой Иосиф.

19/IX-31

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 60.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

21 сентября 1931 г. 21.IX.31 г.

Здравствуй Иосиф,

Направляю тебе «семейную корреспонденцию». Светланино письмо с переводом, т. к. ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства о которых она пишет. Кроме этого посылаю тебе книгу Дени[32] с его письмом, которое я понимаю как просьбу о заграничн[ом] лечении. Там правда прямо ничего об этом не говорится, но мне кажется, что я правильно его поняла. Мне кажется, что ему можно было бы ответить, а впрочем тебе виднее. Получили альбом со съемками на аэродроме, тоже посылаю. Интересно очень. Из новостей почти ничего нет. Была на Баядерке с Семеновой[33], она была не в ударе, но тем не менее опять новые движения. Вечерами много приходится заниматься. В отношении Московских дел: усиленно работают над Лубянской площадью — убрали фонтан в центре и по прямой линии прокладывают трамвай, освобождая тем самым круговое кольцо. Около Моск[овской] г[остини]цы ремонт улицы еще не закончен и очень кругом наворочено. Думаю, что к твоему возвращению сделают. Охотный ряд закрыт забором и усиленно разрушается. Двор гаража дня 3—4 тому назад начали ремонтировать. Думаю, что Авель информировал тебя более подробно так, что я ничего нового добавить не смогу.

Посылаю «Черную металлургию». Из новых книг ничего интересно[го] не могу тебе послать, т. к. нет хорошего оценщика. Погода гнилая, никуда выходить не тянет. В Зубалове была только в день приезда больше не выбралась. 23.IX еду пробовать баню, она уже готова. Внешнее впечатление очень хорошее, посмотрю, крепки ли пары и напишу тебе.

Отдыхай. Был ли у тебя Киров? Серго мне говорил, что хотел бы дней на десять поехать в Сочи, но не знаю, как решил. Пока все. Целую тебя

Надя.

Уже, написав это письмо, получила письмо от тебя. Очень хорошо, что Киров побывал у тебя, а также то, что у тебя наверху тепло. С купаньем нужно осторожнее, т. к. сейчас t° воды все же уже ниже, поручений от тебя новых никаких, так что ничего не добавляю.

Надя.

ЗДРАВСТВУЙ ПАПО
ЧКА, ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЙ ДОМОЙ
ФЧЕРА РИТКА ТОКОЙ ПР-
АКАС ЗДЕЛАЛА
УЖ ОЧЕНЬ ОНА АЗАРНАЯ
ЦЕЛУЮ ТЕБЯ ТВОЯ

СЯТАНКА.

Здрав. папочка, приезжай скорей домой фчера — ритка такой пракас сделала уж очень она азарная

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. л. 61—64.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

26 сентября 1931 г.

26.IX.31 г.

Здравствуй Иосиф.

В Москве льет без конца дождь. Сыро и неуютно. Очень много заболеваний гриппом. Ребята, конечно, уже болели гриппом и ангиной, я спасаюсь, очевидно, тем, что кутаюсь во все теплое. За город так еще и не выбралась. В Сочи же наверное прекрасно, это очень и очень хорошо.

У нас все идет по-старому однообразно — днем заняты, вечером дома и т. д. Завтра хочу пойти на «Рекламу» это на мал[ой] сцене Худ[ожественного] театра[34], говорят очень смешно, а посмеяться очень хочется.

На днях Яковлев прислал снимки сделанные у нас в Сочи, посылаю тебе, смешные только. Особенно смешной вышел Молотов. Только привези их обратно, обязательно. Поручений от тебя никаких за эти дни, так что ничего не посылаю. Со следующей почтой, если еще не вернешься к тому времени, пошлю книгу Дмитриевского «О Сталине и Ленине» (это невозвращенца), сейчас не могу послать, т. к. Двинский не достал ее еще, а я вычитала в белой прессе о ней, где пишут, что это интереснейший материал о тебе. Любопытно? Поэтому я попросила Двинского достать ее.

Нового ничего, пока. На днях звонил Серго, жаловался, подхватил плеврит и провалялся несколько дней.

Отдыхай хорошенько. Целую тебя.

Надя.

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 65—66.

И. В. СТАЛИН* Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

29 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татька!

Карточки («игра в городки») получил. Очень смешны и интересны. Посылаю их обратно (у меня могут пропасть).

Прошлый раз не писал тебе,— теперь хочу наверстать упущенное.

Книги по металлургии получил. Получил также письма Васи и Сетанки. Поцелуй их за меня,— хорошие они ребята.

Я скоро буду дома. Можешь поэтому прекратить переписку.

С 25 сентября погода резко изменилась в Сочи к худшему.

*Был, как говорят здесь, «небывалый» шторм. Два дня дула буря с бешенством разъяренного зверя. На нашей даче вырвано с корнями 18 (восемнадцать) больших дубов. Зри** дуба-великана перед самой дачей на горе (на Пузановке) вырвано с корнями. Температура почвы 28-го сентября упала до 4 градусов реомюра. Теперь погода начинает выправляться, но печку приходится топить.*

Ну, пока все. До свидания.

Целую кепко.

29/IX 31 Иосиф

АП. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 67.

* На конверте рукой И. В. Сталина указано: «Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина».
** Так в тексте, вероятно, «три». *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Аллилуева Надежда Сергеевна (1901—1932) родилась в Баку, в семье известного революционера С. Я. Аллилуева. В 1919 году вышла замуж за Сталина, работала в секретариате у Ленина. Затем работала в редакции журнала «Революция и культура» при газете «Правда», в 1929—1932 годах училась в Промышленной Академии на факультете искусственного волокна. В 1921 году у них родился сын Василий, а в 1926 году — дочь Светлана. Сложная обстановка в семье Сталина воспроизведена в книге С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу». В ночь с 8 на 9 ноября 1932 года Н. С. Аллилуева покончила жизнь самоубийством.

2. Джугашвили Яков (1908—1943) — сын Сталина от первого брака с Екатериной Сванидзе. Жил в семье Сталина, с отцом сложились тяжелые отношения. Записка Сталина, адресованная Аллилуевой, относится, видимо, к тому периоду, когда после попытки самоубийства Яков уезжает в Ленинград и живет там на квартире у деда С. Я. Аллилуева. В дальнейшем Я. Джугашвили заканчивает Институт инженеров железнодорожного транспорта, поступает в Артакадемию РККА. С первых дней войны уходит на фронт. 16 июля 1941 года старший лейтенант Джугашвили попадает в плен к немцам. В 1943 году был убит часовым в концлагере Заксенхаузен якобы при попытке к бегству (см. также: «Родина», № 5, 1992).

3. В июле—августе 1929 года Аллилуева вместе с мужем выезжала на отдых в Сочи. В конце августа вернулась в Москву для подготовки к вступительным экзаменам в Промышленную Академию.

4. В телеграмме, адресованной в Сочи, от 5 сентября 1929 года, Енукидзе сообщал, что Аллилуева выезжает в субботу (8 сентября).

5. Очевидно, речь идет о тяжелом душевном заболевании брата Аллилуевой—Федора Сергеевича Аллилуева.

6. Ольга Евгеньевна Аллилуева (1875—1951) — мать Н. С. Аллилуевой.

7. Ковалев — зав. партийным отделом газеты «Правда», с 10 июня 1929 года член редколлегии газеты, 28 июля 1929 года был избран секретарем партячейки газеты «Правда».

8. 10 июня 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об упразднении института ответственного редактора «Правды», а для руководства текущей работой в «Правде» было выделено бюро редакционной коллегии в составе Крумина Г. И., было Попова Н. Н. и Ярославского Е. М. 17 июня 1929 года это постановление Политбюро утверждено решением Пленума ЦК. 12 января 1931 года институт ответственного редактора «Правды» вновь восстановлен, бюро редакции «Правды» упразднено.

9. 26 сентября 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) данный вопрос не рассматривало. Получив 22 сентября письмо Аллилуевой, Сталин вечером того же дня направил В. М. Молотову

следующую шифротелеграмму: «Молотову. Нельзя ли подождать с вопросом о Ковалеве в «Правде». Неправильно превращать Ковалева в козла отпущения. Главная вина остается все же за бюро редколлегии. Ковалева не надо снимать с отдела партийной жизни: он его поставил неплохо, несмотря на инертность Крумина и противодействия Ульяновой. Сталин. 22/IX. 22.30 г. Сочи» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 74. Л. 18).

10. Сталин, Молотов и Орджоникидзе обменялись телеграммами и письмами по публикации в «Правде» от 1 сентября 1929 г. По указанию Сталина было решено усилить контроль ЦК ВКП(б) над газетами. В письме к Орджоникидзе от 23 сентября 1929 года он еше раз подчеркнул:

«...3) Мне сообщают, что в «Правде» нашли, наконец, козла отпущения в лице молодого члена редколлегии Ковалева, на которого и решили, оказывается, взвалить всю вину за допущенную ошибку в отношении Ленинграда. Очень дешевый, но неправильный и небольшевистский способ исправления своих ошибок. Виновны прежде всего и больше всего члены бюро редколлегии, а не заведующий отделом партжизни Ковалев, которого я знаю, как абсолютно дисциплинированного члена партии и который ни в коем случае не пропустил бы ни одной строчки насчет Ленинграда, если бы не имел молчаливого или прямого согласия кого-либо из членов Бюро» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 778. Л. 18—19).

11. Имеется в виду письмо Орджоникидзе Сталину от 27 сентября 1929 года, где, в частности, говорилось, что «Ковалева пока не трогали, хотя он наделал массу глупостей. Согласен с тобой, что «руководители «Правды» гораздо больше виноваты, чем Ковалев, больше того виноваты кое-кто из аппарата ЦК...». Далее Орджоникидзе, сообщая о других делах, добавляет: «Как ни тяжело, но все-таки должен сказать, чем скорее ты приедешь, тем лучше» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 778. Л. 20—21).

12. Речь идет о поездке Аллилуевой в июне—августе 1930 года в Карлсбад и затем к брату Павлу в Берлин. Сталин предлагает жене посылать письма с дипломатической почтой на имя Товстухи И. П. (1889—1935), работавшего в январе—июле 1930 года заведующим секретным отделом ЦК ВКП(б).

13. Речь идет о XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 года. Сталин выступил на съезде с политическим отчетом ЦК ВКП(б) 27 июня и с заключительным словом 2 июля.

14. В книге «Двадцать писем к другу» (М., 1990. С. 98) Светлана Аллилуева вспоминает, что вскоре после смерти матери «ушла от нас наша воспитательница Наталия Константиновна, чьи уроки немецкого языка, чтения, рисования я не забуду никогда. Сама ли она отказалась или ее выжили, не знаю, но весь ритм занятий был нарушен...»

15. Василий — сын Сталина, и товарищ Василия — Артем Сергеев.

16. В конце августа 1930 года Аллилуева возвратилась из-за границы.

17. Не установлено, о каком поручении идет речь.

18. 10 сентября 1930 года в Москве был осуществлен демонстрационный полет крупнейшего в мире дирижабля «Граф Цеппелин», названного по имени немецкого конструктора дирижаблей.

19. 12 сентября 1930 года инициативная группа сотрудников «Правды» обратилась к читателям: собрать средства и построить в кратчайший срок советский дирижабль «Правда». Газета ежедневно публиковала списки организаций и отдельных людей, вносивших свои сбережения на постройку дирижабля.

В письме упоминается поэт Демьян Бедный (Придворов Е. А.) (1883—1945).

20. Возможно, речь идет об опере «Алмаст» композитора А. А. Спендиарова. Премьера оперы состоялась в филиале Большого театра 23 июня 1930 года. Партию Алмаст исполняла солистка Большого театра М. П. Максакова.

21. Уханов К. В. (1891—1937) — в 1929—1932 годах председатель Мособлисполкома.

22. Авель Сафронович Енукидзе (1877—1937) — секретарь и член Президиума ЦИК СССР, крестный Н. С. Аллилуевой.

23. Поскребышев А. Н. (1891—1965) — секретарь И. В. Сталина.

24. Вероятно, Н. С. Аллилуева присутствовала на торжественном собрании в Колонном зале, посвященном Всесоюзному дню ударника.

25. Голованов Н. С. (1891—1953) — дирижер, пианист, композитор.

26. Двинский Б. А. — помощник И. В. Сталина.

27. Жена Орджоникидзе — Зинаида Гавриловна Орджоникидзе.

28. В шифротелеграмме, отправленной из Москвы 11 сентября 1931 года, С. М. Киров просил разрешения вылететь в Сочи на самолете. В тексте расшифрованной телеграммы написано рукой Сталина: «Не имею права и никому не советую давать разрешение на полеты. Покорнейше прошу приехать железной дорогой. Сталин. 11. IX.31. 20.[20]» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 76. Л. 59).

29. Речь идет о выезде в Германию инженера-конструктора танков.

30. Имеется в виду разбор Храма Христа Спасителя. На заседании ЦИК СССР 13 июля 1931 года было принято решение: «п. 2. Местом для строительства Дворца Советов избрать площадь храма Христа в гор. Москве со сносом самого храма и с необходимым расширением площади».

31. «Известия» от 30 августа 1931 года опубликовали сообщение Московского уголовного розыска и фото неопознанного трупа, а 4 сентября газета сообщила, что убитый оказался доцентом кафедры математики Промакадемии Иванцовым Б. Н.

32. Дени (настоящая фамилия Денисов) В. Н. (1893—1946) — советский график, один из основоположников советского политического плаката.

33. «Баядерка» — балет композитора Минкуса, в котором М. Т. Семенова исполняла партию Никии.

34. В 1930 году МХАТ осуществил постановку «Рекламы» Уоткинса (худ. рук. Немирович-Данченко).

Публикация и примечания
Ю. МУРИНА

ИЗ ОСОБОЙ ПАПКИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(Особая папка)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1428-326сс
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА В.К.П.(б)
21 августа 1937 года

О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЮТ:

В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край, провести следующие мероприятия:

1. Предложить Дальневосточному краю выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края: Посьетского, Молотовского, Гродековского, Ханкайского, Хорольского, Черниговского, Спасского, Шмаковского, Постышевского, Бикинского, Вяземского, Хабаровского, Суйфунского, Кировского, Калининского, Лазо, Свободненского, Благовещенского, Тамбовского, Михайловского, Архаринского, Сталинского и Блюхерово и переселить в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР.

Выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гродеково районов.

2. К выселению приступить немедленно и закончить к 1-му января 1938 года...

Документ хранится в Центральном архиве Министерства Безопасности Российской Федерации.

Мертворожденный культ

Известно, что в годы войны с фашизмом немалую роль сыграло обращение сталинской власти к традиционным духовным ценностям, в том числе и к православию. Налицо была явная идеологическая переориентация режима, попытка партийного аппарата найти выход из тупика путем модернизации учения. В «марксизм-ленинизм» планировалось «вмонтировать» элементы религии и придать ему новые жизненные силы.

Казалось, что для большевиков вновь стала актуальной знаменитая ересь богостроительства, ставшая в начале века объектом яростной критики Ленина. Его взбесили тогда попытки Луначарского и Горького смоделировать «социалистический» тип религии, в которой место Бога занимал созданный воображением Ницше сверхчеловек.

Аналогичные эксперименты с религией проделывали и нацисты, вдохновленные лозунгом: «национал-социализм и христианство несовместимы». Альфред Розенберг, «представитель фюрера в системе полного интеллектуального и философского воспитания и образования в духе национал-социалистской партии», разрвботал программу «Национальной церкви рейха», согласно которой «в день основвния национальной церкви христианский крест должен быть снят со всех церквей, соборов, часовен... и звменен единственным непобедимым символом — свастикой... В алтарях не должно быть ничего, кроме «Майн кампф» (для немецкой нации и, следовательно, для Бога это самая священная книга) и... меча...»

Все усилия большевиков и фашистов по скрещиванию христианства со своей идеологией окончились более чем плачевно. Надеемся, что публикуемые документы в известной степени раскроют причины такого развития событий.

Письмо А. К. Чалдымова начальнику секретариата И. В. Сталина А. Н. Поскребышеву

19 октября 1944 г.

Уважаемый Александр Николаевич.

В августе прошлого года мною было написано письмо на имя товарища Сталина с предложениями о разработке новых форм ознаменования торжественных и траурных событий, связанных с учреждением новых обрядов храма и культа Священной Родины.

Ознакомление с предложениями, изложенными в письме, у крупнейших деятелей советской и партийной общественности вызвало большой интерес к поставленному в письме вопросу, хотя, конечно, каждый из них, учитывая новизну и принципиальность этих предложений,— высказывал ряд замечаний, требующих обсуждения.

В частности, с копией письма знакомы следующие товарищи:
М. Б. Храпченко (Комитет по делам искусств),
А. Г. Мордвинов (Комитет по делам архитектуры),
Г. Г. Карпов (Совет содействия православной церкви),
К. С. Алабян (Академия Архитектуры),
А. М. Герасимов — народный художник,
Б. Н. Яковлев — народный художник,
т. Бородин — писатель, лауреат Сталинской премии,
В. Н. Сарабьянов — профессор марксизма-ленинизма,
т. Титов — секретарь Коминтерновского РК ВКП(б), и др.

По имеющимся у меня сведениям, Лазарь Моисеевич Каганович, ознакомившись с копией письма, также проявил интерес к нему, а тов. Маленков Георгий Максимилианович дал в октябре прошлого года указание тов. Александрову Г. Ф. о необходимости обсуждения письма среди узкого круга (т.т. Потемкин, Митин, Храпченко, Кафтанов). К сожалению, это обсуждение до сих пор не состоялось.

ОЧЕВИДНО, ЧТО РАЗРЕШЕНИЕ ЗАТРОНУТЫХ В ПИСЬМЕ ПРОБЛЕМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И НОВЫХ ФОРМ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТОВ НАШЕЙ РОДИНЫ СВЯЗАНО ТОЛЬКО С ЛИЧНЫМ ОЗНАКОМЛЕНИЕМ И УКАЗАНИЯМИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА.

Наша жизнь все более и более требует новых форм проведения общественных и личных событий, к примеру хотя бы Постановление Президиума Верховного Совета СССР о необходимости оформления бракосочетания в торжественной обстановке.

Приближается час полной победы над немецкими захватчиками. Силу этой всенародной радости и патриотических чувств, а также народную печаль о погибших лучших сынах нашей Родины — обычные формы не будут в состоянии достойно выразить.

Осознанная мною необходимость и своевременность разработки указанных вопросов (некоторые из них — даже в наступающей годовщине Октябрьской революции), а также интерес представителей общественности — позволили мне обратиться к Вам снова с просьбой доложить о моем письме товарищу Сталину.

Убедительно прошу Вас, Александр Николаевич, не отказать в этой просьбе.

Кроме того, я прошу Вас как человек, который продумал все и имеет твердые убеждения, требующие, с одной стороны, действий по проведению их в жизнь, или же указания о их неправильности.

А. К. Чалдымов,
кандидат архитектурных наук,
Начальник Главного Управления
Учебными Заведениями Комитета
по делам Архитектуры при СНК СССР.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович.

Обычные формы проведения торжественных траурных и праздничных мероприятий, ограничивающиеся докладами и сценическими выступлениями, нельзя считать вполне отвечающими возросшим требованиям культуры нашего народа. Недостаточная торжественность, случайность программы, а также сама обстановка нередко при этом не отвечают величию празднуемых событий. Вместо глубокого духовного переживания отмечаемого события, которое должно бы надолго оставить след в памяти человека — патриота нашей страны, получается неудовлетворенность и досадный отпечаток неполноты торжества.

Особенно чувствуется у нас острый недостаток в формах выражения торжественно-радостных и торжественно-печальных личных событий в жизни граждан, потребность в которых совершенно очевидна. В то же время всем известна огромная сила действия на чувства участников религиозных праздников и обрядов, которые могли волновать человека, воздействуя на

его психику богатыми и разнообразными формами культа. Религия прекрасно учитывала потребность в душевных переживаниях человека .и создавала посредством величественных обрядов соответствующие настроения и, тем самым, кроме того, воспитывала его в нужном направлении.

Нашей партией, с помощью школы, печати, производства, искусства, радио и т.п. в деле воспитания советского человека, проделана огромная работа. Однако до сих пор у иас еще недостаточно использовалось оружие, действовавшее непосредственно на человеческие чувства, до настоящего времени столь сильное оружие воздействия на человеческую психику как бы отдано в монопольное владение религии.

Годы Отечественной войны особенно выявили необходимость дополнить формы воспитательной работы, а также открыть доступ более полному, глубокому и торжественному выражению чувств радости, горя в личной и общественной жизни человека.

Вот уже долгое время я обдумываю эти вопросы, которые кажутся мне важными для нашего государства. Поэтому решил Вам о них написать, сведя их к следующим предложениям:

1. В целях более целеустремленного воспитания нового человека необходимо разработать и сформулировать уже сложившиеся основные принципы (законы типа заповедей) поведения в личной и общественной жизни советских граждан, изложив их в простых и четких формах учения о нравственности и этики советского человека (отношение к труду и общественной собственности, патриотизм, основы семьи и быта, честь и достоинство гражданина и др.).

2. Учредить новый по существу и по форме КУЛЬТ СВЯЩЕННОЙ РОДИНЫ (название может быть и иное) со своими обрядами для проведения народных празднеств, революционных торжеств, событий личной и общественной жизни граждан.

3. Учредить как общественное сооружение духовной жизни народа ХРАМ СВЯЩЕННОЙ РОДИНЫ, где в торжественной обстановке происходят службы, посвященные тем или иным общественным и личным событиям.

Храм — это не театр, не кино, не зал заседании, а новый тип сооружения государственного значения, торжественно-монументальной архитектуры, с привлечением средств живописи, скульптуры, отражающих великие традиции народа и, в частности, героику Отечественной войны.

Храм с его службами должен КАЧЕСТВЕННО отличаться от всех культурно-массовых мероприятий, проводимых до настоящего времени. В храме должна быть создана обстановка большой торжественности, серьезности, сосредоточенности, углубленности.

Служба (название может быть и иное) в храме — это не представление и не заседание. Процесс ее должен быть целеустремлен от самого начала и до конца, отвечая содержанию празднуемого события. К службе следует привлечь все средства искусства, как, например, пение, музыку, речь (лучшие солисты и капеллы, симфонические и духовые оркестры, орган, лучшие пропагандисты-проповедники этики советского человека, культа Священной Родины и его идей). Не исключена возможность включения в состав службы специально сочиненных театрализованных постановок — ораторий (типа «Сказание о битве за русскую землю» Шапорина), средств кино, радио и пр.

Однако музыка, слова и все обычные обряды должны быть очень простые с тем, чтобы без большой подготовки их могли исполнять сами присутствующие на обрядах, будучи не пассивными наблюдателями, а активными их участниками, как в старину и было.

Для особо торжественных и радостных событий перечисленных средств может быть и недостаточно, чтобы выразить всю силу народного ликования или печали. Трудно пока придумать, да и нужно ли, более сильное и оправданное историей замечательное выражение, чем КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН. Колокольный звон должен стать одним из выразительных средств культа Священной Родины.

Если теперь колокольный звон будет возвращен только церкви, как средство оформления культовых праздников, то мы лишимся в проведении наших советских праздников сильного и оправданного историей нашего народа средства.

Уже теперь, не откладывая дело до будущего, следовало бы ввести колокольный звои хотя бы в дополнение к орудийным залпам салютов в честь побед.

Первым должен зазвонить Кремль — возрождая эту древнюю народную традицию выражения всенародной радости (набор колоколов, насколько мне известно, в Кремле достаточен).

Очевидно, что содержанне культа должно быть социалистическим, общим для всех народов Советского Союза. Также очевидно, что этот культ должен быть по своей форме глубоко народным, национальным.

Культ, его храм и службы, построенный на основе национальных традиций и форм в искусстве, создаст, надо полагать, дополнительные условия для расцвета культуры и быта национальностей, входящих в Советский Союз, и, несомненно, сыграет свою роль в окончательном изжитии капиталистических пережитков в сознании людей и религиозиых предрассудков.

Создание окончательных форм такого культа — дело поколении.

Тем не менее начать работу иад созданием культа наших обрядов и архитектурного образа храма Священной Родины нужно как можно скорее, учитывая дополнительно к изложенному следующее:

1. Повышеиная активизация религии в нашей стране за последнее время вызывает значительное распространение ее влияния, и не мало толков в даже весьма культурных кругах нашего общества о необходимости обрядов венчания, крещения, похорон и т. д.

2. Одновременно резко обострилась критика форм проведения наших торжественно-траурных событий, в сравнении с богатством и разнообразием форм религиозного культа.

3. Не исключена возможность использования религиозным культом музыки, а также современных средств (радио, светотехника и т. п.), которые безусловно смогут еще больше обогатить силу воздействия религиозных обрядов.

4. Необходимо безотлагательно, как можно скорее, противопоставить религиозным обрядам более сильные формы обрядов культа Священной Родины, с использованием всех современных средств искусства, техники, исходя из иародных традиций.

5. Приступить к разработке форм проведения торжества победы, посвященных славе погибших героев Отечественной войны, а также обрядов, связанных с рождением, бракосочетанием, похоронами, необходимо немедленно — это совершенно очевидно. Причем все эти обряды могут проходить в первое время и не в специально выстроенных храмах, а в существующих культурно-общественных зданиях.

Практически пытаясь разработать более конкретные предложения, сталкиваюсь с трудностями, непреодолимыми в работе одного человека. Для разработки конкретных форм обрядов и первых мероприятий необходимо приалечение лучших творческих сил страны (писателей, композиторов, режиссеров, архитекторов, художников, сценаристов и т. п.), создав постоянно действующую организационную комиссию.

Интерес и признание необходимости обсуждения и разработки упомянутых предложений рядом виднейших представителей общественности и руководящих работников,— позволило мне обратиться к Вам, Иосиф Виссарионович, с этим письмом.

Глубоко Вас уважающий

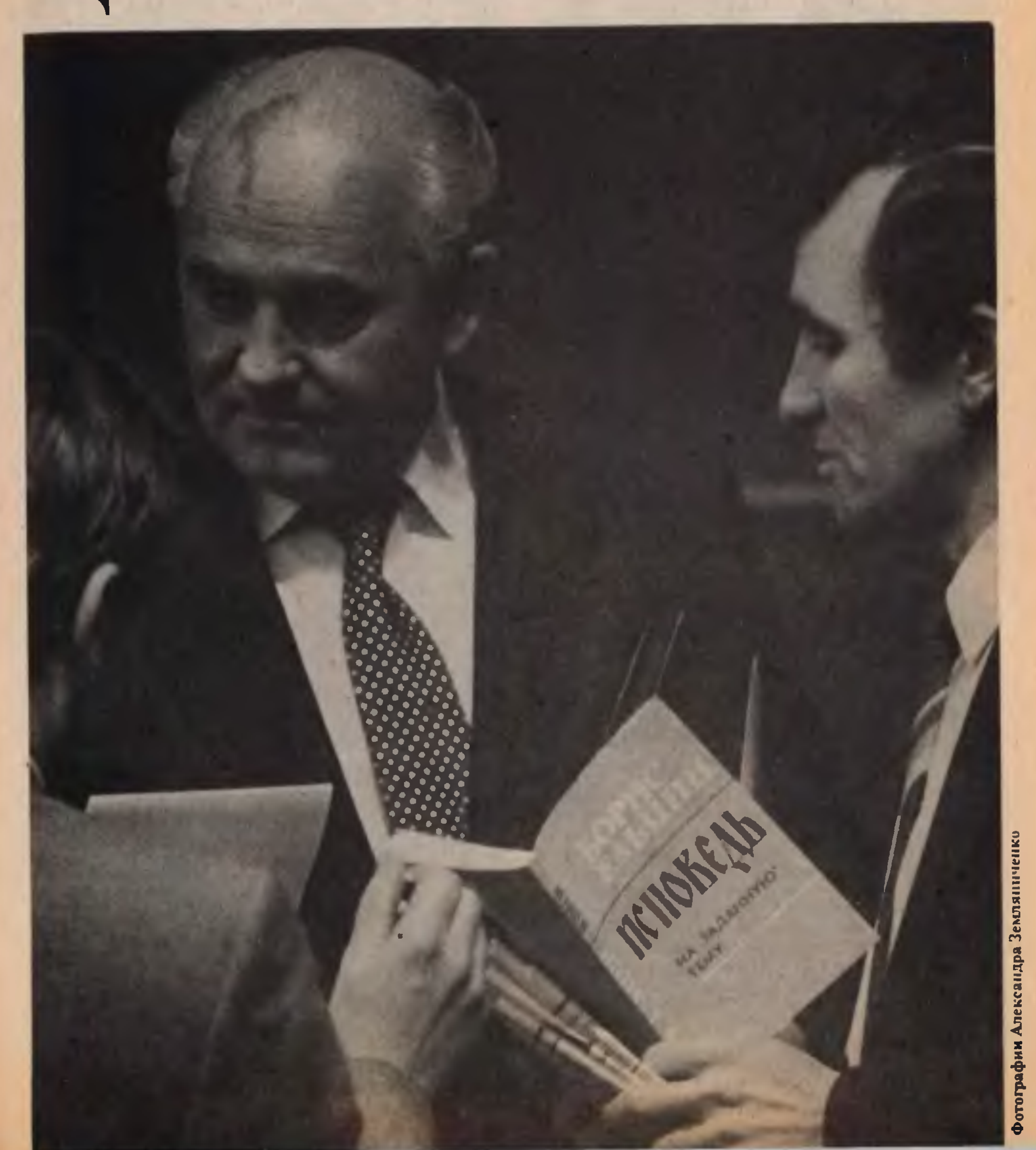
А. К. Чалдымов.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 104—111. Подлинник.

Предисловие и публикация
Г. КОСТЫРЧЕНКО

Повседневный ЦК

Известно, что аппарат ЦК КПСС был организацией закрытой, бурная его жизнь протекала незаметно для глаз миллионов. Тем интереснее по прошествии времени взглянуть на нее со стороны. Вот лишь несколько документов повседневного характера, которые как нельзя лучше отражают, на наш взгляд, будни Центрального Комитета времен перестройки.

Фотографии Александра Земляниченко

ЧТО ЗАБЫЛ ЕЛЬЦИН В СТОКГОЛЬМЕ?

<u>Секретно</u>

<u>ЦК КПСС</u>

<u>О приглашении народного депутата СССР Б. Н. Ельцина в Швецию, Норвегию, ФРГ, Италию, Францию, Голландию, Великобританию, США</u>

Издательства ряда западных стран (Швеции, Нораегии, ФРГ, Италии, Франции, Голландии, Великобритании, США) пригласили народного депутата СССР Б. Н. Ельцина присутствовать на церемониях представления его автобиографической книги в период с 5 по 18 марта с.г. Все расходы в поездке, включая оплату билетов по маршруту Москва—Стокгольм—Осло—Мюнхен—Милан—Париж—Амстердам—Лондон—Нью-Йорк—Москва, берут на себя приглашающие стороны.

В этой связи Б. Н. Ельцин обратился к руководству Верховного Совета СССР с просьбой поручить оформить соответствующие выездные документы.

В отношении этой поездки следоаало бы определиться.

Прошу рассмотреть

А. И. Лукьянов

«   » февраля 1990 года

<u>Секретно</u>

ЦК КПСС

<u>О поездке Б. Н. Ельцина в ряд западных стран</u>

По сообщению руководства Верховного Совета СССР (т. Лукьянова А. И.), издательства ряда западных стран (Швеции, Норвегии, ФРГ, Италии, Франции, Голландии, Великобритании, США) пригласили Б. Н. Ельцина присутствовать на церемониях представления его автобиографической книги в период с 5 по 18 марта с.г. с оплатой всех расходов по поездке.

Хотя поездка предполагается в дни работы Верховного Совета СССР, а книга, по поступающим сведениям, носит очернительский характер, полагали бы возможным не препятствовать Б. Н. Ельцину в этой поездке, чтобы не дааать ему повода нагнетать обстановку вокруг своей персоны.

Это мнение разделяет Международный отдел ЦК КПСС (т. Брутенц К.Н.).

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС *(Ю. Рыжков)*

20 февраля 1990 года

тов. ЯКОВЛЕВУ А. Н.
ЛУКЬЯНОВУ А. И.

Прошу переговорить по этому вопросу с т. Ельциным, имея в виду, что нужно работать в Верховном Совете и участвовать в работе ЦК КПСС.

М. Горбачев

6 февраля 1990 года

БЮДЖЕТНЫЕ СУХАРИ

<u>Секретно</u>

ЦК КПСС

<u>Вопрос Управления делами ЦК КПСС</u>

По сложившейся многолетней практике для Секретарей ЦК КПСС через первое отделение шестого отдела 9 Управлеиия КГБ производился отпуск продуктов питания. Кроме того, сектором общественного питания хозяйственного отдела Упраалеиия делами производится отпуск буфетной продукции (чай, кофе, сушки и т. п.) для заведующих отделами и их заместителей, а секретариатам Секретарей ЦК КПСС отпускаются также иекоторые продукты и бутерброды.

Расходы на эти цели аозмещаются Управлением делами ЦК КПСС за счет средств партийного бюджета.

С учетом требования о сокращении затрат из бюджета КПСС считали бы целесообразным отпуск продуктоа питания для Секретарей ЦК КПСС и работников секретариатов Секретарей ЦК КПСС производить за наличный расчет.

Расходы за счет средств партийного бюджета можно было бы сохранить на отпуск буфетной продукции (чай, кофе, молоко, печенье, сушки и сухари) в приемные и кабинеты Секретарей ЦК КПСС, их помощников и референтов, заведующим отделами ЦК КПСС, их заместителям, а также при приемах отделами ЦК КПСС зарубежных делегаций и гостей.

Обслуживание президиумов собраний и совещаний, проводимых по решениям Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, производить в каждом случае по отдельному меню с отнесением расходов за счет средств партийного бюджета.

Просим согласия.

Управляющий делами ЦК КПСС *(Н. Кручина)*

13 августа 1990 г.

В ЗОНЕ УМОЛЧАНИЯ

<u>Секретно</u>

ЦК КПСС

<u>О судебном разбирательстве уголовного дела, связанного с аварией на Чернобыльской АЭС</u>

В соответствии с поручением по записке Председателя Верховного Суда СССР т. Теребилова о порядке проведения указанного судебного разбирательства и некоторых, связанных с ним организационных вопросах, считали бы необходимым доложить следующее.

В настоящее время за рубежом усилилась антисоветская кампания, связанная с приближающейся годовщиной аварии на Чернобыльской АЭС. Поэтому следовало бы начать этот процесс позднее (июнь — июль 1987 г.). Проведение судебного заседания в г. Киеве представляется нецелесообразным. Его можно провести в одном из городов Украины, в частности в г. Чернобыле или в поселке Зеленый Мыс Киевской области.

В связи с тем, что об аварии на Чернобыльской АЭС средствами массовой информации сообщалось широко, давать подробные публикации о судебном процессе по данному делу не стоит. В печати можно поместить краткие сообщения ТАСС о начале и результатах судебного процесса. На 2—3 заседания суда полагали бы возможным приглашать корреспондента ТАСС и иностранных корреспондентов по согласоаанию с Правительственной комиссией.

Местным государственным и партийным органам, а также Минатомэнерго СССР, Минсредмашу СССР следует поручить оказать необходимое содействие Верховному Суду СССР в организации проведения этого процесса.

Просим согласия.

Н. Савинкин
Ю. Скляров
И. Ястребов
В. Петровский
Г. Агеев

19 апреля 1987 года

Нет необходимости говорить о наших боевых заслугах...

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!
По договоренности направляю Вам записку группы военных товарищей.

И. Капитонов

19.IV.1985 г.

<u>Сов. Секретно</u>
В Центральный Комитет
Коммунистической партии
Советского Союза

К июню 1953 года в результате ожесточающейся враждебной контрреволюционной деятельности Берия в стране сложилась крайне тяжелая политическая обстановка, требовавшая принятия срочных действий по недопущению Берия к власти в государстве.

26 июня 1953 года Президиум ЦК КПСС принял решение об аресте Берия и его сообщников. Эту сугубо конспиративную операцию, связанную с отчаянным и жестоким риском, было поручено провести группе военных во главе с Маршалом Советского Союза Жуковым Георгием Константиновичем:

— Маршалу Советского Союза Москаленко Кириллу Семеновичу;

— Маршалу Советского Союза Батицкому Павлу Федоровичу;

— генерал-полковнику Баксову Алексею Ивановичу;

— генерал-майору Зуб Ивану Григорьевичу;

— полковнику Юфереву Виктору Ивановичу.

Нет необходимости говорить о боевых заслугах каждого из названных участников операции. Достаточно того, что все они были проникнуты чувством гордости и огромной ответственности за порученное партией дело и готовностью на самопожертвование во имя торжества правоты нашей родной Коммунистической партии.

Операция на всех ее сложнейших этапах — арест Берия и его сообщников, нейтрализация охраны, блокада подчиненных Берия войск специального назначения и др.— была проведена успешно без кровопролития и каких-либо потерь.

Июльский (1953) Пленум ЦК КПСС одобрил решительные меры Президиума ЦК, направленные на пресечение преступной деятельности Берия, и высоко оценил работу группы коммунистов, выполнивших задание партии.

Прошли годы после исторического решения Июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Анализируя проведенную операцию, еще раз убеждаешься, какую огромную, ответственную и историческую миссию выполнила небольшая группа коммунистов по изоляции злейших врагов нашей партии, избавив тем самым человечество от безответственного распоряжения судьбами людей и от постоянной угрозы существованию устоев Советского государства.

В канун 40-й годовщины Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне считаем целесообразным и своевременным обратиться в Центральный Комитет нашей Коммунистической партии с надеждой положительного решения вопроса о присвоении звания Героя Советского Союза вышеупомянутым товарищам, совершившим подвиг при выполнении чрезвычайного задания партии.

Генерал-полковник *А. И. Баксов*
Генерал-майор *И. Г. Зуб*
Полковник *В. И. Юферев*

3.04.85

Фото Вадима Киврина

Н. С. Хрущев

ЦК КПСС
<u>Сов. секретно</u>

Тов. Баксов А. И., Зуб И. Г., Юферев В. И. в заявлении в ЦК КПСС просят рассмотреть вопрос о присвоении им званий Героев Советского Союза за участие в выполнении чрезвычайного задания партии.

Установлено, что тт. Баксов А. И., Зуб И. Г. и Юферев В. И. действительно входили в состав группы военных товарищей, принимавших участие в аресте Берия.

За образцовое выполнение задания советского правительства Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1954 г. они награждены орденами «Красное Знамя».

В связи с тем, что заслуги этих товарищей отмечены высокими правительственными наградами, признается нецелесообразным поддерживать их просьбу.

Т. Баксов А. И. приглашался в Отдел административных органов ЦК КПСС, где ему даны необходимые разъяснения.

Зав. Отделом административных
органов ЦК КПСС (*Н. Савинкин*)
«4» июля 1985 года
к № 15082
15—00

Подборка из фондов Центра хранения современной документации.

АЛЕКСАНДР КАПИТОНОВ

НЕЗАБВЕННЫЙ БАРОН

Среди тысяч иностранцев, когда-либо бывавших в России, есть, пожалуй, самый знаменитый. С этим все согласятся. Речь идет о... бароне Иеронимусе Карле Фридрихе фон Мюнхгаузене.

Слава виртуозного рассказчика о саоих похождениях уже при жизни переросла круг друзей, и он ворвался в историю, став прототипом популярнейшего литературного героя.

Но под внешностью вдохновенного враля скрывался более значимый символ: независимый и предприимчивый человек, полагающийся только на себя; ироничный насмешник, бросающий вызов рутине и уносящийся от повседневной обыденности в мир фантазии и приключений...

Судьба же реального барона отступала куда-то на третий план.

Представитель старинного нижнесаксонского рода Иеронимус фон Мюнхгаузен (1720—1797) прожил долгую жизнь (не только по меркам XVIII столетия). Но если его «немецкая» биография относительно хорошо известна, то о времени его службы в русской армии сохранились лишь отдельные, скупые факты.

Казалось, что «живой» Мюнхгаузен окончательно затерялся на страницах отечественной истории...

И все же, памятуя о том, сколь удачно бессмертный герой тащил себя вместе с конем из болота, мы попытались «вытащить» настоящего барона из небытия, пусть даже и без его любимца.

В самое последнее время в архивах нам удалось обнаружить значительный массив документов, непосредственно касающихся военной карьеры Мюнхгаузена. В них отражены любопытнейшие подробности службы кавалерийского офицера, его взаимоотношения с начальниками и подчиненными, конфликтные и анекдотичные ситуации, в которые он попадал. Но главное, «российская» биография барона Мюнхгаузена, пересекаясь с судьбами сотен людей, будь то верховные правители империи или его собственные денщики, органически включается в общий контекст интереснейшей эпохи 30—50-х годов XVIII века.

Читатели «Родины» имеют возможность впервые познакомиться с одним из документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи. Это — *Промемория (памятная записка, представление) об отставке ротмистра Мюнхгаузена.* Официальная бумага достаточно полно и последовательно раскрывает основные обстоятельства службы барона Мюнхгаузена в русской армии.

1755 г., сентября 8.— Промемория Военной коллегии в Коллегию иностраниых дел об отставке ротмистра Кирасирского его императорского высочества полка Иеронимуса Карла Фридриха фои Мюнхгаузена.

№ 855 Промемория из государственной Военной коллегии в государствениую Коллегию иностранных дел.

По указу ея императорскаго величества[1] в Военвой коллегии, по челобитью бывшаго в Кирасирском его императорскаго высочества волку[2] ротмистра Геровимуса Карла Фридриха фон Минихгаузена, которым объявлево: по ревностному ево желаиию привят он в высокославную ея. в. в. службу в 739-м году карветом из шляхетства Гановерсков земли[3], в проиеходил чинами, в 740-м в порутчикв, 750 февраля 20-го в ротмистры, в коем зваиив и довыне ваходится безпорочио. А в 751 году ноября 2-го, по прошеиию ево для исправлевия крайвих и иеобходимых нужд уволеи в дом ево, состоящей в Гавоверсков земли с сроком ва год, и потом, по прошениям же ево для окончаиия тех ево иадобностев отсрочиваво было дважды, которому термии* прошедшаго 754 года воября 2-го числа минул.

А хотя ж бы он столько пользуяси матернею ея. и. в. милостию ту службу всеохотно чтился продолжать, и ва тот бы термии при полку явитца мог, точню показаиные ево крайние вужды нимало ко окончанию не привел и овые довели ево до великой иадобности, ков оставить ему иикак невозможио[4]. И просит, чтоб за оными крайне необходимыми иуждами из службы ея. в. в. уволить з дачею абшита***, прв ваграждении за долговремяиное и безпорочное бытие в службе ея. и. в. и по преимуществу кирасирских полков рангом армейскаго подполковника ялв как заблагоразсуждево будет[5].**

А в Военвой коллегии по справке: в 750-м году октября 26-го дня, по определеиию оиой коллегии, а по прошению онаго ротмвстра Мивихгаузева, для крайинх ево вужд отпущен в дом ево в Гаиоверскую землю ва год; потом в 751 воября 28-го отсрочено ва год, в 752 октября 21-го даво время ноября до 1-го числа 753. А в 754 году июля 26-го, по овределению Военной коллегви, а по представлеиию господива геверала аншефа, севатора и кавалера, графа Петра Ивановича Шувалова[6] овой ротмистр Миинхгаузен за долговремянным к полку веприбытием вз кирасирскаго полку выключен.

Определено: от Коллегви виостраиных дел требовать, дабы благоволено было чрез кого вадлежит ко оному ротмистру Мивихгаузену дать звать, чтоб он для получевия о увольвевии вз службы ея. и. в. абшята сам сюда приезжал, ибо по вмяиному ея. в. в. 746 февраля 24-го дня указу повелево, кто будет в отпуску в чужие крав и пожелает своих абшитов, едивственно и всегда для получевия тех своих абшитов приезжать в просить самим.

И государственвая Коллегия ввостранвых дел благоволит учинить о том по ея. в. в. указу[7].

Сентября 8-го дня 1755 года

Квязь Федор Мещерсков[8]
Секретарь Стефаи Тарасов
Кавцелярист Иван Петухов

Пометы: № 1397. Получена вз Секретной экспедиции сентября 17-го дня 1755 году. Завнсать.

О приезде ротмистру Мивихгаузену для получения абшита в Военную коллегию.

АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 3442. Л. 10—10об., 13. Подлинник.

* Срок.
** Только.
*** Документ об отставке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Елизавета Петровна (1709—1761), дочь Петра I и Екатерины I; с 1741 года российская императрица. Далее в тексте ея. и. в.
2. Кирасирский его императорского высочества государя великого князя Петра Федоровича полк, назван в честь шефа — наследника российского престола, будущего императора Петра III.
3. Вопрос о приезде Мюнхгаузена в Россию в качестве пажа герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского решился в конце 1737 года (См. напр.: Мыльников А. Тот самый Мюнхгаузен. // Советская культура. 1983. 29 декабря. № 155). Именно из пажей он был определен в полк.
4. Главная формальная причина невозвращения Мюнхгаузена в Россию — затянувшийся раздел наследства.
5. Служба в кирасирских полках считалась после гвардии наиболее почетной и давала ряд преимуществ, в том числе старшинство чинов.
6. Шувалов Петр Иванович (1710—1762), граф, генерал-фельдмаршал, в 50-х годах фактический руководитель внутренней политики России, автор проектов многих реформ; в 1755 году — генерал-аншеф, командовал войсками в Прибалтике (Лифляндия, Эстляндия, Курляндия).
7. Переписка по поводу отставки Мюнхгаузена продолжалась еще некоторое время.
8. Мещерский Федор Васильевич (1698—1756), князь, член Военной коллегии, обер-комендант С.-Петербурга.

Всех их вон из России

Уже в 1922 году ГПУ ввело постоянное негласное наблюдение за всеми интеллигентами. Известно, что Политбюро ЦК РКП(б) только за этот год около 30 раз обсуждало меры по депортации колеблющейся интеллигенции. Именно в то время В. И. Ленин и Политбюро ЦК РКП(б) обосновали необходимость применения насилия, в том числе «тройного террора».

Перед вами списки «активной антисоветской интеллигенции» Москвы и Петрограда, подлежащей высылке. Редакция надеется на отклики читателей.

В. И. Ленин — И. С. Уншлихту
17 сентября 1922 г.

17/IX. Т. Уншлихт! Будьте добры распорядиться: вернуть мне все приложенные бумаги с пометками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки? Совсем краткие пометки на этой же бумаге.

Ваш Ленин.

18.IX. 1922. 23 час. 45 мин.
Тов. В. И. Ленину.

Согласно Вашего распоряжения посылаю обратно присланные Вами списки с соответствующими пометками на них и фамилии лиц (выделенных отдельно), кои оставлены по тем или другим причинам а Москве и Питере.

С коммприветом *Г. Ягода.*

P. S. Первая партия уезжает из Москвы 22/IX (пятницу). Г. Я.

Список Антисоветской интеллигенции Петрограда.

1. Сорокин Питирим Александрович. *арест. высылается*
2. Изгоев-Ланде А. С. *ар. высылается на свободе для ликвидации тел.*
3. Зубашев Е. Л. *ар. высылается* »
4. Бруцкус *ар. высылается* »
5. Каган А. С. *ар. высылается* »
6. Лутохин *ар. высылается* »
7. Пумпянский *ар. высылается* »
8. Фромет *не разыскан*
9. Замятин Е. И. *ар. Высылка отсрочена впредь до особого распоряжения* ·/.*Пост.* Ком. *т. Дзержинского от 31/8 с/г*
10. Петрищев А. Б. *ар. высылается*
11. Булгаков С. Н. *не разыскан*
12. Волковысский М. *ар. высылается на свободе для ликвидации тел.*
13. Харитон Борис *ар. высылается* »
14. Чаадаев *не разыскан*
15. Карсавин *ар. подлежит высылке на свободе*
16. Лосский *ар. высылается* »
17. Гуткин А. Я. *ар. высылается* »
18. Канцель Ефим Семенович. *Высылка приостановлена впредь до получения от тов. Циперовича ручательства и обоснования таковото.* ·/.Пост. Ком. 31/8.
19. Збарский Давид Соломонович. *не разыскан*
20. Садыкова Ю. Н. *ар. подлежит высылке на свободе*
21. Бронштейн Исай Евсеевич. *арест. высылается на свободе*
22. Павлов Павел Павлович. *не разыскан*
23. Каргенс Николай Константинович. *ар. подлежит высылке на свободе*
24. Соловейчик Эмануил Борисович. *не разыскан*

Список членов Объединенного Совета профессоров г. Петрограда.

25. Полетика. *не разыскан*
26. Одинцов Борис Николаевич. *ар. высылается на своб.*
27. Лапшин Иван Иванович. *ар. высылается* »
28. Польнер Сергей Иванович. *ар. высылается* »
29. Антоновская Надежда Григорьевна. *не разыскан*
30. Селиванов Дмитрий Федорович. *ар. высылается на свободе*
31. Френкель Григорий Иванович. *не разыскан*
32. Островский Андрей. *ар. подлежит высылке на своб.*
33. Бутов Павел Ильич. *не разыскан*
34. Вислоух Станислав Михайлович. *ар. высылается на свободе*
35. Ветцер Герман Рудольфович. *не разыскан*
36. Корш. *не разыскан*
37. Наройко. *тоже*
38. Штейн Виктор Марицович. *Согласно постанов. Комиссии под председат. т. Дзержинского от высылки освобожден и оставлен в Петрограде. См. особую выписку*
39. Саввич. *Предается суду за участие в агит. Сов. орг. за границу не высылается содержится под стражей*
40. Боголепов А. А. *не разыскан*
41. Осокин Владимир Михайлович. *высылается на своб.*
42. Большаков Андрей Михайлович. *не разыскан*

43. Гусаров Игнатии Евдокимович. 44. Ермолаев Николай Николаевич. 45. Еремеев Григорий Алексеевич. 46. Тельтевский Алексей Васильевич.	*Согласно постановлению Комиссии под председательством т. Дзержинского постановлено возбудить дело по обвинению в принадлежности к антисов. организации За границу не высылать предать всех суду. Из-под ареста не освобождать.*

47. Евдокимов Петр Иванович. *ар. подлежит высылке на свободе.*

Список Питерских литерторов.

48. Рожков. *не разыскан*
49. Герецкий Виктор Яковлевич. *не разыскан*
50. Клеменс. *не разыскан*
51. Крохмаль Виктор Николаевич. *Освобожден от высылки постан. Комиссии под председ. т. Дзержинск. от 31/8 с/г. на основании его личного письма к т. Дзержинскому, в котором он уверяет в своей лояльности к Сов. власти.*

П. П. Л. Каменев.
Д. Курский.
И. Уншлихт.

Примечание: Согласно решения Политбюро Ц.К. Р.К.П. Комиссия под председат. т. Дзержинского рассматривала ходатайства об отмене высылки лиц, считающихся незаменимыми в своей отрасли, и о которых соответствующими учреждениями делались заявления об оставлении на месте.

Зам. Председателя Г.П.У. *Г. Ягода*

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245.

Публикация
А. МАССАЛЬСКОЙ, И. СЕЛЕЗНЕВОЙ

Секреты Великого Устюга

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ФИНАНСОВОЙ ГРУППЫ С.-Д. БОЛЬШЕВИКОВ

(1907–1912)

...В августе 1910 возобновилась связь между Финансовой группой и остатками Кавказской группы. Уцелевшие кавказцы послали за границу тов. G[33] к Финансовой группе с просьбою о материальной поддержке для предполагавшегося освобождения товарищей; из членов группы один уже был казнен, один умер в тюрьме от чахотки, другой явно умирал от нее (он умер к весне 1911), здоровье остальных было расшатано годами заключения и ожидания виселицы. G обратился с одной стороны к Z (Ленину), с другой — к Y и X.

Z ответил ему, что он с его товарищами ничего сделать не может, так как Б.Ц. распущен, а деньги переданы в партию. Y и X, еще не знавшие о провале Вецозоля [34], заявили, что раньше полученные от размена деньги переданы в гр. «Вперед», но что из последующих получек несколько тысяч рублей будет передано на дело освобождения сообразно цифре, которую укажут товарищи кавказцы.

Когда же через несколько дней пришло известие о крушении в Америке, Y поехал в Париж, чтобы выяснить, что можно сделать. Там, на частном собрании членов группы «Вперед», осведомленных о деле, он сообщил относительно обращения кавказцев. Он указал, что помочь кавказцам — дело чести для большевизма, и поставил вопрос, как обойти формальные препятствия к передаче части уже полученных и переданных в кассу «Вперед» денег — по новому назначению. Сам он предлагал воспользоваться тем, что кассир группы «Вперед» еще не давал официального отчета о кассе, и, взяв обратно для кавказцев 2.000 франков, не внести их в официальный счет поступивших.

Не отрицая юридической некорректности этого образа действий, он полагал, что обстоятельства оправдывают его своей исключительностью. Все присутствовавшие одобрили план (кассир группы «Вперед» — тов. Д[омов] [35], тов. Алексинский и тов. Степ[инский] [36]), но предложили ограничиться пока выдачею 1.000 франков, другую же тысячу взять и держать про запас, если нельзя будет удержать ее для группы «Вперед». Так и было сделано: в это время X нашел способ разменять один из уцелевших в Европе 5 билетов, и вторая тысяча франков не была изъята из кассы «Вперед».

В этом случае X и Y объективно не могли получить обратно части денег без согласия лиц, не принадлежавших к Финансовой группе, потому что деньги *уже* были переданы и дело шло о том, чтобы, не обращаясь в группу «Вперед» официально, что запрещалось конституцией Финансовой группы, выручить из нее часть денег.

Это понималось и признавалось всеми без исключения участниками упомянутого частного совещания. Кавказцам было сообщено, что для них имеется 1000 франков плюс разменные 500 р., и хотя этого недостаточно, но больше в данный момент невозможно, вследствие провала в Америке.

Осенью 1910 г. была при участии впередовцев организована 2-я партийная школа, и большая часть группы «Вперед» переехала в связи с этим в Болонью, тогда как несколько человек, в том числе Г. Алексинский, остались в Париже. Тогда же началось постепенное распадение группы.

Идейные основы распадения, которые выяснились лишь постепенно, сводились к двум моментам:

во-1), к вопросу о работе в направлении собирания и выработки элементов социалистической пролетарской культуры; этот вопрос разрешался положительно н первоначальной платформе группы «Вперед», но когда ее члены рабочие уехали в Россию, то скоро оказалось, что из оставшихся интеллигентов большинство враждебно идее пролетарской культуры;

во-2), к вопросу о союзах и блоках с заграничными группами других фракций; первоначально этот вопрос разрешался в смысле возможности объединяться лишь на конкретном деле общепартийного характера (например, таком, как школа), но не в смысле создания новых организационных внутрипартийных группировок; последнее допускалось только по инициативе и под контролем русских организаций, ибо принималось, что вне связи с ними политическая эмиграция в своей массе обречена на разложение; и тут в дальнейшем большинство оставшихся за границей членов группы изменили позицию. Но, как всегда бывает, процесс распада сопровождался конфликтами по самым разнообразным поводам. Наиболее острое столкновение произошло из-за кавказских денег.

Когда Вецозоль стал пересылать в Европу уцелевшие деньги, то первую сумму (около 7.800 франков) он отправил по адресу Алексинского, случайно единственному, какой у него сохранился. Это послужило для Алексинского поводом требовать, чтобы деньги эти были полностью внесены в отчет кассы «Вперед». Между тем, это было невозможно, потому что надо было из этих денег уделить погибавшим в тюрьме кавказцам.

Y (Максимов) собрал в Болонье осведомленных о деле членов группы (это оказались уже все имевшиеся налицо) и обратил их внимание на опасность для группы, возникающую из тактики Алексинского. Затем, считаясь с тем, что цифра новой присылки уже попала в официальную переписку группы, он просил их содействия в устранении следов этого факта и предложил такой план.

Ввиду невозможности в данный момент определить, сколько денег требуется для освобождения кавказцев, пока делить присылаемые деньги «по-братски» — пополам; в счет кассы вносить только половину, и притом за счет первой же присылки отнести раньше выделенную — 1000 франков — и разные связанные с делом расходы *. Он указал при этом, что материальные интересы группы «Вперед» не пострадают, потому что кавказцы, люди партийные и идейные, не возьмут больше абсолютно необходимого, а дать им меньше этого — противоречило бы революционной чести большевизма. Все присутствовавшие согласились с этим.

Но когда это было сообщено Алексинскому, он заявил протест и потребовал официального обсуждения дела в группе «Вперед». Y ответил ему заявлением, что по договору Финансовой группы с кавказцами он такого обсуждения допустить не может и был бы вынужден уйти из группы «Вперед». Тогда Алексинский отказался от своего требования, но в знак принципиального протеста заявил, что не дает больше своего адреса для присылки денег, и предложил получать деньги дальше непосредственно самому Y. Тот так и сделал **. Это все было в декабре 1910 г., а в январе 1911 г. дело вступило в новую фазу.

Алексинский приехал в Болонью для прочтения нескольких лекций в школе и на первом же собрании группы «Вперед» потребовал нового обсуждения вопроса под тем предлогом, что он формально ответствен за 7.776 франков, полученных от Вецозоля, и что непоявление их полностью в отчете группы «Вперед» поставит его в неловкое положение перед Вецозолем. Y высказался против обсуждения вопроса и, так как оно продолжалось, покинул собрание. Без него было принято решение: деньги в отчет внести все, а те, которые не пошли в кассу, поставить в расход как уплату прежнего долга; самый же вопрос считать ликвидированным, документы и переписку о нем уничтожить, а новым членам, которые будут вступать в группу «Вперед», о нем не сообщать.

В январе 1911 г. Вецозоль прислал в Болонью на имя Y дальнейшие 7.800 лир. Алексинский, который был уже в Париже, заранее узнал об этом от знакомого латыша [37], которому Вецозоль писал обо всем своем деле. Немедленно Алексинский послал об этом заявление в Болонью с требованием обсудить в группе «Вперед» вопрос об этих деньгах.

Между тем Y, получив деньги, созвал осведомленных о деле членов группы на частное совещание, где предложил впредь до выяснения кавказцами достаточных размеров суммы, им нужной, держаться прежней тактики дележа пополам, в отчет же группы «Вперед» теперь двусмысленных упоминаний об уплате прежних займов не вносить, ибо дело, с точки зрения самой группы «Вперед», согласно ее предыдущему решению, ликвидировано.

Один из присутствовавших, Ст. Вольский [38], соглашаясь по существу с планом дележа, настаивал, однако, на обсуждении в группе «Вперед». Во время самого спора пришло официальное письмо Алексинского, и оказалось, таким образом, что, вопреки решению самой группы, дело вновь поднято в ней формально.

Тогда Y заявил, что ввиду хронического недоразумения, вызываемого частными совещаниями осведомленных товарищей, ввиду постоянного перенесения с них вопросов в группу «Вперед» и ввиду того, что он, единственный член группы «Вперед», формально и морально ответственный по этому делу, постоянно вынужден бороться за простое выполнение своих договорных обязательств, он уходит с собрания и впредь частных совещаний созывать не будет, а будет действовать, считаясь лишь со своей совестью и с полномочиями, данными ему товарищем по Финансовой группе X-м и кавказцами: будет передавать половину получаемых денег в группу «Вперед», другую половину — кавказцам, пока не выяснятся размеры им необходимого; все, что будет сверх этого необходимого, он будет передавать в кассу «Вперед».

По уходе Y-ка собрание превратило себя в групповое и приняло резолюцию, которая начиналась словами: «Принимая во внимание, что у тов. Максимова (Y) находятся принадлежащие группе «Вперед» деньги, 7.800 фр...» В дальнейшем эта резолюция предлагала

Продолжение. Начало см. № 8–9. Из-за большого объема публикации редакцией опущены десять документов-приложений: №№ 7, 8, 9, 10, 11, 19, 20, 21, 22, 23.

* Документ № 6 «Разъяснение для осведомленных...»

** Документы, относящиеся к этой фазе конфликта, почти все — частные письма, и были уничтожены по конспиративным мотивам (по крайней мере те, которые были у Y), но участники дела — свидетели — живы.

Максимову немедленно внести в кассу «Вперед» 3900 фр., а остальные 3900 употребить на известное ему дело и затем, ввиду конспиративности дела, дать отчет о них одному из членов группы «Вперед», по его выбору.

Резолюция эта была принята тремя голосами: Ст. Вольский, Аркадий [39] и Арсений (Степанчиков, вскоре провокатор) [40]. Луначарский [41] был против, Лд[Лядов] [42], солидарный с Y, отказался голосовать.

Y ответил заявлением, в котором указал на невозможность принять резолюцию, касающуюся дел, в которых группа «Вперед» формально некомпетентна, и, ввиду недопустимой мотивировки резолюции, вышел из состава группы «Вперед» *.

Группа «Вперед» в ее наличном тогда составе командировала Ст. В[ольского] для прямых переговоров с X, раньше с ним не сносившимся и давшим все полномочия по делу Y-ку. После некоторой путаницы, зависевшей от неточного осведомления, X, чтобы положить конец недоразумениям, прислал документ, где выяснял, в полном согласии с Y, юридическую позицию Финансовой группы по отношению к группе «Вперед» и в заключение предлагал, если группа «Вперед» не желает примириться с этой позицией, организовать строго конспиративный *третейский суд*, которому и передавать пока все спорные суммы на хранение. Документ этот был прочитан Луначарским на заседании группы «Вперед» **. После этого группа приняла резолюцию, которая была мотивирована так: «Считая излишним длить спор о правах душеприказчиков (т. е. Финансовой группы) и группы «Вперед»...» Предлагалось раз навсегда определить сумму вычета («хотя бы максимально»), а остальные деньги передавать как свободные от обязательств ***.

Y от имени Финансовой группы ответил, что нежелание группы «Вперед» длить спор о правах рассматривает как акт прекращения неприязненных действий, вследствие чего и передает немедленно 3900 фр., как совершенно свободные от обязательств,— и вообще все деньги, которые впредь будут передаваться в группу, должны считаться свободными от обязательств, ибо группа «Вперед» дел с кавказцами не имеет ****. Определить же «сумму вычета» заранее не может, ибо это зависит от обстоятельств, известных в данный момент лишь на месте; может сказать только одно, что ни Финансовая, ни Кавказская группы не желают урезывать средства группы «Вперед» и выходить за пределы абсолютно необходимого на дело освобождения.

Группа «Вперед» приняла деньги и никакого нового сообщения Y-ку не сделала. Казалось, что мир заключен. Финансовая группа решила, если не поступит от кавказцев новых экстренных требований, все деньги, которые дальше будут получаться, передавать во «Вперед» (в это время кавказцам уже было отослано около 2200 рублей).

Вецозолю оставалось отослать последний остаток от размена. Тогда Алексинский, пользуясь личной связью с Вецозолем латыша Мастэра, сообщил ему, что адрес *вновь изменен*, а именно — деньги надо отсылать ему, Алексинскому. Юридически этот акт заключал в себе элементы нарушения договора — с одной стороны, подлога — с другой.

Y по полномочию Финансовой группы послал протест по этому поводу в группу «Вперед» *. Параллельно с этим Y, предполагая возможность неудовлетворительного ответа, заранее письмом на имя секретаря группы «Вперед» Луначарского возобновил предложение третейского суда. Секретарь ответил получастным письмом, где излагалась точка зрения группы «Вперед»: указывалось, что Алексинский действовал без ведома группы «Вперед», но что, пользуясь результатами его действий, группа «Вперед», по ее мнению, договора не нарушает и могла бы со своей стороны предъявить контробвинение в нарушении договора, ибо Финансовая группа, заявив о намерении передавать деньги в группу «Вперед», протестует против прямого получения денег группою «Вперед»; суд же невозможен, так как судить некому (это письмо не сохранилось). Y ответил письмом, в котором, указывая на возможность найти беспристрастных судей («Вильм [43], Натансон [44], кто-нибудь из приезжих российских левых большевиков»), заранее наметил юридическую и революционно-этическую аргументацию Финансовой группы на этом суде **.

От себя лично Y указал на неизбежность, при данном ходе дел, открытого его разрыва с группой «Вперед», т. е. печатного заявления о выходе из нее; вместе с этим он вышел бы из Финансовой группы, и с ее распадением все хранящиеся и нереализованные средства (около 2700 фр. наличными и 4 билета) должны вернуться к кавказцам. В конце концов группа «Вперед» приняла резолюцию примирительного характера, где вновь заявлялось об ее нежелании поднимать вопрос, дело вновь «ликвидировалось» и т. д.***.

Между тем на Кавказе удалось освобождение только для одного из арестованных, а именно — Камо. В конце сентября 1911 года он бежал за границу и первоначально обратился к Z. Тот в поддержке для освобождения других кавказцев опять отказал и ему, как раньше G-у, и посоветовал обратиться к Y и X. Камо так и сделал. От него Y узнал о том, что посланные на Кавказ деньги уже израсходованы, а все планы освобождения остальных товарищей приходилось, после предварительных шагов и выяснения, отбрасывать как неосуществимые: дело приходилось почти снова начинать, и было очевидно, что на него потребуется, во всяком случае, большая часть из оставшихся у Финансовой группы реализованных и нереализованных сумм (в это время выяснилась возможность легко реализовать без убытка). Но как распределить деньги, это не могло быть выяснено без личного участия X, потому что Y полагал, что данные ему от X полномочия не должны были быть использованы ввиду переменившихся обстоятельств. Приходилось ждать некоторое время.

Ознакомившись с историей конфликта между Финансовой группой и группой «Вперед», Камо нашел, что его обязанность как лица наиболее компетентного — засвидетельствовать правильность юридической позиции Финансовой группы. Ввиду этого он составил заявление, характеризующее конституцию Финансовой группы*, и предложил Y переслать этот документ для осведомления членам группы «Вперед», осведомленным о деле до этого момента, т. е. всему фактически ее составу. Y исполнил это, считая полезным на будущее вполне объективно установить, что его образ действий необходимо вытекал из товарищеских обязательств по отношению к кавказцам.

Предвидеть, что этот строго формальный и заключающий лишь констатацию определенного факта документ послужит поводом к новому конфликту, было тем труднее, что незадолго перед этим, в конце августа 1911 г., группа «Вперед» обнаружила склонность стать в более корректные отношения к Финансовой группе. Правда, это было связано с получением денег.

Группа «Вперед» обратилась к Финансовой группе с товарищеской просьбой выделить из хранящихся денег 500 фр., экстренно нужных для посылки человека в Россию. Y по совещании с X и с G, которым он предоставил решить вопрос, передал, по их указанию, эти деньги: тогда еще не было известно, что дело освобождения арестованных так мало подготовлено.

Но, как позже выяснилось, группа «Вперед» в это самое время приписывала себе и старалась прецедентами закрепить за собою права на имущество, о которых она, согласно ее заявлениям, «не желала длить спора». У латышских товарищей в Америке, в связи с судебным делом Вецозоля, возникли сомнения относительно того, все ли реализованные суммы он передавал по назначению. Началось следствие.

Вецозоль по линии своих личных связей обратился в группу «Вперед» с просьбой удостоверить его лояльность и утвердить отчет, который при этом он представил**.

Группа «Вперед», не имея никаких точных данных ни о количестве билетов, ни о ходе их размена, поспешила утвердить его отчет, очевидно, думая сделать из этого впоследствии доказательство своих прав. Между тем отчет этот был составлен так, что без достаточной наивности никто не решился бы взять на себя ответственности за него: пять суммарных цифр, из которых каждая подлежала проверке, а одна, последняя, и проверки не требовала по своему явно недопустимому характеру: «ассигновано группой товарищу В[ецозолю] на лечение по выходе из тюрьмы 300 долларов» (т. е. 1536 франков). Финансовой группе и в голову не приходило делать подобную ассигновку, группа же «Вперед» узнала о ней из отчета В[ецозо]ля; следовательно, даже если бы группа «Вперед» имела права в этом деле, цифра оставалась бы все равно ложною.

(Между прочим, с этой цифрою, очевидно, связана последующая позиция В[ецозо]ля: узнав о конфликте, он заявил о своей полной солидарности с группой «Вперед», о том, что он размен вел только для нее, и пр. Между тем предложение о размене он сделал Y-у за 5 месяцев до возникновения группы.)

Ознакомившись с «конституционным» документом Камо, члены группы «Вперед» увидели в нем только одно — то, о чем в нем не было речи, а именно: отказ в деньгах. Немедленно они приняли резолюцию, результатом которой явилось беспримерное по грубости тона письмо секретаря группы (Аркадия) к Y. Там без всякого уважения к фактам и к прежним резолюциям самой группы заявлялось, что у Y хранятся «деньги группы «Вперед», взятые почти год тому назад», и которые он «неоднократно давал обещание вернуть», и требовался ответ, «будут ли возвращены эти деньги и когда именно»*.

БОГДАНОВ А. А. (МАЛИНОВСКИЙ) (1873–1928)

КРАСИН Л. Б. (1870–1926).

КАМО (1882–1922).

* Резолюция (конец января 1911 г.) и заявление Y должны храниться в архиве группы «Вперед». Копии того и другого не сохранились, но начало резолюции цитировано точно, а также за верную передачу содержания обоих документов автор этого отчета ручается.
** Документ № 7: подлинное заявление X (в 7 пунктах).
*** Док. № 8: подлинный текст резолюции.
**** Заявление в этом смысле было сделано тем уполномоченным Кавк. гр., тов G («Кавказцы» обращались к Финансовой группе, а не к группе «Вперед». См. док. № 9, составленный G позже для третейского суда).

* Док. № 10: заявление Y в группу «Вперед».
** Док. № 11: копия письма Y к секр. гр. «Вперед» (стр. 1—3 письма).
*** Док. № 12: резолюция гр. «Вперед» от 12 июля 1911 г. с припиской тов. секретаря.

* Док. № 2, упоминавшийся в начале отчета.
** Док. № 13: отчет В[ецозо]ля, сообщенный тов. Мастэром.

* Док. № 14: письмо секретаря «Вперед» от 5 дек. 1911 г.

Y обратился с письмом к тов. Луначарскому, чтобы проверить подлинность резолюции, упомянутой в письме секретаря, ввиду ее неправдоподобия*. Из ответа Луначарского выяснилось, что, за исключением «бестактной» формы, письмо позицию группы «Вперед» выражает верно: группа «Вперед», не желая «длить спора о правах», не отказывается, тем не менее, *утверждать* их и *заявлять* о них**.

Сам т. Камо поехал в Париж и пытался убедить членов группы в недопустимости их образа действий. Но, проявляя огромный интерес к деньгам кавказцев, группа «Вперед» совершенно иначе отнеслась к их организатору и представителю: его попытка кончилась неуспехом. Была почти принята какая-то новая оскорбительная резолюция и только перед ультиматумом Луначарского была взята обратно. Дело в *третий раз* было объявлено ликвидированным***.

Разумеется, эта третья резолюция так же мало гарантировала Финансовую группу от новых нападений, как и две первые. Между тем, круг «осведомленных» все расширялся, конспирация, необходимая в подобных случаях, забывалась в раздражении борьбы (напр. *по почте* посылалось Алексинским «изложение» дела третьему лицу[45], находящемуся под заведомо усиленным надзором международной полиции), а иногда вынужденно игнорировалась (напр., поездка Камо в Париж и беседы со всей группой «Вперед»), клевета просачивалась в окружающую среду, и какую — эмигрантскую! Так дальше продолжаться не могло: надо было во что бы то ни стало покончить дело.

Финансовая группа собралась в последний раз, в составе X, Y и Камо. Она решила прекратить свою финансовую деятельность, оставшиеся средства через Камо возвратить кавказцам**** и поручить Y всеми способами добиваться конспиративного третейского суда с группой «Вперед» как единственного способа действительно покончить дело.

Исполняя решение, Y обратился с письмом к члену группы «Вперед» Мастэру, наиболее осведомленному в этом деле и пострадавшему в провале Валлаха[46] и др. при размене 1908 г. В письме было выставлено мотивированное требование суда****. Группа «Вперед» месяца через 2 (в марте 1912 г.) решила на суд не идти и обещала дать мотивированный ответ, но дала его только в июне 1912 г.****.

Смысл этого ответа может быть резюмирован в словах: теперь денег нет, следовательно — судиться не из-за чего. Наивный материализм такого отношения к делу всего лучше раскрывает его объективную подкладку.

Судьи, приглашенные Финансовой группой,— эсеры Натансон и Фейт[47], в протоколе от 19 июня 1912 г. констатировали уклонение группы «Вперед» от суда****. Y, со своей стороны, сделал последнее заявление по поводу этого уклонения, где подверг резолюцию группы «Вперед» анализу и критике ********.

* Док. №№ 15—16: письмо от Y 7 дек. 1911 (несколько строк чисто личного характера вычеркнуты).
** Док. № 17: письмо Луначарского.
*** Док. № 18: дополнение к этому письму.
**** Док. № 19: отчет Y по кассе Финансовой Группы от 26 дек. 1911 г.
***** Док. № 20: письмо Y Мастэру от 3 января 1912 г.
****** Док. № 21: резолюция группы «Вперед» от июня 1912 г.
******* Док. № 22 (подлинник и копия).
******** Док. № 23: Заявление Y от 25 июня 1912 г.

Так *пока* закончилось это дело.

Возможно, что из него попытаются сделать вывод в смысле пословицы — незаконно приобретенное впрок не идет. Но такой вывод, при всей своей банальности, был бы весьма наивен. Ни в распадении Большевистского Центра, ни даже в деморализации группы «Вперед» экспроприированные деньги не были не только главным, но и просто сколько-нибудь самостоятельным фактором. Единственный решающий деятель был один — это реакция. В этом легко убедиться простым сопоставлением истории разложения Б. Ц. и группы «Вперед». Та и другая история развертывается до мелочей по одной и той же схеме, хотя значение экспроприированных денег для хозяйства Б. Ц. в эпоху его раскола было почти равно нулю, для хозяйства же группы «Вперед» оно было огромно.

Сущность дела заключалась просто в том, что реакция оторвала заграничные группы от их почвы — российского движения,— и они стали приспособляться к новым, заграничнно-эмигрантским условиям существования. Для этого требовалось: 1) покончить с широкими программами, порожденными подъемом революционной волны, 2) найти суррогаты прежней политической деятельности в новых, заграничных комбинациях фракционных или групповых союзов и такой же борьбы.

Сообразно с этим, в обоих случаях дело начиналось с настойчивого сужения платформы: в Б. Ц.— борьба большинства против «революционной крайности» меньшинства, в группе «Вперед» — такая же борьба против принципа революционно-социалистической культуры, фиксирующая интерес на массовом развитии рабочего класса. Затем — «выживание» всевозможными методами людей, не желавших такого сужения и упорно настаивавших на подчинении заграничных групп и их деятельности интересам и потребностим замиравшего под ударами реакции, а главное — далекого, российского движения.

В числе способов выживания в обоих случаях ухватились за вопрос об экспроприированных деньгах, как особенно удобный для этого в силу своего вдвойне нелегального партийно-конспиративного характера.

Разница между двумя случаями была та, что для вождей Б. Ц. вопрос не имел материально-важного значения, и потому они могли отступить вовремя, под давлением менее деморализованной части своих товарищей; для группы же «Вперед» дело было практически серьезнее, и потому она на этой почве боролась до конца.

Следующий этап распада в обоих случаях опять-таки был одинаковый: освободившись от неудобного идейного багажа и его носителей, та и другая группа с удвоенной энергией бросаются на новое поле «общественной» деятельности: заключают разные соглашения и союзы с другими, еще раньше достигшими той же ступени, заграничными группами, вступают в конфликты с ними, ведут полемику, устраивают у себя внутренние расколы и пр. Эта мнимая работа приводит и здесь и там к обессилению, обесцвечению обеих групп, к утрате последних связей с родиной.

Дойдя до этого крайнего пункта, та и другая группа пытаются повернуть назад, к лучшему прошлому, и находят некоторую опору для своего одряхлевшего изъеденного организма в новой начавшейся волне оживления на родине. Остатки Б. Ц., располагая большими материальными средствами и рабочими силами, быстро присасываются к этому подъему, черпая из него свежую кровь и взамен внося в него свою гангрену. Остатки «Вперед», вероятно, рассеются и растворятся в новой волне.

Таков общий смысл фактов, в котором вопрос о происхождении денег — лишь незначительная подробность.

Констатируя это, авторы отчета отнюдь не имеют в виду ослабить или уменьшить свою личную ответственность. Самое возникновение Финансовой группы было, несомненно, актом партийно-нелегальным, а ту «амнистию», которую выторговали себе бывшие члены Б. Ц., авторы отчета решительно отвергают.

Но авторы отчета полагают, что будущий суд — официальный или суд общественного мнения партии — признает лояльность их действий по отношению к раз принятым на себя, хотя бы и нелегально, обязательствам, и по отношению к товарищам — хотя бы и экспроприаторам,— с которыми их эти обязательства связали.

Этот отчет, вместе с относящимися к нему документами, будет храниться в Архиве Международного Социалистического Бюро до тех пор, пока перемена в российских условиях сделает возможным его опубликование как исторического документа.

По поручению Финансовой частной группы большевиков — Y (Максимов, Богданов).

Май 1913 г.
РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 2. Д. 44675/6659.

В. И. Ленин и А. А. Богданов играют в шахматы на о. Капри

ДОКУМЕНТ № 6
(копия)
24/XII.1910

Разъяснение товарищам, осведомленным о конспиративных источниках, доставляющих часть финансов группы «Вперед». В кассовом отчете Максимова не показаны во-1), расходы по трем финансовым поездкам

	frs. cent,
тов. X	50,00
тов. G	60,00
тов-ща, посланного тов. Степинским	100,00

во-2), не показаны деньги, отосланные по специальному назначению к жертвователям 1000,00

ИТОГО: 1210,00

Эти 1210 frs. и пришлось отнести за счет нового пожертвования, полученного товарищем Аркадием. За счет того же пожертвования придется отнести расходы главной финансовой поездки тов. Степинского, показанные в отчете тов. Домова — 1200,00 (frs.). И показанные там же на пересылку денег в Россию — 20,00.
А всего 2430,00.

С тов. приветом Максимов.

Автограф А. А. Богданова.

ДОКУМЕНТ № 12
В Фин. гр. от гр. «Вп».
12/VII

Уважаемые товарищи!
Группа «Вперед» считает излишним вновь подымать спорный вопрос о известных Вам суммах. В частности она констатирует, что никому не давала поручения менять адрес для получения денег. Она настаивает на том, что товарищи, переменившие адрес, отнюдь не хотели выразить этим хотя бы малейшее недоверие к политической честности «финансовой группы». Они просто считали более целесообразным непосредственную передачу реализованных уже сумм в кассу группы. Тем более что группа все время была в убеждении, что в течение всего конфликта спор шел не о всей сумме вообще, а лишь об исключительном праве Финансовой группы своей властью решать вопрос об издержках производства. Так как Финансовая группа и сама признает законность поступления этих денег (2800 фр.) в конце концов в кассу группы, то, по ее мнению, ни о каком перехвате со стороны членов, взявших на себя инициативу перемены адреса, не может быть речи. В худшем случае это было с их стороны нелюбезно по отношению к финансовой комиссии, которая не была своевременно предупреждена о перемене.

Группа «Вперед» надеется, что Финансовая группа удовлетворится этим разъяснением и не будет настаивать ни на

вопросах формального права, ни на вопросах товарищеского этикета, ибо фактически никакого ущерба для преследуемых нами, общих обеим сторонам, политических целей от этого шага товарищей не произошло.

С товарищеским приветом за группу «Вперед»

А. Луначарский.

Настоящий ответ принят единогласно. Группа уведомляет, что никаких других денег она не получала и не имеет получить из известного Вам источника.

А. Л.

Автограф А. В. Луначарского.

ДОКУМЕНТ № 13
Денежный отчет т. Вецозоля.
(Выдержка из письма).

Тов. Вецозоль дает отчет о 18-ти бумажках, имевшихся у него непосредственно перед арестом. Об остальных бумажках, по его словам, группа должна иметь отчет от другого лица.

18 бумажек	=4.320 дол.
Из этой суммы отослано	: 3.525 —»—
Приезжий товарищ получил	: 190 —»—
На защиту ушло	: 305*—»—

(из этой суммы половина ушла на американскую прессу, когда адвокатами была поднята кампания с целью добиться возврата конфискованных бумажек; вторая половина ушла на более мелкие расходы: поездка в Нью-Йорк к адвокату Полл., организация митингов, содержание в тюрьме и т. п.)

Ассигновано группой тов. Вецозолю на лечение после выхода из тюрьмы : 300—»—

ИТОГО: : 4.320 дол.

Автограф Ю. Вецозоля.

ДОКУМЕНТ № 14
5/XII.1911 г.

Уважаемый товарищ!

Группа «Вперед» на своем собрании 3-го декабря 1911 г. единогласно постановила следующее:

Ввиду того, что группе предстоит целый ряд крупных расходов как по общепартийной работе (в связи с созывом конференции), так и по работе самой группы, необходимо привести в известность те денежные средства, коими может располагать группа. Так как у тов. Y находятся деньги группы, взятые им почти год тому назад, и так как он неоднократно давал обещание вернуть эти деньги, указывая лишь на необходимость временной отсрочки возвращения их, то группа считает необходимым осведомиться, будут ли возвращены эти деньги и когда именно.

Доводя об этом постановлении до Вашего сведения, прошу Вас прислать мне, как секретарю группы, ответ на выше приведенный вопрос, причем прошу иметь в виду, что группа решила недостаточно определенный ответ считать отказом возвратить деньги.

С социал-демократическим приветом

Секретарь группы — Аркадий.

Адрес для ответа: Mr Zokovsky 7, rue Liancourt 7, Paris XIV

P. S. Копия настоящего письма сохраняется в архиве группы.

Автограф Аркадия (Ф. И. Калинина).

ДОКУМЕНТ №№ 15—16
I.

Дорогой друг.

Я получил необыкновенно странный документ, подписанный Аркадием. Там говорится, будто единогласно группой «Вперед» принята резолюция, содержание которой тебе, я полагаю, известно.

Разумеется, я ни на минуту не поверил, чтобы ты мог голосовать за это сплетение лжи и наглости. Там, например, говорится, будто я взял у группы деньги и неоднократно обещал их вернуть,— тогда как и тебе, и субъектам, голосовавшим резолюцию, хорошо известно, что я никаких денег у группы не брал и «вернуть» не обещал, а деньги эти принадлежат Кавказской группе и находились в распоряжении Финансовой группы для определенной цели.

Документ, переданный мною через тебя, устанавливает это аутентически, да группа «Вперед» и сама признала это в двух резолюциях, из которых в одной заявляет, что не хочет «длить спора о правах», а в другой — что, посылая адрес агенту в известном случае, она не имела намерения нарушать право Финансовой группы распоряжаться деньгами.

Во всяком случае, хотя теперь подобные вещи меня не трогают, но я должен принять некоторые меры, чтобы оградить себя и товарищей от подобных посланий:

Во-1), я сейчас же выхожу из Финансовой группы, не дожидаясь ее общего собрания и решения дела, значит — о деньгах ничего больше не знаю и знать не буду; могут спрашивать о них у человека более компетентного — представителя владельцев денег.

Во-2), требую немедленного опубликования о моем выходе из группы «Вперед» с сообщением, что мое фактическое участие в ней прекратилось еще в январе. Всякие комментарии, намеки, инсинуации в этом извещении вынудили бы меня опубликовать всю историю документально, не стесняясь конспирацией — ибо больше всего рисковал бы я собою; и объективно вызов на такую самозащиту был бы со стороны группы провокационным актом.

В-3), передай от моего имени всем голосовавшим за резолюцию, что мои личные и товарищеские отношения с ними порваны навсегда,— не потому, чтобы она меня оскорбила, это теперь невозможно, а потому, что люди, дошедшие до такого упадка, до такой грязи, вряд ли способны подняться и никакого чувства, кроме отвращения, вызвать не могут. Повидимому, они приняли юридический документ, переданный мною, за отказ в деньгах, и должно быть очень сильно в них нуждаются, так что потеряли всякое сознание того, что делали до сих пор и что делают теперь; но это, конечно, только объяснение, а не оправдание их поступка.

Твой AL.

7 декабря 1911.

II.
7 декабря 1911.

Дорогой друг, в дополнение к моему письму, которое товарищ сегодня или завтра передаст лично, я посылаю копию полученного мною документа. Делаю это потому, что документ этот и по тону, и по содержанию — упоминание об единогласии при наличности очевидной и заведомой лжи — сильно смахивает на подлог. Он прислан в конверте, написанном твоей рукою, но без всякой приписки от тебя.

Автограф А. А. Богданова

* отдельные цифры этого расхода могут быть восстановлены и подтверждены документально.

ДОКУМЕНТ № 17

Получено 10 декабря 1911.

Дорогой Александр!

Группа действительно единогласно постановила запросить тебя, осталось ли сколько-нибудь денег от известных тебе сумм и когда их можно надеяться получить? Вот и все!

Аркадием (или Алексинским, не знаю) было написано письмо на другой день. Это письмо мне *показали*, но я в ту минуту был чем-то занят и не предполагал в такой простой вещи, как запрос, ничего злокозненного, пробежал письмо весьма невнимательно. Жалею, что сделал так. Но думаю, что волноваться тебе нечего. Наплюй! Что там употреблено выражение «взял у группы» — так ведь это известное тебе мнение большинства ее. *Ни о каких спорах* по этому поводу не может быть речи. При малейшей попытке спорить, возобновить эту канитель — *я сам выйду из группы*. Так что плюнь на подбор выражений: смысл один — может группа рассчитывать *на* какие-либо суммы или нет? *Нет так нет.* Повторяю: *не допущу спора.*

Горячий привет твой Анатолий.

P. S. Получил твое письмо и перечитал письмо Аркадия. Оно составлено бестактно, но ты совершенно напрасно придаешь ему значение. Группа обязалась не вести дальнейшего спора о правах, и я буду на этом настаивать и не допущу возобновления его, но большинство группы, конечно, не изменило своего отношения к этому делу, поэтому в выражении «взял у группы» и «вернуть» она лишь повторяет то, что утверждала всегда.

Не могу ни я, никто другой заставить людей считать белым то, что по их убеждению черно. Спорить они не будут, но отказываться от своей точки зрения не хотят.

По смыслу решения группы письмо имеет характер запроса, есть деньги для группы или нет. Запросить это она была вправе, ибо в одном твоем полуофициальном письме говорится прямо о том, что часть денег (по известной затрате др. части) поступит в кассу группы. Неужели стоит лезть на стену по вопросу о том, *поступят* или *вернутся?* Пусть Алексинский думает, что они *вернулись*, а ты, что *поступили*, кому от этого тепло или холодно?

О разрыве товарищеских отношений с твоей мотивировкой я не передам. С Алексинским мы порвали, а с остальными — скорее недоразумения, да и то не из важных. О выходе твоем объявим в № 4 «Вперeда».

Твой Анатолий Л.

Автограф А. В. Луначарского.

ДОКУМЕНТ № 18
К письму, полученному 10 декабря.

Дополнение.

Сегодня бурно заседали. Чуть не приняли неприятной резолюции 3 голосами против меня и Мити [Мануильского]. Пришлось пригрозить личным уходом, так как я не считаю возможным входить в длинную и скверную склоку. Алексинский демонстративно заявил, что, уступая ультимагуму, прекращает дискуссию.

Вопрос признан ликвидированным.

Автограф А. В. Луначарского

ПРИМЕЧАНИЯ:

[33] G — ***Филия М. Г.*** (Жорж) (1888—1931) — в революционном движении с 1903 г., большевик с 1905 года. В 1908 г. арестован по делу Тифлисской организации РСДРП, приговорен к каторге, бежал из зала суда. За границей с конца 1910 г., жил в Германии, Италии, Швейцарии. Член идейного кружка большевиков в Женеве, затем женевского кружка «Вперед».

[34] *Вецозоль Юлий* — в 1907—1909 гг. студент-филолог, жил в Швейцарии и США, где помогал большевистской фракции в размене экспроприированных денег. В 1913 г. вместе с Я. Мастэром и Я. Райнисом редактировал литературно-критический сборник на латышском языке.

[35] *Домов (Покровский М. Н.)* (1868—1932) — историк, член РСДРП с 1902 г., с 1905 г.— большевик, на V съезде РСДРП избран членом Большевистского Центра и редакции газеты «Пролстарий». С 1909 г. в эмиграции, лектор партийных школ на Капри и в Болонье, член группы «Вперед».

[36] *Степинский (Менжинский В. Р.)* (1874—1934) — по профессии юрист, член РСДРП с 1902 г. Участник революции 1905—1907 гг. Лектор партийной школы в Болонье, член группы «Вперед».

[37] *Мастэр Ян* — в 1906—1909 гг. студент Цюрихского университета, секретарь Цюрихской группы Социал-Демократии Латышского края. В 1908 г. в Стокгольме арестован при размене экспроприированных тифлисских денег. С 1910 г. член группы «Вперед».

[38] *Вольский Ст. (Соколов А. В.)* (р. 1880) — участник студенческого движения, примкнул к социал-демократам во время учебы в Берлинском университете. После II съезда РСДРП большевик, агент «Искры», вел работу в Москве. В 1906 году член Петербургского комитета РСДРП, в 1907 г. делегат V съезда партии, в 1908—1909 гг. секретарь Московского Областного бюро РСДРП, отзовист. С осени 1909 г. лектор партийных школ на Капри и в Болонье, член группы «Вперед».

[39] *Аркадий (Калинин Ф. И.)* (1882—1920) — рабочий-ткач, столяр, наборщик, в революционном движении с 1902 г., примыкал к большевикам, в 1908 г. член Московского комитета РСДРП (большев.). С 1909 г. слушатель партийных школ на Капри и в Болонье, член группы «Вперед».

[40] *Арсений (Степанчиков М. Т.)* (р. 1886) — рабочий-печатник, в 1905 г. арестован за принадлежность к нелегальному союзу московских типографских рабочих. В 1910 г.— слушатель партийной школы в Болонье, в дальнейшем осведомитель охранного отделения Департамента полиции.

[41] *Луначарский А. В.* (Воинов) (1875—1933) — в революционном движении с 1895 г. После II съезда РСДРП большевик, входил в редакции большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др. В 1908 г. расходился с Лениным по философским вопросам. С 1909 г. один из организаторов и лекторов партийных школ на Капри и в Болонье, член группы «Вперед». В годы 1-й мировой войны интернационалист, близкий друг и родственник А. А. Богданова.

[42] *Лядов (Мандельштам) М. Н.* (1872—1947) — в социал-демократическом движении с 1893 г., один из организаторов Московского «Рабочего союза», после II съезда РСДРП — большевик. В 1908—1911 гг. в эмиграции, лектор партийных школ на Капри и в Болонье, входил в группу «Вперед».

[43] Личность не установлена.

[44] *Натансон М. А.* (Бобров) (1850/51—1919) — в революционном движении с 1869 г., один из основателей организации «Земля и воля», партии «Народное право». С начала 900-х гг. эсер, один из лидеров левых эсеров. В 1918 году возглавил созданную им партию «революционных коммунистов».

[45] Имеется в виду *Горький М. (Пешков А. М.)* (1868—1936) — русский и советский писатель, основоположник литературы социалистического реализма, общественный деятель. В 1909 году один из организаторов 1-й высшей с.-д. пропагандистско-агитаторской школы для рабочих на Капри, входил в группу «Вперед».

[46] Имеется в виду *Литвинов М. М.*

[47] ***Фейт А. Ю.*** (1864—1926) — эсер, по профессии врач. В 90-е гг. XIX в. народоволец. В 1895 году передал свою типографию социал-демократам. За участие в революционном движении выслан в Сибирь. В ЦК партии эсеров до 1917 года.

Публикация **Н. АНТОНОВОЙ, Н. ДРОЗДОВОЙ**

МАРГАРИТА ОДЕССКАЯ

У истоков желтой прессы

1881 год, составлявший, по выражению А. Суворина, «звериное число», во многом оправдал предчувствия тех, кто ожидал если не прихода Антихриста, то во всяком случае чего-то необыкновенного. Этот роковой год унес из жизни того, кто боялся политической резни и предсказывал явление бесов. Предсказания не замедлили исполниться: через месяц после смерти Достоевского, 1 марта, народные мстители расправились с царем-реформатором. А будничная, деловая жизнь, далекая от инфернальных предзнаменований, шла в тот год своим чередом. 1 августа 1881 года на литературные подмостки вышел со своей газетой «Московский листок» мало кому известный в ту пору издатель-купец Николай Иванович Пастухов (1822—1911).

Во втором издании Большой советской энциклопедии (1952) эта газета упоминается в статье «Желтая печать» — наряду с «Новым временем», «Биржевыми ведомостями», «Копейкой». Точное значение термина «желтая пресса» было постепенно забыто, да и сегодня он используется скорее в качестве идеологического ярлыка. Вот почему небезынтересно составить представление о «желтой прессе», обратившись непосредственно к материалам «Московского листка» и свидетельствам современников.

Кроме известного очерка В. А. Гиляровского «Московский листок» *, сохранился неизданный очерк Ю. В. Соболева «Беннет из Ваганьковского переулка» **. Название статьи Соболева как нельзя лучше характеризует Пастухова — одного из первых московских репортеров конца прошлого века, издателя самой популярной газеты, который, подобно американцу Джеймсу Гордону Беннету, пускался в самые отчаянные предприятия, не жалея никаких издержек ради добывания свежих новостей.

В молодости Пастухов был балаганным фокусником и собирал толпу за Пресненской заставой, где производил фурор, съедая живых голубей и глотая зажженную паклю. Теперь газета стала для него той площадной эстрадой, с которой всего удобнее общаться с «безъязыкой» уличной толпой. В стародавние времена, когда еще не было газет, эта толпа собиралась у Спасских ворот, чтобы в торговых рядах приобрести лубочные картинки с надписями, заменявшие книги, узнать, что слышно нового. Улица, площадь были для «низкого» читателя тем, чем для аристократии — салоны. Можно сказать, что Пастухов создал целую категорию читателей — из числа тех, которые раньше и газет-то в руках не держали. Адресованные им рубрики — МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ, ПО УЛИЦАМ И ПЕРЕУЛКАМ — будоражили охочих до страшных историй обывателей хроникой самоубийств, несчастных случаев, краж и пожаров.

НУЖДА ДО ЧЕГО НИ ДОВОДИТ — уже заголовок настраивал сердобольного читателя на сочувствие: «Ночью на 3 января в доме Смирнова по Прогоновскому переулку Мещанской части московская цеховая Екатерина Егорова, намериваясь лишить себя жизни, приняла раствор из фосфорных спичек. Больная была отправлена в Старо-Екатерининскую больницу. Полагают, что она решилась на самоубийство вследствие крайней бедности и неприискания места, о чем она в последнее время сетовала. Несчастной только 22 года».

Не промахнулся репортер, целясь заголовком САМОУБИЙСТВО ОТ БЕСПУТНОЙ ЖИЗНИ в самое сердце — моральный кодекс добропорядочного мещанина: «3 января в меблированные комнаты купчихи Краузе в Большом Козицком переулке зашел молодой человек и занял себе № 11. Утром, 4 января, постоялец этот найден застрелившимся. Выстрел произведен из шестиствольного револьвера в левую сторону груди, где пуля и засела. На столе оставлена записная книжка, в которой выяснена причина самоубийства: плохая жизнь, падшие женщины и любовь. По наведенным справкам оказалось, что умерший — сын коллежского асессора — Леонид Константинович Шереметьевский, проживавший на Садовой близ Сухаревской башни в доме Чистопольской».

Что за чертовщина? — ужасался простодушный читатель, увидев заголовок ИЗЖАРИВШИЙСЯ ЧЕЛОВЕК и рисуя в своем воображении котлы и сковороды адова пекла. Но будничная хроника московской жизни рассеивала напрасные ожидания: «3 января в квартире крестьянки Червяковой, в доме Белкиной, Сущевской части, на печке найден мертвым муж ее Семен Червяков. По осмотру трупа умершего на нем оказались пятна обжогов на правом плече и животе».

Скорей, скорей — бойко сыпали новостями безо всяких приличествующих пауз корреспонденты из Петербурга, Парижа, Киева... «В селе Чернявке Липецкого уезда во время пожара сгорело трое детей. Цены на сахар опять повышаются»,— читаем в рубрике «Телеграммы».

Газета не только делилась информацией, утоляя любопытство непритязательных читателей, но и на их же грубовато-фамильярном языке поучала, морализировала, повелевала, а провинившихся отчитывала. «Советы и ответы» — так называлась рубрика, взявшая на себя смотрительные, «педагогические» функции: «Тимофею Терентьевичу Волкову. В Рогожскую. Осветите, пожалуйства, в вашем доме, что у Андроньева монастыря, пятиповоротные лестницы; много с них в потемках народу валится; кстати, уберите со двора навоз: от него такая вонь, что дышать почти невозможно»; «Портерщику. К Чугунному мосту. Зачем это вы поставили икону почти у самого входа в вашу лавочку, перед которой ваши посетители в шапках творят всякие неистовства? Поставьте ее на приличное место и не кощунствуйте»; «Осипу Яковлевичу, товароотправителю. К Серпуховским воротам. Не разевайте рот на чужой капитал, а поглядите сами на себя да умойтесь, дело чище будет»; «Содержателю нумерных бань. У Полуяровского моста. Для какой цели вы просверлили на дверях, ведущих из коридора в нумера, маленькие дырочки, незаметные для посетителей? Уж не служат ли они для вас с приятелями панорамой?»

Возможно, оттого, что сам Пастухов начинал свой творческий путь с писания виршей, которые декламировал в собственном пивном погребке посетителям, в «Московском листке» регулярно печатались стихи.

Вот, например, автор, подписавшийся литерой М. Я., посвятил стихи «Ей»:

Как только вы со мной
встречаетесь,
Всегда я чувствую волненье,
И хоть ужасно вы ломаетесь,
Но все ж вы милы, без сомнения.
Я мог сравнить вас лишь
с картиною.
Прелестный стан! Какая талия!
И вдруг узнал я, что причиною
Всему — корсетница Амалия!
Смотрел на щечки я румяные,
Смотрел на ваши губки алые
И думал, что у вас есть данные
Победы одержать немалые.
Того б не изменил я мнения,
Но вдруг услышал как-то в споре я,
Что это все — произведения
Химической лаборатории!
Узнал я, что сильны в художестве
Вы подводить на бровках волосы
И — куаферов здесь ведь
множество —
Купили где-то даже волосы.
Короче, вы, моя красавица,
Для лавок всех — статья
доходная:
Купили все вы, что в вас нравится,
И только... глупость в вас
природная.

Конечно, неискушенному в литературе читателю «Московского листка» было невдомек, что фамильярно-шутовские стихи М. Я. не столь оригинальны и автор их мог поспорить за пальму первенства со своим предшественником — «раскаявшимся грешником» капитаном Лебядкиным...

Стихотворные жанры процветали в «Московском листке». Все в той же развязной манере редакция отбивалась от назойливых авторов:

В Нежин Хохлу
Вашу повесть «Укор Зине»
Поместили мы в корзине.

Однако в «Московском листке» не чурались печататься и поэты некрасовской школы. Очевидно, обращенность газеты к простолюдинам привлекала автора «Дубинушки» Л. Н. Трефолева и его собратьев по перу, поэтов-«искровцев» Д. Д. Минаева и Л. И. Пальмина.

Свою нетребовательную аудиторию Пастухов, сам полуграмотный, просвещал и забавлял как мог, завоевывая все новых и новых подписчиков. Через три года после открытия газеты ее тираж составил сорок тысяч экземпляров. На фоне других изданий, например, «Московских ведомостей», существовавших к тому времени уже 125 лет и известных в Европе (тираж — 4 тысячи экземпляров), или же двадцатилетних «Русских ведомостей» (тираж — 10 тысяч экземпляров),— успех неслыханный. Принадлежа к числу тех самых купцов, «чумазых», которые в конце XIX века играли все большую роль в общественной и культурной жизни и постепенно подчиняли ее буржуазным законам, Пастухов поставил газету на коммерческую основу и сумел покорить читателей занимательностью. Кухарки, дворники, купцы зачитывались похождениями разбойника Чуркина, создавая славу Пастухову-сочинителю, увеличивая число подписчиков и дивиденды Пастухова-издателя. Реальный разбойник Чуркин стал для него тем литературным манекеном, которого можно было рядить в какие угодно одежды и приписывать ему какие угодно «подвиги», воспламеняя воображение массового читателя.

«С временами меняются вкусы,— сетовал А. П. Чехов.— Было время, когда люди зачитывались рыцарскими романами и уходили в Дон-Кихоты (...) Теперь же в Москве зачитываются пастуховским «Разбойником Чуркиным» и идут в... разбойники. Недавно два мальчика-москвича, проникшись насквозь духом творения Николая Ивановича, почувствовали страстное влечение к разбойничьей жизни и бежали из дома родителей «в леса». Сначала юные Чуркины ехали по железной дороге, потом же, выйдя на одной станции, они наняли лошадь и дорогою убили везшего их мужика».

Интерес к газете не упал и тогда, когда Чуркин прекратил свое существование на ее страницах. Ведь для обывателей «Московский листок» был своего рода «энциклопедией русской жизни», из которой они черпали азы истории, литературы, политики и чувствовали себя приобщенными к общественной жизни, к грамоте. Писатели «средней руки», газетные беллетристы «второго и третьего сорта» работали с завидным трудолюбием; с точной периодичностью, установленной редактором, из-под их бойкого пера вылетали фельетоны, сценки из купеческого быта, исторические повести, романы с уголовной интригой. Литературный отдел работал, как фабрика, на потребу, на конкретного сегодняшнего читателя, нимало не заботясь о завтрашнем дне. Чехов, напечатавший в этой газете рассказ «Гордый человек» («Московский листок», 1884, № 12), не желал подписывать его своей фамилией, ибо считал рассказ «плохоньким», «да и не нужны хорошие рассказы читателям «Московского листка»,— уверял Н. А. Лейкина начинающий литератор, сразу же определивший для себя, что он «полной фамилией готов, пожалуй, подписываться везде, но только не у Пастухова» [1].

Клеймо «Московского листка» приставало прочно, и чаще всего перед его авторами закрывались двери в большую литературу. Сотрудник «Московского листка» поэт Е. И. Вашков вспоминал, как писатель А. М. Пазухин, пользовавшийся небывалой популярностью в газете, обратился к В. А. Гольцеву с вопросом: «Скажите искренне, Виктор Александрович, что, если бы я написал выдающийся рассказ, под которым было бы не совестно подписаться Льву Толстому, поместили бы вы такой рассказ под моей фамилией в «Русской мысли»?» Гольцев ответил, что не поместил бы, ибо с фамилией Пазухина соединена фирма «Московского листка».

В свою очередь, и «Московский листок» не давал спуску «толстым» журналам с идеей и «политикой». Литературная полемика велась запальчиво, в обычной для «Московского листка» беспардонной манере сведения счетов. Приведу образчик «полемической» статьи «Среди пишущей братии»:

«Русское богатство» начало свою деятельность с того, что обругало всю журналистику: «этот журнал-де чепуху порет, тот — бездельем занимается и т. д. Все нехорошо. А вот, мол, мы так покажем себя»... Шума журнал действительно понаделал, но не только моря не зажег, но и публики не притянул... Со стороны критики — молчание, со стороны публики — неодобрение... Да и кого читать? Комаров, Алексеев, Засодимский, фу-ты, какие имена!.. Но и «Русскому богатству», видимо, досадно, что на него не обращают внимания, и особенно досадно г. Засодимскому, который и мечется на все и всех с пеною у рта... В декабрьской книге в статейке «Среди литературных объявлений» есть такое местечко: «Стоит только кому-нибудь Неистовичу-Вральченко (Немировичу-Данченко) выплыть на поверхность беллетристики, как вы в каждом объявлении встречаете его имя, и везде-то он «наш известный», «наш уважаемый»... Госпо-

* В его кн.: Избранное. Т. 2. М., 1960.
** Юрий Васильевич Соболев (1887—1940) — литературовед и историк театра. Очерк «Беннет из Ваганьковского переулка» хранится в ЦГАЛИ, Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 32.

ди, какая зависть! Ужасно досадно г-ну Засодимскому, что Данченко везде приглашают, а его никуда, так что сидит он в убогом «Богатстве», и Данченко зовут «уважаемым» и «известным», а его — «малодаровитым» и «скучным»... Что делать, кто что заслужил, г-н Засодимский!..

...А ведь знаете, злоба-то г. Засодимского против Данченко объясняется... Сам г. Засодимский открыл. Он пишет, что десять лет тому назад, зимой, ходил в летнем пальто, и теперь он ходит в пальтеце с пледиком, а Данченко — одет прекрасно. Разве это не обидно? Ведь все радикалы народ какой? На языке все идея, а у самих слюнки текут при виде пирога или хорошей шубы!» («Московский листок», 1882, № 2).

К чести некоторых сотрудников «Московского листка», оценка ими своей роли в истории русской культуры была достаточно трезвой. Характерен в этом смысле эпизод из воспоминнаний В. Лобанова (зятя Гиляровского) о писателе Е. Н. Опочинине — авторе исторических повестей в «Московском листке»: «Разве мы настоящие писатели,— обмолвился как-то в беседе в Столешниках Опочинин.— Мы,— обвел он взглядом сидящих за столом своих соратников по «Московскому листку» — Мясницкого, Пазухина и удобно расположившегося в большом кресле писателя и газетчика Василия Ивановича Немировича-Данченко,— только удобрительный материал для будущих щедрых литературных урожаев. Мы, конечно, вносим свою лепту в общее развитие литературы. Вклад наш, вероятно, не особенно значителен, и вряд ли позднейшие поколения станут его внимательно рассматривать и тем более изучать, но мы все-таки его делали, и делали искренне, добросовестно и с хорошими и чистыми намерениями. Может быть, своей работой мы в какой-то мере отвечаем за настоящие литературные запросы общества» [2].

У газеты не было никакой политической платформы, никакой идейной направленности. Улавливая вкусы толпы, Пастухов публиковал лишь то, что могло ее заинтересовать. Как анекдот рассказывали, что губернатор Москвы князь В. Д. Долгоруков, давая согласие на издание газеты, поинтересовался:

— А какого направления будет газета?

— Какого прикажете! — отвечал будто бы Пастухов [3].

Политическое образование «серые читатели» Пастухова получали из передовых статей «Московских ведомостей» Каткова, которые нередко транспонировались редактором «Московского листка» и его сотрудниками в жанры, близкие к фольклорным. «О, Божс, что сделалось, что совершилось над нами! — восклицал корреспондент-«плакальщик», сообщая о смерти Александра III.— Царь Александр III уже навсегда оставил Русскую Землю, и величайший Дух Его уже навсегда покинул дела человеческис. Кто ни содрогнется и ни восплачет при этом страшном зрелище меча Божия, покаравшего святую Русь?..» («Московский листок», № 293, 21 октября 1894 г).

Выдержанный в верноподданнических традициях, превозносивших православие, самодержавие, народность, некролог по случаю кончины Александра III заодно подчеркивал и приоритетное положение России, во главе с самодержцем, на Западе и во всем мире.

Двумя годами позже, 4 августа 1896 года, редакция «Московского листка» изложила свое «политическое кредо» в передовой статье по случаю пятнадцатилетнего юбилея газеты. В сторону Запада было при этом отвешено немало поклонов. «Мы твердо убеждены,— писал анонимный автор,— и неоднократно высказывали, что Россия, по крайней мере на триста лет, стоит в своем культурном развитии сзади Европы; это объясняется тем, что последняя есть непосредственная наследница греко-римского мира, тогда как Россия в течение целых веков плечом и хребтом должна была осушать мхи и болота восточной европейской равнины, создавая гражданственность. Мы долго учились и еще больше будем учиться у Запада технике в разных областях практического знания, расчету сил и времени, напряжению труда, предприимчивости, энергии, дисциплине, порядку и т. п. Мало того, самая наука и даже наша образованность не совсем отрешились от эпического характера и столько же склонны к легкомыслию и догматическому отрицанию, сколько чужды критической выдержанности. Было бы весьма желательно, чтобы они поучились умственной трезвости у истинных представителей европейской науки, где домыслов и гаданий не выдают за положительную истину и не тешат себя отрицанием, где место лишь сомнению и сдержанному отношению к вопросу. Там наука заставляет лично *думать и думать*, а не повторять только чужие думы, как последнее слово науки».

И тут же, по классическому принципу «балансирования», автор статьи совершал поворот на сто восемьдесят градусов: «...При всем нашем глубочайшем уважении к Европе с этих сторон, мы всегда открыто заявляли себя ярыми противниками наших чужедумцев, кои, не считаясь с родной историей и не заглядывая в будущее, стремятся всеми правдами и неправдами в самодержавном русском царстве завести конституционный западный строй, а чтобы скорсе этого достигнуть, напрягают все силы с целью уничтожить воздействие на народ церкви и самое христианское миросозерцание заменить мнимонаучным материалистическим воззрением».

Газета была аполитична, беспринципна, зато оперативность в получении информации талантливый репортер ставил превыше всего. Пастухов был родоначальником московских репортеров, «хорошего репортера,— как вспоминает один из современников,— он ценил выше самого талантливого беллетриста и не жалел для него никаких денег...

И курьезнее всего то, что из своей же конторы за свои корреспонденции он получал построчный гонорар, самим себе назначаемый! Иногда выражал неудовольствие:

— Мало я у вас что-то за эту неделю заработал!».

Коммерции в газете было подчинено все. Даже бумагу для «Листка» Пастухов, как свидетельствует Гиляровскнй, заказывал годную на курево. Благодаря этому газета конкурировала с другими, которые печатались хоть и на лучшей бумаге, но не годной для цигарок.

Так, обслуживая неразвитые вкусы и выполняя социальный заказ «низов», массовая газета заявила себя как независимое от большой литературы и журналистики самоценное явление. Субкультура утвердилась рядом с серьезной литературой и сделалась «литературным фактом», с которым невозможно не считаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из письма А. П. Чехова Н. А. Лейкину от 25 декабря 1883 г.

[2] В. Лобанов «Столешники дяди Гиляя». М., 1972. С. 38.

[3] Некролог. «Утро России», 1911, № 174.

ВАЛЕНТИН ШТЕЙНБЕРГ (Латвия)

Дело «мисс Мей»

Загадочный папа

Из детских воспоминаний в ее памяти осталось немного. Был серенький воробушек. Мальчишки сказали Мейдзи: съешь его живьем, получишь ленту. Красивая лента тут же развевалась на ветру... Мейдзи представила, как захрустят на зубах косточки птицы и посыпятся перышки, подхваченные ветром. Руки ее задрожали, воробушек вырвался.

Запомнила еще, как папа и мама женились! Мейдзи уже шел четвертый год. В тот день мама и папа веселились как маленькие. Взрослые, прослышав об их свадьбе, примирительно говорили: да, конечно, уже есть ребенок.

После свадьбы папа уехал. Далеко. Мама плакала. От папы приходили письма, по два в неделю. О папиной аккуратности высказывались так: все это может быть только от большой любви.

— Так зачем же он тогда оставил маму, наши вечера у камина? — думала Мейдзи.— Любовь это когда вдвоем, вместе...

Папины письма мама читала Мейдзи. «Скажи моей любимой доченьке, что она скоро меня увидит». Или: «Хорошенько заботься о нашей малышке; сознание того, что она думает обо мне, дает мне силы в моей работе». О том, что он делал там, далеко, только несколько слов — «тяжелая работа». Она и ее мама имели одинаковые имена — Мей. Поэтому маму часто называли Мей-старшая, а дочь — Мей-младшая, она же Мейдзи.

Однажды, это было в среду (2 октября 1918 года), к Мей-старшей пришел молодой человек. Мейдзи не расслышала его имя, но поняла: он — из «Дейли Экспресс». Мама рассказала гостю, что трое ее братьев — в британской армии, а муж, как подданный России, уехал в Россию семнадцать месяцев назад. Она не смогла сопровождать мужа, у нее «не было достаточно времени на сборы». На другой день, в четверг, мама купила «Дейли Экспресс», начала торопливо просматривать полосы газет. Вот!

«Жена главаря террористов. Московский начальник убийц в качестве идеального мужа...

Миссис Петерс — очень приятной внешности молодая женщина, которая до замужества была мисс Фримэн из Ворсестера. Она решительно отказывается верить тому, что ее муж является чудовищем в человеческом облике, ежедневно подписывающим приказы на уничтожение сотен жизней в Москве.

«Это совершенно невероятно,— сказала миссис Петерс, показывая письма от своего мужа представителю «Дейли Экспресс».— Он был очень добрым мужем и отцом и никогда нн слова не сказал против Великобритании до того, как он уехал, и также в своих письмах».

Подписи корреспондента не было. В тот осенний вечер мама долго плакала, смотрела на огонь в камине, на трещавшие березовые поленья. Камин гудел... А тем временем в далекой России в последние месяцы восемнадцатого года заканчивалась далеко не чистая история с заговором «трех послов», преследовавшим, как все признали — и большевики, и их противники,— свержение правительства Ленина—Троцкого. Был арестован дипломат-резидент Брюс Локкарт. Суд приговорил его к смертной казни. Однако ко времени вынесения приговора Локкарта уже выслали из России.

И вот неожиданно в дом Мей-старшей позвонил незнакомец. Мей открыла дверь и увидела изящно одетого господина.

— Локкарт,— представился он.

Он привез Мей-старшей письмо из России. Вот что я нашел в воспоминаниях англичанина «Буря над Россией» в связи с этим письмом.

«На нем была кожаная куртка, штаны цвета хаки. Улыбаясь, он сообщил мне, что во вторник меня освободят. Он представляет мне два дня для упаковки вещей на моей квартире. Когда я поблагодарил его, он посмотрел на меня с некоторым смущением и вытащил из кармана какой-то пакетик.

— Я хотел бы попросить вас об одолжении,— сказал он,— не согласитесь ли вы доставить это письмо моей жене в Англию?

При этом он вручил мне свою фотографическую карточку с надписью и показал несколько фотографий

своей жены. Но еще прежде, чем я успел сказать «разумеется», он, по-видимому, передумал.

— Нет, я лучше не стану вас утруждать. Как только вы выберетесь за пределы России, вы будете проклинать меня как своего злейшего врага...

...Я высмеял его и заставил отдать мне письмо. Само собою разумеется, что письмо его было мною впоследствии передано по назначению».

Теперь Локкарт, откинувшись и соединив пальцы рук домиком, сидел перед миссис Петерс с сознанием выполненного долга. А Мей тревожно и нервно расспрашивала его. Действительно ли там, в России, так ужасно? Голод и болезни — это понятно... А вот расстрелы и казни, о чем так много пишут газеты и в чем замешан ее муж?..

Локкарт указал на себя: большевики его выпустили, а ведь вполне могли и расстрелять. Даже в Англии, стране прославленного правосудия, и то — правосудие не только взвешивает, но и вешает. (Тут был английский каламбур, и он улыбнулся своей импровизации.) Пока можно сказать только одно: Россия — страна загадочная. Свое мнение он изложит в воспоминаниях, которым ныне отдает свой досуг.

«...как глубоко внутри вас пробуждается ваше «Я»...»

Обе Мей ехали на восток. Гражданская война шла к своему исходу, проигравшие бежали от большевиков в Турцию, Грецию, Францию, Германию. И лишь маленькая струйка текла в Россию.

На вокзале мужчина бросился вперед, почти задохнулся:

— Мейдзи! Мейдзи!..

Он обнял девочку, поднял на руки, целовал сильно и жадно ее холодные щеки, лобик, головку...

Мейдзи было восемь лет. Потом она напишет: «Моя мать решила ехать к отцу в Москву в марте 1921 года, но, когда мы приехали туда, оказалось, что у отца есть уже другая семья. Моя мать хотела немедленно вернуться в Англию, но отец отказался выпустить меня из России, и благодаря отцу мать из-за меня тоже вынуждена была остаться». Вскоре она увидела и своего сводного брата — малыша Игоря.

Несколько ранее в Москву приехала и другая женщина, американка, знаменитая танцовщица. Айседора Дункан набрала в свою школу целую вереницу учениц — девочек 11—13 лет. Завораживающе, чуть возвысив голос, она громко шептала: «Слушайте музыку душой! Вы слушаете? Чувствуете теперь, как глубоко внутри вас пробуждается ваше «Я», что силой музыки поднимается ваша голова, движутся руки и вы медленно идете к свету? Вы слушаете?»

Мать Мейдзи, прослышав о школе «новых танцев», определила свою девочку к знаменитой Дункан (отец противился, но безрезультатно). Танцевали они и «Марсельезу», и «Славянский марш». Кто и где до этого мог представить такие танцы!.. Выступали на разных подмостках, в рабочих клубах, на сценах театров. Были счастливы. И великая повелительница, и ее ученицы...

Жизнь к Айседоре была щедра в России: она вознесла ее славу, дала ей любимого человека. Щедра и немилосердна: дала и отняла. Может быть, потому Айседора и любила задумчиво сказать: «В жизни нет полного счастья, а есть только надежды». Развелась Айседора с Сергеем Есениным. В Ницце, садясь в автомобиль, набросив на шею длинный шарф, сказала смеясь: "До скорого свидания! Я еду за славой!" Это были ее последние слова...

Трагедия случилась 14 сентября 1927 года. Тяжелым громом весть докатилась до Москвы. Обломки студии, оставшиеся от великой актрисы, были ликвидированы, кое-кто даже угодил в тюрьму. Но надежды у Мей еще были. И главная — вернуться в Англию. Стали хлопотать о выезде. Отец, занимавший высокий пост в государстве, легко преградил им дорогу. Проведав об этом, Мей-младшая долго не ходила в дом отца (он жил в Доме правительства у Каменного моста). Она не стала заканчивать нормальную школу, устроилась в «Интуристе» экскурсоводом (благо, прекрасно знала английский). Не понравилась «заграничная» работа — нашла другую, чертежницы-копировальщицы в архитектурной мастерской Моссовета. Потом перешла в архитектурную мастерскую при военно-инженерной академии.

Мей с мамой снова стали ходить в английское посольство. Действовали теперь как настоящие заговорщики, втайне от отца, к сожалению, не думая, что могут накликать беду. Время-то уже было ранимое лихом. Бог творил, бес вел свои интриги. За зловещими слухами вставало реальное: аресты, «тройки», расправы с «врагами народа». Шел разор жизней человеческих. В невероятных масштабах...

Синяя птица без крыльев

«Дорогой тов Сталин.
от Гершковича И., члена ВКП(б)
с 1917 г., п/б. 1202409.
Считаю своим долгом бдительного большевика сообщить нижеследующее: Несколько дней тому назад я был у моего знакомого товарища А. Дзялошинского, где узнал следующее: Бывшая жена тов. Петерса (член К.П.К.) Мей Фридман (вместо Фримэн! —* В.Ш.) *и дочь Мей Петерс, обе бывшие англичанки (каким образом они стали бывшими — неизвестно! —* В.Ш.), *имеют связь с английским посольством. Мей Петерс бывает на квартире у тов. Петерса и оттуда распространяет разные политические секреты...»* Заканчивалось письмо (донос) словами: *«поэтому считаю необходимым сообщить Вам лично, дорогой тов. Сталин».*

Неизвестно, попало ли письмо к «дорогому тов. Сталину», но Ежов, народный комиссар внутренних дел, прочел и все, что относилось к «бывшим англичанкам», подчеркнул. Наложил жирную, но вроде бы примирительную резолюцию: «т. Петерс как быть. 21/VIII. Ежов».

Ответ был длинным. Петерс явно волновался. Распространяет политические новости? *«Это свойственно ее характеру — в разговоре показать себя хорошо информированной, афишировать, причем наврать о своих связях...»* Еще: *«После развода Фримэн мне девочку ни за что не отдавала. Не согласилась и передать на воспитание в школу. Вопреки моему желанию отдала в школу Дункан, где девочка испортилась. Из этой школы она должна была уйти из-за слабого сердца. В школе училась очень плохо, ушла с пятого класса. Тогда я предложил ей идти на предприятие, думая этим ее исправить. Она стала от меня отдаляться и на предприятие не пошла. Начала работать чертежницей, иногда звонила по телефону, заходила очень редко».*

* К.П.К. — Комиссия партийного контроля.

Отец знал Ежова по ЦК партии. Вместе сотрудничали в КПК. Он мог надеяться на благоприятный исход мнимого дела... Однако уже было другое время, хотя и наступление его в тот момент никто не мог прямо отметить. Поляки и латыши (и не только они!) отрезались от жизни. Полный рвения следователь НКВД А. О. Постель через двадцать лет вынужден будет раскрыть то, что лично знал из ежовской «кухни». С его слов запишут: *«Постель показал, что массовые аресты поляков и латышей были произведены в 1937—1938 гг. по приказу бывшего наркома внутренних дел Ежова... Массовые операции на латышей фактически превратились в охоту за всем взрослым населением, и в области [Московская область] шли разговоры, что Особый отдел, исчерпав все свои кадры по латышам, имеющимся в воинских частях, разыскивал латышей по адресам милиции, по адресным милицейским листкам.*

Фабрикация приняла чудовищные размеры».

Петерса арестовали, и он попал в Лефортовскую тюрьму к Шнейдерману и Ильицкому. Иоган Ильич Шнейдерман в декабре 1937 года получил орден Красной Звезды «за самоотверженное и образцовое выполнение ряда правительственных заданий» и, как никогда, был уверен в правоте дела, которое он делал. Ильицкий был его начальником. Следователи имели некоторые изъяны: первый окончил только четыре класса средней школы, у второго было что-то с психикой — в 1938 году он застрелился.

Шнейдерман: *«Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневались в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности такого лица еще до его допроса, и поэтому на допросе стремился любым путем добиться от этого лица признательных показаний. ...По указанию Ежова был арестован Петерс Яков Христофорович... Арестованные по непосредственному указанию Ежова водворялись, как правило, сразу в Лефортовскую тюрьму... сама обстановка в Лефортовской тюрьме была чрезвычайно тяжелой: ночью и днем, круглые сутки, недалеко от тюрьмы испытывали на стендах авиационные моторы, и однотипный гул, от которого содрогались стены и стекла тюрьмы, действовал на заключенных угнетающе. Ночью в Лефортовской тюрьме шли одновременно допросы во многих камерах. Находясь в одной их этих камер или в коридоре, арестованный слышал крики (сильные крики) других арестованных, допрашиваемых в других камерах. Все это угнетающе действовало на психику арестованного. Уже одна эта обстановка зачастую заставляла арестованного давать «признательные» показания. ...к арестованным, не дававшим показания о своей преступной деятельности, разрешалось применять меры принуждения, в т.ч. и физические, с целью получения от них «признательных» показаний. Разрешалось кричать (?!) на арестованных, допрашивать их длительное время ночью (а днем по тюремному режиму спать не разрешалось), не разрешалось обвиняемому садиться во время длительного допроса, разрешалось ставить обвиняемого лицом к стенке на длительное время и не разрешалось ему садиться, избивать обвиняемого».*

Ни Мей-старшая, ни Мей-младшая ничего об этом не знали и никогда не узнали. Отец, как только попал в гудящую Лефортовскую тюрьму, провалился как в бездну. Судя по бумагам НКВД, его расстреляли 25 апреля 1938 года.

Антонина Захаровна, мачеха Мей, стала жаловаться Ежову и просить защиты, разобраться с делом. Это лишь распалило страсти в НКВД. Мачеху и ее сына Игоря выселили из Дома правительства. Она еще раз написала просьбу о снисхождении и получила ярлык: «член семьи врага народа» со всеми последовавшими за этим бедствиями.

Игорь сменил фамилию Петерс на фамилию родственника Дмитриева и даже взял его отчество. Мей не меняла — ни фамилии, ни отчества, ни чувств. Упрямства было предостаточно. Ума — сколько давала молодость с ее легкомыслием. Жила дерзко, открыто. До безрассудства. Лишь инстинктивно береглась от удара. Прекратила визиты в посольство, ведь могли просто «поймать» у «враждебных» ворот... А родину, город Лондон, носила при себе!

Из военной академии ее «ушли», хотя и занимала там совсем скромное место: чертежница-копировальщица. Приняли в трест газоочистки на такую же должность, только платили меньше. Мать работы не находила: мешало всеобщее подозрение, да и русского языка не знала.

Е. Толстых: «еда обеих Мей — чай крепкий с молоком и белым хлебом... Обеды,— я не помню были ли у них когда-либо?» В комнате, в которой они жили, стоял камин — мать и дочь любили подбросить в него дровишек и подать чай на английский манер — крепкий с молоком. Островок Англии!..

Приходил Игорь. Часто был возбужден, от него пахло водкой. Старшие классы приобщались к «микстуре»... По секрету поведал сестре, что ученики собираются вечерами (приезжают и те, кого выселили из Москвы) и ругают, и кроют Ежова. И добавил: в Харькове раскрыли кружок «Месть за отца», «из детей репрессированных родителей».

В следующий раз Игорь похвастался, что живет совсем неплохо, а впрочем, он «секретный агент» НКВД. Только никому ни звука!

А тем временем мама и Мей смелели. Снова наведывались на Софийскую набережную, где располагалось английское посольство, поясняли привратнику, что им здесь надо, и проходили в здание. Показывали письма от своих английских родственников — маминого брата мистера Джорджа Фримэна, сестер — Флоренс и Кларк. Мысль вернуться в Англию не оставляла ни мать, ни дочь.

Мама любила перед сном послушать рассказы. Мей читала ей вслух из сохранившихся в доме английских книг. Мама слушала, слушала и засыпала... Мей останавливала чтение, мама вздрагивала, выходила из сна, просила: читай, доченька! Дочь улыбалась, говорила: мама, ты стареешь, я тебе этого не позволяю. И в самом деле, маме было чуть больше пятидесяти.

Однажды в какой-то тревоге Мей-младшая уснула, но проснулась еще до рассвета, охваченная внутренним страхом. Прислушалась. Было тихо. В дверь никто не стучался, не слышно было тяжелых шагов на лестнице, так часто нарушавших ночную тишину... В ту ночь мама умерла. Тихо и незаметно, как жила, придавленная каждодневными горестями простого человека. Была кремация...

Мей убрала с камина 11 слоников, которых мама взяла с собой на счастье из Англии. Счастье не повстречалось. Сохранила Мей большой серебряный сосуд

и берегла его отныне особенно, как ниточку, протянувшуюся из прошлого... Она осталась одна. Тоска одиночества охватывала холодным туманом. Приходил Игорь, но это случалось все реже, хотя их дома разделяли лишь несколько кварталов. Приносил селедку, пачки чая, тушенку из американских подкреплений русскому фронту, водку, полученную по талону. Громко говорил: «Я уже не волнуюсь о том, что с ними случилось. С отцом, имею в виду. Также и с моей матерью. Они враги. У меня нет ни матери, ни отца. Я хотел бы, чтобы ты это поняла!..» Мей обозвала его циником. Игорь не стал оправдываться.

...Мей снова потеряла работу, на сей раз в художественной мастерской «Росгалантереяторг». В торге ей нравилось — она занималась вязанием и очень успешно. Но война вторглась и сюда. Помещение передали под какой-то военный склад, а вязальщиц распустили по домам. Но Мей снова повезло. Ей предложили место распорядителя кинозала в английском посольстве. Англичане считали ее почти что своей гражданкой (дело о выезде, кажется, шло к положительному решению). Прежде всего Мей занялась маминой просьбой. Давний друг Мей Николай Ревельский рассказал (1949 г.): «Когда в Москву приехал министр иностранных дел Великобритании Бевин, Мей выбрала момент, позвонила министру и попросила свидания по личному вопросу. Она повидалась с ним на другой день. Сказала министру: у меня умерла мама, ее прах находится в Москве. Мама просила захоронить ее в Англии. Мей рассказала о серебряном сосуде, хранимом у нее, Мей, дома. Министр сказал: доставьте прах в посольство, мы надежно его упакуем и отправим. Через несколько дней Мей сообщили: Ваше поручение исполнено, прах на пути в Англию».

Из-за войны гражданские самолеты в Лондон не летали. Прах миссис Мей Фримэн внесли в военный самолет. В Великобританию возвращались высокие дипломаты Форин Офиса и военные с Уайт Холла. Далеко в Северном море самолет встретили английские истребители сопровождения. Потом заблестела Темза, квадратики кварталов выстелились ковром, встали стеной и снова распрямились. Побежала мокрая дорожка аэропорта. Закончился круг одной жизни. Жизни сдержанной, простой и скромной. Но разве от этого в ней было меньше смысла, чем в другой, более величественной?

Шпионы и любовники?

Майор Тикстон служил в военной миссии королевских сил Великобритании. Он заметил новую работницу. Взглянул на нее и как мужчина. Шелковистые брови и темные глаза, особенно когда они омывались светом, делали Мей привлекательной и даже красивой. Он узнал о желании молодой женщины выехать на родину в Англию. Тикстон высказал соображение — может быть, «мисс Мей» хотела бы встретиться с корреспондентом? Он знаком с мистером Полом Уинтертоном из «Ньюс Кроникл», который мог бы через печать воздействовать на советские власти. Мей ничего предосудительного не нашла в том, чтобы повидать иностранного корреспондента...

Через четыре года следователь МГБ бросит ей в глаза обвинение по поводу ее *«преступной связи с корреспондентом английской газеты»*.

«Ответ: ...в начале 1945 года он [Тикстон] однажды сообщил мне, что меня разыскивает корреспондент английской газеты «Ньюс Кроникл» Пол Уинтертон, приехавший из Англии, который имеет поручение побеседовать со мной и выяснить, в силу каких причин я намереваюсь выехать из Советского Союза, о чем Пол Уинтертон должен написать статью. ...В первую встречу он обстоятельно беседовал со мной.

Вопрос: *Какую информацию вы дали Полу Уинтертону?*

Ответ: *...Подробно рассказав, когда и каким образом я приехала в Советский Союз и в каких условиях нахожусь в СССР, я вместе с тем сообщила, что моя мать, прибыв в Советский Союз, долгое время скиталась без работы, а отец был арестован органами НКВД. В ходе беседы с Уинтертоном я утверждала, что в СССР нет свободы, народ подвергается преследованиям, сославшись при этом на то, что за мной как за англичанкой, отец которой репрессирован, ведется усиленное наблюдение».*

Так говорила Мей или иначе — неизвестно, но в протоколе допроса записано так. Мей сообщила, что о своей беседе с корреспондентом она рассказала майору Тикстону, «от которого... ничего не скрывала».

«Вопрос: *Не только не скрывали, но и получали от него задания?*

Ответ: *Нет, заданий Тикстон мне не давал... С Тикстоном я находилась в близких интимных отношениях, и ему было весело проводить со мной время. Я неоднократно выезжала [с ним] в загородные прогулки — в Болшево, Тарасовку и Сокольники»*, — признается позже Мей.

То, что я знаю о близости этих двух живых душ, позволяет мне сказать, что они были куда больше, чем вульгарные любовники. Их страсть, загоняемая до этого в углы души и условностей, пробудилась и взорвалась со всей силой и яростью содроганий, желания накатывались слепо и безумно. А к чему все это могло привести, ни один из них не думал.

Встречи «мисс Мей» и Луи Тикстона были бурными, взаимно жадными. Голос шептал им: все будет скоротечно. Предчувствия их не обманули. Последовал отзыв Луи Тикстона в Лондон (начальство в посольстве заметило что-то и решило майору помочь). Через какое-то время «мисс Мей» получила весть:

«Моя дорогая Мей!

В этом письме должен выразить Вам, как я благодарен Вам за тюбитейку, которую Вы сделали мне и которую доставили в Лондон перед моим отъездом в Сан-Франциско. Я не могу представить лучшего сувенира, чем этот».

«Будучи в Лондоне, я навестил Вашего дядю и встретился с ним и на этот раз. Я рассказал ему все новости о Вас в дополнение к тем, о которых Вы писали в письме к нему незадолго до Рождества.

Ваши дядя и тети здоровы и были очень рады видеть меня. Я убедил их, что Ваше дело находится в нужных руках и что в настоящее время Вы тесно связаны с посольством, и все будет сделано, чтобы решить вопрос о Вашем возвращении домой.

Я очень сожалею, что не смог зайти к Вам в день отъезда из Москвы. Пытался дозвониться Вам, но неудачно».

Заканчивалось письмо тем, что знали только они, двое:

«Кажется, нет никаких надежд на мое возвращение в Россию, по крайней мере, в ближайшем будущем, что очень жаль, т. к. я очень хотел бы снова встретить Вас.

Я надеюсь, что Вы хорошо себя чувствуете и довольны Вашей новой работой. Пожалуйста, передайте от меня привет всем друзьям, с которыми я встречался в Вашем доме. У меня остались хорошие воспоминания об этих встречах.

Очень благодарен за Ваш подарок.

Искренне ваш Л. М. Тикстон».

Мей положила письмо на то место, где еще недавно стоял серебряный сосуд с прахом матери.

Она преуспевала на работе в посольстве. Некоторое время воспитывала детей в семье кинoатташе Р. Бекфорда, и, наконец, ей предложили место телефонистки посольского коммутатора. Это уже было подчеркнутое доверие — телефонистка могла прослушать любой разговор английских дипломатов...

Косвенно мы знаем, что некоторые советские, работавшие в посольстве по найму, соглашались передавать «куда надо» «что надо», то есть просто шпионили. Были и стукачи. Но никто из советской разведки не пытался привлечь Мей «к делу». Зато местные стукачи внимательно следили за ней, ее продвижением. Новая Мата Хари! Цепочка ее «преступлений» удлинялась и могла преобразоваться в кандальные цепи...

Однако ее не арестовывали. Правда, оставался на свободе и ее сводный брат Игорь, хотя он тоже якшался с иностранцами, менял у них монеты, пил с ними водку. Но 6 ноября 1947 года его отвезли в тюрьму. Игорь действительно был секретным агентом. Нерадивым, мало послушным, доносил «избирательно».

Прошло более года. 11 января 1949 года пришли к Мей — приказали оставить работу в посольстве. Поняв, что это не слова, брошенные на ветер, стала торопить посольство предоставить ей комнату в своем здании, где «она могла бы чувствовать себя в безопасности», пока не выедет в Англию.

Опытный МГБ ее опередил...

Унижение «Мисс Мей»

Мей «подобрали» на улице, втащили в машину. Повезли. В машине, между двумя капитанами МГБ, она притаилась, как испуганная мышка. Была растеряна. Ее привезли не в тюрьму — домой, чего она не ожидала. Почти истерично закричала, что они не имеют на это права. Нет, имеют! — ответили капитаны и показали ордер на арест. Подписи министра МГБ Абакумова и прокурора Вавилова, согласованно наложенные 17 января 1949 года.

Всю ночь капитаны заполняли длинные описи. Искали шифры, записки, прочие доказательства тягчайшего преступления. Заодно описывали имущество: простыни хл. б., трико и трусы, сахар пиленый — 200 гр.; керогаз и репродуктор «Рекорд», горшок (пардон!) эмалированный — один, иглы вязальные — 25 штук, расческа, сигареты заграничные и конверты почтовые заграничные, книги на иностранных языках, нитки шерстяные — 4,5 кг. Все прошло через гибко-жесткие пальцы капитанов... Комната в семь кв. м, жилье Мей, завалили вещами, книгами, бытовыми принадлежностями. Наконец-то нашли самое значительное для будущего следствия: удостоверение посольства Великобритании на имя Мей, черновик заявления в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о выходе из советского гражданства. Письмо Луи Тикстона.

«Мисс Мей» отвезли во внутреннюю тюрьму МГБ. Делом Мей сразу же занялся майор Фирсов. Он взором обследовал фотографию подследственной, сделанную только что в тюрьме — в анфас и в профиль, как положено. Заметив брак, покачал головой: на фотографии значилось — Мей Яковлевич (мужской род!). Номер арестантский — 11546 — был правильным. Перевел взгляд на «рояль», как принято было в тюремно-уголовном жаргоне называть отпечатки пальцев. «Словесный портрет»: рост 155—164 см, фигура — средняя, цвет волос — темно-русые, глаза — черные, брови — дугообразные. Бабенка, в общем, ничего себе, у Тикстона был вкус...

Мей, сидевшая перед Фроловым, думала: с чего начнется допрос? Скорее всего с Тикстона. Майор, не лишенный понимания психологии задержанного, начал совсем с другого. Допрашиваемую надо ошарашить, сбить с заранее подготовленных ответов... Уставив на нее свой пытливый и подозрительный взгляд, спросил: почему она переселилась с Варсанофьевского переулка, где у нее было две комнаты, на какие-то семь метров в Б. Кисельном переулке? В чем смысл такого переселения?

Во время одного из налетов немецкой авиации на Москву недалеко от Лубянки рухнул дом. Мей согласилась тогда взять на свою площадь Ивана Фомичева с матерью, тем более что в посольстве все более обнадеживали в устройстве визы на выезд. Она считала, что может потесниться, а вскоре и совсем уступила свои комнаты Фомичевым.

«Вопрос: *Какую материальную выгоду вы извлекли из этой комбинации?*

Ответ: *Обмениваясь площадью, я никакой материальной выгоды не преследовала. В данном случае я исходила из тех соображений, о которых только что показала».*

Майор Фирсов не любил, когда подследственные морочили ему голову и выставляли напоказ свои моральные принципы. В такие он не верил, ибо сначала материальное, а уж потом сознательное.

«Вопрос: *Ваши показания по данному вопросу неубедительны. Требуем показывать правду.*

Ответ: *Я показала следствию так, как было в действительности».*

Эта шпионка — дура или врунья? А ведь ее считают Мата Хари? Майор Фирсов пытливо повел взглядом по Мей, ее сжатой фигурке. Да, с этой «мисс» мороки будет много. Поэтому на помощь себе он позвал майора Афанасьева, начальника отделения следственного отдела.

«Вопрос: *Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Требуем показать все, ничего не скрывая от следствия.*

Ответ: *Я никаких преступлений перед советским государством не совершала и по этому вопросу мне показывать нечего.*

Вопрос: *Неправда, Вы, будучи враждебно настроенной к советской власти, занимались шпионской работой против Советского Союза. Покажите об этом.*

Ответ: *Я себя виновной в этом не признаю». (18 января 1949).*

«Вопрос: *Вы с сотрудниками иностранных представительств поддерживали преступную связь. Требуем показать об этом.*

Ответ: *Я в преступной связи с иностранцами не находилась.*

Вопрос: *Неправда. Вы от следствия умышленно скрываете свою шпионскую работу. Прекратите запирательство!*

Ответ: *Я шпионской работой против Советского Союза не занималась». (24 января 1949 г.).*

Она продолжала «запираться».
«Вопрос: *Вы сотрудничали с английской разведкой (...)*
Ответ: *С английской разведкой я никогда связи не поддерживала и шпионской работы в Советском Союзе не проводила...» (11 апреля 1949).*

Майор Фирсов сорвался с места, сунул под нос «мисс Мей» письмо Тикстона. А это что? Ваш Тикстон пишет: «вы тесно связаны с посольством»? А-а?»

Ее допрашивали ночами, а днем спать в камере запрещалось. Кружилась голова, хотелось спать, спать и спать...

Многое подписала тогда Мей. И все же майоры были разочарованы: версия «мисс Мей» равна Мата Хари висела на волоске.

В октябре обвинительное заключение было готово: «В течение ряда лет среди своего окружения проводила антисоветскую агитацию», имела «преступную связь с майором Тикстоном (разведчик), которого снабжала клеветнической информацией о Советском Союзе»; «имела встречу с прибывшим в Москву корреспондентом английской газеты». Из всего этого вывели рутинный опасный знаменатель: 58 статья!

Следователи майор Фирсов и майор Афанасьев, их начальник полковник Рубцов вынесли свое постановление (это делалось часто, так как в случае 58 статьи суд не предполагался, ограничивались одностраничным протоколом Особого совещания): «Назначить виновной пятнадцать лет ИТЛ... Место отбытия наказания Петерс М. Я. как снабжавшей английского разведчика шпионской информацией определить в особом лагере МВД СССР». Сие постановление утвердил прокурор Питопранов.

Особое совещание, которое штамповало свои постановления (приговоры!) тысячами, заслужив вечное проклятие бесчисленного множества осужденных по таким «запискам» людей, почему-то не согласилось с вынесенным вердиктом. Мей Яковлевне Петерс, «мисс Мей» определили десять лет ИТЛ.

На изломе. А дальше — смерть?

Вместо Лондона, куда она так стремилась, ее повезли в другую сторону. Я знаю многое о ее лагерном существовании. В Дубравлаге (женский лагерь в поселке Явас, Зубо-Полянский район в Мордовии) был порядок. Основное дело — лесоповал. Скидки не делалось никому: ни женам «врагов народа», ни уголовникам, ни шпионке «мисс Мей», имевшей заключение тюремного врача о пригодности к легкому труду ввиду порока сердца, пастозности голеней и прочих хворей. Валили лес опытные лагерницы, со стажем. Новички готовили ледяную дорогу. Вгрызались в торосы, нагромождения льда — топорами, ломами, лопатами. Волоком тащили огромные стволы, облепив их, как муравьи. Вытаскивали на берег, куда никаким трактором не подступиться. Взирал ли на все это бог с высокого мордовского неба, неизвестно.

В первую же свою лагерную зиму Мей и попала в жерло бунта. Бабы толпились и толкались у проруби, кричали, бросали вниз инструменты, вода булькала, проглатывая холодный металл в глубине. Кричали конвойные, пробовали стрелять. Сбежались начальники. Бабы понуро стояли. Без ломов, кайл, лопат...

Бунтующее месиво баб потекло в бараки. Повальный обыск, как смерч. У «мисс Мей» в изголовнике нар нашли две большие спицы — можно любого проколоть насквозь! Мей сразу же отделили ото всех. Виновница призналась — изготовила их тайно, хотела вязать. Она хорошая рукодельница... Тут же приврала (кажется, первый раз в жизни), что вышитая ею скатерть и шесть салфеток были выставлены на ВДНХ. Что с того, что все это представляла ее подруга Катя Толстых, если речь шла, может быть, о жизни и смерти. Гражданину следователю сказала: вяжу медленно, но хорошо... Мей повезло и в этот раз. Отныне она с утра до самого темного вечера рукоделила. Простое и мудреное: вышивки, свитера, шарфы. Для начальственных леди лагеря. Для самих генералов и полковников... Отважилась написать (на пятом году своего лагеря) в 1954 году обращение к «Гражданину Председателю Президиума Верховного Совета». Писала о том, как после смерти матери рвалась, чтобы вернуться в Лондон, где родилась, как получила несколько отказов. «Мое здоровье в очень плохом состоянии, и я нуждаюсь в длительном лечении, которое совершенно невозможно в условиях, в которых я нахожусь. Я убедительно прошу Вас беспристрастно разобраться в моем деле и разрешить мне выехать к моим родным в Англию. Дайте мне возможность умереть там, где я родилась. Я уверена, что Вы убедитесь, что меня нельзя обвинять только в том, что я хочу жить у себя на Родине...»

Через полгода, в мае 1955 года ей ответили отказом. Два года, как умер Сталин, а телега правосудия еще и не сдвинулась с места. Но вот наконец в Дубравлаг приехали люди с портфелями — военные и гражданские. «Комиссия Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». Поспела к этому времени и характеристика на Мей. «Учитывая хорошее поведение, добросовестное отношение к труду в местах заключения, Петерс Мей Яковлевну из-под стражи освободить». Как писал начальник Дубравлага капитан Храмов военному прокурору в Москву, это означало, что «срок наказания Петерс М. Я. снижен до фактически отбытого со снятием судимости и поражения в правах, на основании чего Петерс М. Я. из-под стражи освобождена».

«Все... выдумано следователями»

Петерс М. Я.: *«Я должна заявить, прежде всего, что никакой информации сотрудникам английского посольства и своим знакомым англичанам я не передавала. Все это выдумано следователями. Следствие же по моему делу проводилось необъективно. Я была доведена до такого состояния, что подписывала все, что подсовывал следователь.*

Что касается того, что я собиралась в Англию, то это правда. Но из этого я не делала секрета и выехать в Англию собираюсь по официальному разрешению. ***От этой мысли я и сейчас не отказываюсь,*** *так как мои родные находятся в Англии, и я родилась там. ...В связи с тем, что я считаю себя ни в чем не виноватой перед Советской властью, то прошу после проверки моего дела меня реабилитировать. ...Положение мое очень плохое, живу где придется».*

Денисова Елена Николаевна: *«Я Петерс Мей знаю примерно с 1926 года. Вместе с ней я училась в школе им. Дункан. Все время Петерс высказывала желание выехать к себе на родину в Англию. Мать ее тоже хотела туда выехать, т. к. муж Петерс ее оставил и женился на другой. В Англии у Петерс имеется, насколько мне известно, много родственников. Мне тоже известно, что Петерс официально хлопотала о выезде в Англию, но ей почему-то отказывали в этом.*

Вопрос: *Что вам известно об антисоветских высказываниях Петерс?*

Ответ: *Я со стороны Петерс антисоветских высказываний никогда не слышала.*

Вопрос: *На допросе от 26 мая 1949 года вы показывали, что Петерс была озлоблена на Советскую власть и имела антисоветские высказывания.*

Ответ: *Это записано неправильно, я таких показаний не давала и дать не могла, т. к. этого в действительности не было. Петерс лояльно относилась к Советской власти».*

Николай Ревельский: *«Я знал Петерс по Лесной школе, где мы вместе учились, как доброго, отзывчивого и чуткого товарища. Никаких практически нездоровых настроений я у нее не замечал. Следователь бегло прочитал мне мои показания и предложил расписаться. Показания свои лично я не читал и как они в действительности были записаны, мне неизвестно».*

Через несколько месяцев Николая Ревельского снова пригласил военный прокурор подполковник Химич.

«Вопрос: *Вам зачитываются Ваши показания по делу Петерс, данные 12 мая 1949 года. Правильно ли записаны Ваши показания?*

Ответ: *Зачитанные мне показания на лл. 228—232 я полностью не подтверждаю, и они не совсем правильно записаны, хотя роспись на протоколе допроса стоит моя, и я ее подтверждаю. Помню, по делу Петерс меня допрашивали часов 5 подряд днем, на Лубянке. Следователь добивался все время от меня компрометирующих материалов на Петерс и упрекал меня, что я якобы что-то о ней знаю, что скрываю от следователя. ...После всего разговора со следователем он составил протокол допроса, который мне зачитал. Правильно ли зачитывал следователь написанное в протоколе допроса, я сказать не могу, но теперь я убедился, что следователь неправильно записал в протокол о том, что я от Петерс слышал антисоветские высказывания. Если бы это было так, то меня надо было бы привлечь за недоносительство. На самом деле я от Петерс никогда и никаких антисоветских высказываний не слышал и вообще с ней на политические темы я разговоров не имел. Петерс от политических вопросов была далека и не читала даже газет. Петерс больше всего интересовалась театрами, джазовой музыкой и всякими бытовыми вопросами».*

Дмитриев Игорь: *«6 ноября 1947 года я был арестован в г. Москве органами МГБ. На следствии меня обвинили в шпионаже, а затем осудили Особым совещанием по ст. 58—10 УК РСФСР. В 1956 г. я был реабилитирован определением Верховного суда СССР, и мое дело было прекращено за отсутствием состава преступления. В том же 1956 году был реабилитирован и мой отец — Петерс Яков Христофорович... У меня имеется сводная сестра Петерс Мей Яковлевна, которую я до сих пор еще не видел с 1947 года и думал, что она уехала в Англию к своим родным. Петерс Мей Яковлевну я знал как честного, доброго человека. Она имела желание во время войны выехать в Англию к своим родным, и она об этом говорила. ...Свой отъезд в Англию она мотивировала не политическими соображениями, а просто хотела уехать к родным и там получить какое-то наследство. Помню, в процессе следствия по своему делу я был допрошен и о Петерс М. Я. Какие я о ней дал тогда показания, я сейчас не помню, но могу сказать, что мои показания записывались необъективно, под давлением следствия, и на допросах у меня была лишь одна мысль, как бы заснуть».*

Домой!

«Мисс Мей» ночевала у своих подруг и знакомых. Вырастила цветок и каждый раз, как переходила в другое место, забирала цветок с собой. Какое-то время ютилась в семье Кати Толстых. В квартире, где жили девять взрослых и детей, нашлось место для десятого. Когда Мей наконец получила свою комнату, цветок она оставила Толстых в знак благодарности за тепло. Как жила? Рукоделила: шарфы, телогрейки, джемперы. Продавала, но больше дарила. Рассматривала себя в зеркале и ужасалась. Да, Луи не узнал бы ее: ни шелковистых бровей, ни черно-карих глаз с веселыми огоньками, огрубели руки... Школа Дункан... встречи с Луи... Неужели все это было с ней? По улице ходила осторожно, даже с опаской, жалась ближе к домам. Из Лондона шли письма и маленькие посылки (шоколад, сигареты) от тетушек Флоренс и Кларк. Часто писал дядя Джордж. Неутомимый мистер Джордж Фримэн, брат покойной мамы! Сколько он, транспортный рабочий из Крауд-Энда, проявил энергии, чтобы вернуть свою племянницу домой. Во время войны, когда Англия и Советы были союзниками, он четыре года провел в напряженных переговорах с английскими дипломатами. Москва или обещала, или молчала. Он показывал корреспондентам газет сертификат о рождении Мейдзи, в нем было ясно написано: родилась в Лондоне. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как он держал на руках свою маленькую родственницу Мейдзи. И разве она не заслужила того, чтобы вернуться домой. Маленькая живая комета Мейдзи-Мей — «мисс Мей»!..

Мистер Джордж Фримэн с женой плыл в Россию. Плыл, отбросив тяжесть своих лет и предвкушая необычную встречу. Белый пароход дымился красными трубами. Волны танцевали у борта, и самое море воодушевляло мистера Джорджа Фримэна на чудеса и приключения. Разве не чудо — он скоро увидит Мейдзи! Лишь в конце пути вспенились морские валы, послышался свист разбойных ветров. Море свирепело...

В порту он сошел неким победителем. Снисходительно-благодарно улыбался таможенникам. Молодые лейтенанты с красными звездами на военных фуражках отдавали честь смешному англичанину... И никто не пытался его арестовать, как предрекали в Лондоне. Не было препятствий для его миссии. Посольство Великобритании подтвердило ранее данные гарантии: если Мей Петерс получит разрешение вернуться в Лондон, ей будет немедленно выдана виза.

Мистер Фримэн ехал как на праздник, гордился своей племянницей. В посттоталитарной России все больше объявлялось «диссидентов».

...Свидетельница их приезда вспомнила такую деталь: «Он прибыл с женой. Я хорошо запомнила: на ней было очень красивое платье, которое мне страшно понравилось, и я после по такому же фасону сшила себе туалет». Каких-либо других подробностей она не могла вспомнить.

Мистер Джордж Фримэн добрался до Москвы в роковой день. Именно в этот день та, которая носила имя Мейдзи, Мей-младшая, а в общем «мисс Мей», сделала свой последний вздох. Свершилась и эта жизнь. Жизнь, какой сделало ее время и люди, через чьи руки, меж пальцев, струится вечность времени.

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

«Противные изящному вкусу»

Мундир Олонецкой губ. 1802 г.

Как мы помним, в XVIII веке губернские мундиры стали наиболее популярной формой одежды. Они были «приятны всем», а заодно служили «...сбережению достатка». Но весной 1826 года высший гражданский чин империи — председатель Государственного совета светлейший князь П. В. Лопухин объяснил, что он не хочет «явиться на коронационные торжества» в простом каком-либо губернском мундире... которые ныне вовсе почти вышли из употребления». Что же произошло?

В первые годы царствования Александра I меняется фасон губернских мундиров. Вместо прежних «немецких» кафтанов с отложным воротником вводятся «французские» со стоячим воротником и с вырезом юбки кафтана спереди. В этой связи очень любопытен мундир Олонецкой губернии, установленный летом 1802 года. Его воротник — еще отложной, на высокой стойке — явно на пути к превращению в стоячий. Обшлага рукавов гораздо уже, чем это было принято в конце XVIII в. Вырез юбки спереди еще не обозначен, но полы ниже пояса не сходятся. Затем полы стали плавно закругляться (обрезаться) книзу и переходить сзади в фалды.

К 1805 году мундиры всех губерний были заменены новыми двух несколько различающихся покроев: один — с косым (наклонным) разрезом карманов с 4 пуговицами и таким же количеством пуговиц вдоль по рукаву выше обшлагов другой — с горизонтальными клапанами карманов с 3 пуговицами и 2 пуговицами на обшлагах (те и другие карманы — сзади). На пуговицах (желтого или белого металла) стали чеканить гербы губерний.

Одновременно со сменой фасона мундиров иногда изменялись цвета воротников и обшлагов. В 1805 году курляндский губернатор ходатайствовал, чтобы голубые воротники губернских дворянских («рыцарских») мундиров дополняло серебряное шитье. Ему в этом было отказано на том основании, что шитье «ни в каком губернском мундире не употребляется».

Парадный мундир губернского предводителя дворянства 1832 г. с золотым шитьем.

Переход на новый фасон мундира закрепил указ от 3 августа 1809 года. Устанавливалось, что губернский кафтан сохранял темно-зеленый цвет с зеленой же подкладкой (для Петербургской губернии — красной); «камзол и исподница» (в данном случае — штаны) должны быть белыми. *«Прочие же между губерниями различия,*— разъяснялось в указе,— *состоят в воротниках, обшлагах, выпусках или опушках»* (т. е. в их цвете и материале — сукно или бархат). В зависимости от цвета воротника и обшлагов устанавливалось восемь «разборов» (групп) мундиров: 1 — красный, 2 — голубой, 3 — светло- и темно-зеленый, 4 — черный, 5 — темно-синий, 6 — фиолетовый, 7 — малиновый и 8 — оранжевый

Вскоре губернские мундиры стали настолько обыденны, что «не делали» на современников *«никакого впечатления»* и стали казаться *«противными изящному вкусу»* (особенно когда их носили пожилые и полные люди).

В апреле 1824 года цветовые различия губернских мундиров несколько изменили *«сообразно разделению губерний на округи управления генерал-губернаторов».* Красные воротники и обшлага остались на мундирах Петербургской и Московской губерний. Широкое распространение получили «опушки» по воротнику, обшлагам и бортам мундиров. Все это детально разъяснялось в законе с приложением рисунков

Осенью того же года Закон о реорганизации купеческих гильдий предоставил право носить губернские мундиры со шпагой купцам первой гильдии — не дворянам. По закону они «составляли особый класс почетных людей в государстве». Право на мундир считалось особой привилегией купечества. Купцу полагался *«мундир той губернии, где он записан».* Лишь в середине 1854 года купеческие мундиры стали отличаться от дворянских: с темно-зеленым воротником и обшлагами, отделанными красным кантом. Губернская принадлежность купеческих мундиров определялась по пуговицам, на которых обозначались название губернии и герб.

1 января 1831 года различие между мундирами разных губерний по цвету воротников и обшлагов было ликвидировано: отныне их начали кроить из красного сукна. Одного цвета — золотые (т. е. желтого металла) — стали и пуговицы. Отличие мундиров разных губерний теперь заключалось лишь в чеканке на пуговицах, изображавшей герб и наименование губернии.

Вслед за тем законом 1 мая 1832 года «О введении по всему государству дворянских мундиров» эти мундиры выделили из всей массы губернских мундиров и реформировали. Прежние же мундиры становились парадными. Несколько изменился их фасон: вырез юбки кафтана спереди получил более определенное очертание. Вместо трех пуговиц на обшлагах полагалось лишь две. Рисунки пуговиц утвердил сам император: в центре под императорской короной герб губернии, по низу ее наименование. Вводилось золотое шитье общего для всех губерний «вновь установленного рисунка». Губернские предводители дворянства получали его на воротник, обшлага и карманные клапаны Уездные — имели то же шитье на воротнике и обшлагах (те и другие сохраняли это шитье и после окончания службы по выборам дворянства). Дворяне, ранее служившие на государственной службе, получали его только на воротнике.

Вместе с тем дворянскую

форменную одежду дополнили повседневной: темно-зеленым мундирным фраком (двубортным на шести форменных пуговицах) и однобортным сюртуком (на 8 пуговицах) с темно-зелеными суконными воротниками и обшлагами. Сюртук, имевший полную юбку, предназначался для одевания как на мундир (в качестве наружного платья), так и вместо него. Еще в марте 1831 года разработали его проект с отложным воротником, который (к 1 мая 1832 года) заменили на стоячий.

Образец мундирного фрака, который должен был служить вицмундиром (заменял парадный мундир в менее торжественных случаях), Николай I утвердил 2 апреля 1831 г. Парадные кафтаны дополнялись белыми штанами до колен (для чинов пяти старших классов) или длинными брюками под цвет кафтана; такие же брюки надевались с сюртуком и фраком.

В начале 1830-х годов к черной треугольной шляпе добавляется черная «пуховая» (фетровая) круглая шляпа с полями и темно-зеленая суконная фуражка с красным околышем. Они носились соответственно с мундирным фраком и сюртуком. Со временем фуражка получила широкое распространение в быту как знак дворянского достоинства.

К парадному мундиру и сюртуку полагалась шпага.

Все эти новшества подтвердил закон 27 февраля 1834 года, установивший общую систему всех гражданских мундиров в империи и включавший особый раздел «О дворянских губернских мундирах».

В начале царствования Александра II (1862 г.) пересмотрели многие атрибуты государственной геральдики: гербы, знамена и мундиры. Предполагалось присвоить предводителям дворянства новый красочный

Рисунки мундиров всех губерний, утвержденные Александром I 31 июля 1809 г.

Проект парадного мундира губернского предводителя дворянства 1855 г.

Воротник губернского мундира 1832 г. с золотым шитьем.

Условные обозначения цветовых различий губернских мундиров по закону 14 апреля 1824 г.

Верхняя часть каждого прямоугольника обозначала воротник; на нижней части слева указан цвет пуговиц и опушка по борту, а внизу — цвет обшлагов или опушки на них (когда обшлага были под цвет мундира). По закону 1824 года карманы могли быть только с горизонтальным разрезом. По губерниям были разосланы «образчики сукон» разных цветов, с тем чтобы «на воротниках... оные непременно употреблялись».

мундир «во вкусе XVIII в.» (его проект удалось обнаружить в архиве). Однако реформа дворянских мундиров (вместе со всеми гражданскими мундирами) была не столь значительна. Ранее существовавшую форменную одежду дворян сохранили. Но парадный мундир приобрел полную юбку, а сюртук стал двубортным и получил отложной воротник, что позволило носить его с расстегнутым воротом. На мундирах, фраках и сюртуках сохранялись медные матовые выпуклые пуговицы с губернскими гербами. Белые короткие штаны вскоре упразднили.

В таком виде дворянская форменная одежда просуществовала фактически до Февральской революции 1917 года. Единственное существенное дополнение к ней относится к апрелю 1913-го. Тогда дворянам разрешили в летнее время *«вместо установленных полукафтанов при треугольной шляпе носить... белый летний двубортный сюртук с золотыми пуговицами с гербом империи под императорской короной и фуражку с красным околышем при белом чехле».*

Как видно, весь период своего существования губернские мундиры выглядели довольно скромно. Фасон и цвета часто менялись. Это, конечно, затрудняет восприятие их эволюции, но вместе с тем создает хорошие условия для хронологической и территориальной атрибуции мундиров (в особенности портретов персонажей в мундирах).

В 1993 году журнал продолжит публикацию «Мундирных очерков». Мы познакомим вас с мундирами губернской администрации, высших органов власти, основных министерств; расскажем о мундирных реформах 1834, 1855—56, 1904 годов.

Разводная запись XVII века

Свидание в тюрьме.

Слово о некой старице и постнице.

Наказание жены греховной.

Иллюстрации воспроизводятся по рукописи «Лекарство душевное» 1675 г. (ОР ГБЛ. Ф. 92. № 54. Л. 257. М. 254; Л. 56. М. 53; Л. 264. М. 261; Л. 26. М. 103, 23; Л. 82. М. 79).

Развод в Древней Руси — явление редкое, но не уникальное[1]. Православная церковь рассматривала брак как вечный союз, но в определенных случаях признавала возможность его расторжения. Случаи эти зафиксированы в Кормчих книгах — сводах церковных и светских законов и правил. Бракоразводные дела находились в ведении церковного суда, а в XVII веке стали прерогативой патриарха.

Оснований для развода существовало довольно много — совершение государственного преступления, покушение на жизнь супруга, неспособность к супружескому сожитию, растрата мужем приданого жены, жестокое с ней обращение и некоторые другие. Но главным считалась супружеская неверность, чаще всего — жены. Ее поведение вне дома жестко регламентировалось: по «Уставу князя Ярослава» поводом для развода в среде знати могло быть общение женщины с чужими людьми без разрешения мужа. Наиболее частым формальным поводом для расторжения брака служили болезни или физический недостаток супруги, при котором она постригалась в монастырь. Не всегда такое пострижение было добровольным. Вспомним знаменитые разводы русских государей: Василия III — с Соломонидой Сабуровой, якобы из-за ее бесплодия, Ивана Грозного — с Анной Колтовской и Анной Васильчиковой, Петра I — с Евдокией Лопухиной.

Принимая решение о разводе, церковный суд не брал на себя регулирование имущественных и иных отношений, вытекающих из расторжения брака. Это уже было делом самих заинтересованных сторон. Поэтому развод (как и брак) обязательно сопровождался составлением частных актов — договоров, определявших дальнейшие взаимоотношения супругов. Таких договоров с XVII века было известно только два. В 1675 году жена посадского человека Ивана Земляникина Меланья дала мужу отпись, что «добровольно своей охотою, а не от мужни изгонки изволила постритца во иноческое житие по упрощению и по совету с мужем своим для своей немощи и скорбности»; жена крестьянина Григория Тиханова Парасковья в 1697 году при пострижении разрешила «мужу поволно на иной жене законным браком ожениться»[2].

Предлагаем вниманию читателей неизвестную ранее разводную запись, обнаруженную в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Запись составлена в 1687 году в связи с расторжением брака между Никифором Илларионовичем Исленьевым и Соломонидой Петровной (дочерью Петра Ивановича Кожина). Исленьевы и Кожины — довольно известные дворянские фамилии.

Обстоятельства этого развода не вполне ясны, но, судя по всему, Соломонида не собиралась постригаться, а уходила от мужа жить к родственникам. Повторяющееся обязательство Исленьева «не бранить, и не бесчестить, и не упрекать, и ничем не порочить» бывшую жену и ее родственников позволяет предположить, что причиной развода мог быть его крутой нрав. Возможно даже, инициатива развода исходила от женщины: муж обещал «жить с нею не бить челом». В документе почему-то ничего не сказано о приданом, часто являвшемся в XVII веке предметом спора между родственниками не только при разводе, но и в случае смерти жены.

Список з записи слово в слово[3]

Се аз Никифор Ларионов сын Исленьев в нынешнем во сто девяносто шестом году [4] февраля в третий день дал я Никифор на себя сию запись жене своей Соломаниде Петровой дочери Иванова сына Кожина и сродникам ее в том: Как пожалует меня святейши(й) патриарх, укажет с нею женою моей Соломанидою меня Никифора развесть, и впредь мне Никифору после сей записи и розводу на нее жену свою Соломаниду впредь, что жить с нею не бить челом, и ее жену свою Соломаниду после сей записи и розводу мне Никифору не бранить и не бесчестить, и не упрекать, и ничем не порочить. А что прожил я Никифор с нею женою своею Соломонидою три дочери девки Устинью, и Татьяну, и Анну, и как те дочери мои девки Устинья, Татьяна, Анна, будут в возрасте, и мне Никифору тех дочерей своих выдать замуж и приданного за ними дать по сто рублей за всеми тремя, да ис поместья своего по крестьянину з земли, з женами, и з детьми, и с их крестьянскими животы[5].

А будет я Никифор впредь после сей записи и розводу ее жену свою Соломаниду стану бранить и безчестить, или упрекать, или чем порочить, или стану бить челом, чтоб с нею женою своею Соломанидою после сей записи и розводу жить, или сродников ее стану бранить и безчестить, и упрекать, или чем порочить, или дочерей своих девок Устинью, Татьяну и Анну, как они будут в возрасте, замуж не выдам и приданного по сту рублей за всеми тремя да по помесному крестьянину з земли, з женами, и з детьми, и с их крестьянскими животы не дам, или хотя в чем против сей записи, что писано в сей записи, в малом не устою, и на мне Никифоре взять ей жене моей Соломониде и сродникам ее после сей записи за всякую неустойку по триста рублев денег. А ся запись и впредь в запись.

А у сей записи послуси[6]: Конон Буйволов, Дмитрей Михеев, Яков Васильев, Афонасей Иевлев, Яков Андреев.

А подлинную запись писал Ивановские площади подъячей стольника и полковника Дмитреева полку Романовича Жукова стрелец Никишка Челнаков[7] лета 7196-го году февраля в третий (ень).

У подлинной записи позади пишет:

К сей записи Никифор Исленьев руку приложил.
Послух Конон руку приложил.
Послух Митька руку приложил.
Послух Яков руку приложил.
Послух Афонька руку приложил.
Послух Якушко руку приложил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наиболее детальными исследованиями по этому вопросу остаются работы юристов прошлого века Н. Н. Способина («О разводе в России». М., 1881) и А. И. Загоровского («О разводе по русскому праву». Харьков, 1884). См. также статью Я. Н. Щапова «Брак и семья в Древней Руси» («Вопросы истории». 1970. № 10) и книгу Н. Л. Пушкаревой «Женщины в Древней Руси» (М., 1989).
2. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 425.
3. Традиционная формула, подчеркивающая точность данной копии (списка) конца XVII века.
4. Имеется в виду 7196 год «от сотворения мира», или 1687 год по современному летосчислению.
5. «с их крестьянскими животы» — то есть с их имуществом.
6. «послуси» (послухи) — свидетели.
7. В XVII в. существовал институт площадных подьячих — частных нотариусов. В Москве они собирались на Ивановской площади Кремля. В конце века промысел площадных подьячих стал привилегией стрельцов (полки назывались по имени их командиров).

Предисловие и публикация
Н. БОШКОВСКОЙ *(Швейцария)*,
Б. МОРОЗОВА,
кандидата исторических наук

Слуга следит за свиданием.

Боярыня в тереме.

Воин и жена.

«Время и мы»

Мы выпустили в свет 115 книжек «Время и мы» — это не только сотни увидевших свет литературных работ и открытий и не только кладезь информации. Это целый мир, который давно уже вышел из-под моего редакторского влияния и живет по собственным законам. Я абсолютно уверен, что журнал «Время и мы» будет долго жить и останется важным источником познания эпохи.

Однажды писатель и большой остряк эмиграции Сергей Довлатов сказал о журнале: «Время и мы» — странный журнал. Прозы нет, поэзии нет, критики нет, а журнал — хороший». Не знаю, что он имел в виду, но высказана интересная мысль: уровень журнала не всегда зависит от публикуемых в нем вещей, а определяется как бы всей работой редакции.

Название журнала родилось дискуссионно, в сражении. Об этом мы спорили до хрипоты по телефону с М. Тартаковским, известнейшим ленинградским кардиологом, нашим яростным энтузиастом. Он подбирал прозу и настаивал на названии «Время» — чистом, как слеза ребенка. Мы спорили как два израильских еврея, долго и беспросветно нудно. Он говорил: «Время». Я отвечал: «Тривиально! Главное — это «Мы»!» Он говорил: «Выпендреж! Кто это мы? Николай Второй?» — «Время — это «Таймс»... А я считаю — «Мы»,— стоял я на своем. «Знаешь, у меня уже нет сил,— простонал Тартаковский,— не по-твоему, не по-моему: «Время и мы».

О том, как рождались публикации, можно долго рассказывать. Многое родилось, как это часто бывает, в творческой работе, ненароком, из случайных бесед и встреч. В 1976 году, когда журнал только становился на ноги, мы ехали вчетвером на машине в Иерусалим: я, мой тогдашний зам — историк Борис Орлов и наши жены. В этот вечер президент Израиля Эфраим Кацир должен был вручить мне премию Иерусалимского университета за книгу «Покинутая Россия». В предвкушении банкета мы весело и ни о чем болтали. И Орлов стал рассказывать, что наткнулся на один любопытный документ, связанный с покушением на Ленина. Поражало в нем отсутствие серьезных улик, изобличающих в покушении печально знаменитую Фанни Каплан. Вот если бы была найдена другая фигура, замешанная в этом деле. Это была бы бомба! Орлов позвонил мне через неделю, перерыв кучу материалов... Многие документы говорили, что в Ленина стреляла не Каплан, а ее товарищ по партии, эсерка Лидия Коноплева. Так появилось эссе «Миф о Фанни Каплан», ставшее сенсацией года. Или, например, напечатанные в 55—56 номерах воспоминания тайного цензора МГБ Леопольда Авзегера «Я вскрывал ваши письма». Это тоже была сенсация, родившаяся из письма в редакцию читателя нашего журнала. Мы опубликовали мемуары сегодня уже легендарной Марии Иоффе, ближайшей соратницы Троцкого и жены первого советского посла в Германии Адольфа Иоффе. Когда она говорила, что вся ее жизнь связана с революцией, с Троцким, это были не пустые слова. Именно ей, кстати, Троцкий в момент высылки из Москвы продиктовал свое политическое завещание и своими руками запрятал в ее волосах. За ее спиной двадцать лет сталинских лагерей и тюрем.

Из прозы мы опубликовали весьма неожиданные вещи: «Тьму в полдень» Кестрела и «Извещение» Зиника, «Искупление» Горенштейна и повесть Галича «Блошиный рынок», книгу Орлова «Тайная история сталинских преступлений» и «Жизнь Александра Зильбера» Карабчиевского, главы из «Палисандрии» Саши Соколова и философское эссе об искусстве Неизвестного.

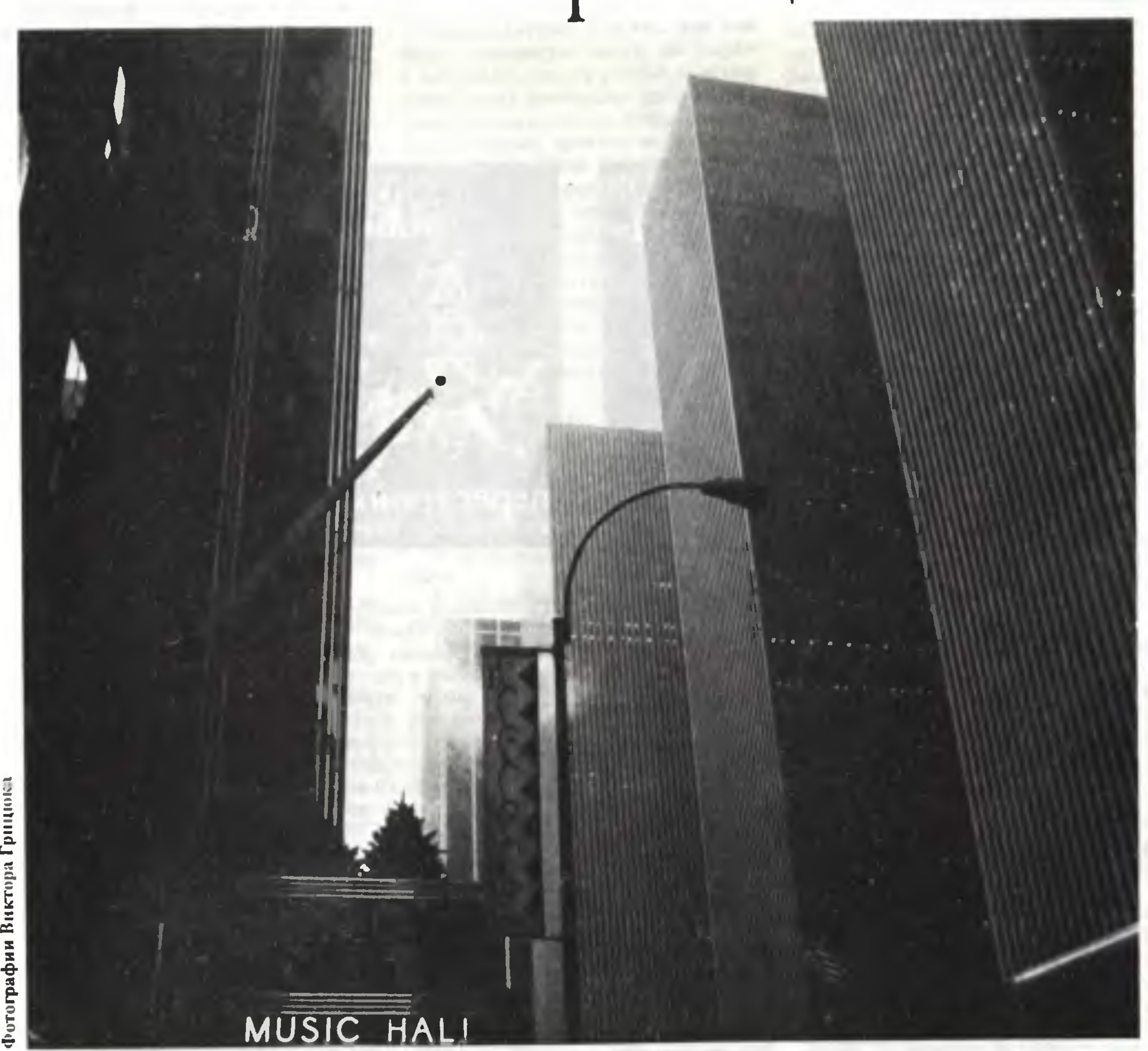
Международный демократический журнал литературы и общественных проблем «Время и мы» издается в Нью-Йорке. Создан он в 1975 году, создан фактически на моем кухонном столе, поскольку никто не хотел давать разрешение на его издание. Но мы очень хотели, чтобы нашла выход энергия творческой интеллигенции, волею судеб оказавшейся за рубежом. Тиражи у эмигрантских изданий небольшие. Наш не исключение — три тысячи. Но то, что мы выходим уже восемнадцать лет и выпустили 115 номеров, говорит о многом. У истоков «Времени и мы» стояли Виктор Некрасов, Иосиф Бродский, Лидия Чуковская. Среди авторов Сол Беллоу, Олдос Хаксли.

Мы всегда стремились выйти за рамки идеологии — это настоящий либеральный журнал, в котором представлены самые разные точки зрения. К примеру, когда еще в СССР широко обсуждалась работа И. Шафаревича «Русофобия», мы дали из нее самую острую главу, а поспорил с Шафаревичем на страницах журнала Ефим Эткинд. Думаю, что границы между нашими странами стерлись быстрее на страницах нашего журнала, чем в жизни.

Среди авторов «Времени и мы» немало россиян, есть среди них и настоящие поклонники. Например, композитор Никита Богословский сразу же сообщает, что не получил вовремя такой-то номер. Рой Медведев имеет подшивку «Время и мы», Елена Боннэр рассказывала, что Андрей Дмитриевич Сахаров тоже имел у себя дома наш журнал.

ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН,
главный редактор журнала «Время и мы»

Незнакомые американцы

Фотографии Виктора Грицюка

ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ

1.

Дорогие друзья!

Америка дико разнообразна. Об этом здесь любят твердить, мешая вам высказывать свои обобщения. Наверное, это так, хотя пока образ американского интеллигента формируется в моем сознании поразительно легко, словно мне удалось по какому-то везению схватить сразу главную латентную переменную. А таковой является (притом не только для интеллигентов) их невиданный индивидуализм. Его-то сразу перебороть, даже осознать совсем не просто, потому что он находится в вопиющем противоречии с нашей московской подкультурой и, быть может, со всей русско-советской культурой вообще.

Маниакальный акцент на своем «Я», на «прайвеси» лишил амерканца того, что мы больше всего ценим в жизни — детей и друзей. Первых он буквально выталкивает из дому, как только это позволяют приличия, но не позже, скажем, восемнадцати лет. После этого они, то бишь родители, начинают в полной мере наслаждаться простором в доме, состоящем из дюжины (или что-то в этом роде) комнат. Я думаю, что мысль об орущих в их доме внуках просто может свести их с ума. Нет у них в связи с этим и особой боязни перед одинокой старостью, которая преследует воображение россиян. Они очень доверяют своим сбережениям, платным услугам и вовсе не озабочены, как мы, «благодарностью детей». Плевать они хотели на нее, и ни в чем не намерены себя ущемлять ради этого весьма призрачного (и как они правы!) блага.

Как вы понимаете, друзьям достается еще больше. Прежде всего один фундаментальный социально-демографический фактор, относящийся... к подвижности среднего класса. Американский интеллигент, т. е. лицо с профессией,— типичный кочевник. Уверяют, что в нашем кампусе четвертая часть ежегодно меняет место жительства. Но, конечно, дело не только в этом. Поглощенные бесконечными проблемами комфорта, превращением своих домов в музеи, а в связи с этим тщательными калькуляциями разного характера, особенно в их отношениях с государством, они прямо-таки оказываются лишенными сил и эмоций для духовных деяний, для которых только и нужны настоящие друзья. Им не нужны друзья ни для обсуждения грядущих опасностей, ни для того, чтобы объединяться против врагов и т. д.

Индивидуализм был бы невозможен, если бы американцы были более любопытны в нашем понимании. Они ни о чем друг друга не расспрашивают, никогда не беседуют на профессиональные темы дома, не интересуются тем, что делается в смежных областях, однако с редкой для наших гуманитариев детальностью изучают свою профессиональную литературу, следят за всеми новинками и т. д.

Но зато все они необычайно благожелательны, великодушны. Американец — идеальный партнер на средней дистанции, т. е. как коллега, как работник сферы обслуживания, как незнакомец на улице или в общественном транспорте или в других общественных местах. В этом качестве он даст форы среднему нашему соотечественнику. Его готовность тебе помочь, чем-то облегчить твои проблемы прямо-таки удивительна. Требуется время, чтобы ко всему этому привыкнуть и не радоваться в каждом отдельном случае.

В какое бы учреждение ты ни зашел, ты можешь быть твердо уверен, что (насколько позволяет бюрократическая процедура) тебе во всем пойдут навстречу. Это создает своеобразное чувство психологического комфорта, незнакомого мне раньше. Конечно, это сочетается с постоянным беспокойством по поводу возможного акта насилия или воровства. Американцы в значительной степени решают для себя эту проблему, исключая из сферы посещения или вообще, или в вечернее время целые районы городов.

Автомашина, как и другие механизмы, сильно повлияла на личность в этой стране. Наличие же машины резко ослабило опасность насилия. У американца практически никогда не возникает желания пройтись пешком там, где не следует (или считается, что не следует) бывать. Кстати, бегают амерканцы в большом количестве, включая своего президента. (Этот парень несколько месяцев назад участвовал в забеге, и так активно, что упал в обморок.) Однако пешком они почти не ходят. Первое время им казалось, что мы без машины погибнем или замучаем их просьбами подвезти. Однако те расстояния, которые кажутся им астрономическими, с нашей точки зрения — тьфу! И мы прекрасно и не без удовольствия шагаем, как в древние городошные времена, по кампусу (кстати, действительно прекрасному — он красивее, чем прославленный Беркли, не говоря уже о Гарварде и ряде других городов, где я уже побывал). Деформирует американца не только машина. Это же делают с их потомками дешевые калькуляторы и десятки телеканалов (после повсеместного распространения кабельного телевидения в нашем кампусе этих программ стало два десятка). В результате таблица умножения усваивается одаренным меньшинством, как и техника письма.

Плановость в жизни амерканца доводит до одурения. Вот уж действительно бодливой корове бог рог не дает. Ох, что бы они стали делать, если бы они построили Госплан? А пока они доводят себя до исступления внутрисемейными и учрежденческими планами. Так, вопрос о том, где они будут отдыхать, какого числа и в котором часу они выедут к месту отдыха, определяется за шесть-восемь месяцев, если не раньше. Например, я приглашен выступать в Колумбийский университет. Так вот. Уже примерно месяц назад было решено, что дата выступления — 29 января, час такой-то. Не дико ли это? А их «парти», т. е. приемы? Вы должны разослать приглашения или позвонить по телефону примерно за месяц всем гостям, это распространяется и на близких приятелей.

Все они ведут свои календари и точно знают, когда на протяжении двух, скажем, месяцев появится у них родственник из Сан-Франциско или откуда-то еще. Может быть, это и неплохо, даже хорошо, но пока меня это жутко раздражает.

Индивидуализм привел к тому, что дисперсия у них по всем показателям во много раз больше, чем в России.

Вот уже десятый год идет в Нью-Йорке представление «О Калькутта». Заплатив за билет очень приличную сумму, я появился в театре, где тотчас же увидел, как четыре голые пары бегают по сцене. Боже мой, если бы Любимов мог обнажить лишь пятую часть того, что сделали бездарные режиссеры здесь, то он бы сотворил остроумный и веселый спектакль. Здесь скукота неимоверная (кроме одной сцены). Так вот, никто из знакомых мне американцев не бывал на этом представлении и не собирается этого делать, равно как и читать хотя бы один из сотни (это примерно, надо подсчитать точнее) порножурналов. Зато уж любитель этого жанра получит полную возможность изучать любые и всевозможные интересующие его проблемы, темы и разделы вдоль и поперек. Но все это для большинства просто не существует.

Американский индивидуализм находит свое яркое проявление в политической жизни. Многое по-настоящему удивляет. Прежде всего глубокая убежденность каждого в его праве иметь и, само собой, отстаивать свою точку зрения по любому вопросу, требующему специальных знаний. Американец с возмущением отвергает мои доводы, что, например, по поводу целесообразности использования атомной энергии ему лучше бы помолчать и послушать, что говорят специалисты. Повышение уровня образования сильно способствовало этому обалделому вмешательству во все и вся.

По-моему, это одна из серьезных причин, почему американская политическая машина кажется часто неэффективной. Но в то же время эта глубокая вера в свое личное, индивидуальное достоинство делает американцев очень гражданственными, включенными во все крупные политические события страны и мира (конечно, до известных пределов).

Американская мания самостоятельности, индивидуальности во многом объясняет и роль материальных факторов в их жизни, в частности накопительства. Ну конечно, по щедрости они, ой как уступают «нашим». Не сразу даже понимаешь, что те или иные действия продиктованы именно расчетливостью. Некоторые мои близкие знакомые в СССР очень быстро бы освоились с этой ориентацией, требующей экономии и, что особенно тяжело, непрерывных калькуляций. Но это никак не ослабляет их желания помочь вам и даже жертвовать немалые деньги на благотворительные цели, что, я не уверен, делали бы все те же жители СССР.

Положительным следствием американского зацикливания на себе является уважительнейшее отношение к другой личности и полное к ней доверие.

Американцы любят документы, по-моему, даже больше, чем в Союзе. Частично это объясняется налогами — американец вечно ведет мысленный диалог с налоговым управлением и соображает, какие конкретно расходы могут уменьшить ненавистный налог. Поэтому он хранит буквально все официальные бумажки: не только все билеты, но все счета, договоры

и т. д. И любая бумага не вызывает у него ни малейших сомнений.

Замечу еще, что публика очень спокойна, никуда не торопится, в общем, весела и очень, очень терпима. Терпимость — это тоже производная от нашей латентной переменной. Они терпимы, слава Богу, к языку, к вашим обычаям, к вашей преданности своей родной культуре, к абсолютно разным точкам зрения, в результате чего (об этом отдельно — о социологии) разнобой в науке неслыханный. Можно, например, встретить умного (вроде бы), во всяком случае, доброго человека, который, будучи специалистом по Китаю, ищет положительные черты в маоизме и чуть ли не в культурной революции. Публично, скажем, в выступлениях или лекциях, но даже и в гостиной. Прослыть здесь за расиста прямо-таки опасно для вашей карьеры. По этой же причине только нобелевский лауреат может рискнуть рассуждать в открытую о важной или тем более решающей роли генетического фактора для интеллекта. Студенты и профессора будут срывать его лекции, свистеть во время оной, но он все-таки сохранит свои позиции в академическом мире.

Влияние общественных табу либерального толка значительно, но мне без особого труда удавалось доказывать обалдевшим от удивления американцам, что в конечном счете правду-матушку говорить нигде толком нельзя. Причины просто разные, а благородство мотивов, по которым мне надо в публичных выступлениях избегать или даже деформировать мою истинную позицию, не может служить доказательством того, что одна ложь имеет преимущество перед другой.

2.

На этот раз я хочу поразмышлять на тему трудную, спорную — феноменологическую — и о том, что с ней связано.

Правда и ложь в этой стране. Возьмем быка за рога. Это не верно, что оба эти вещества равномерно распределены в этом мире. Кто-то из нас защищал такое предположение. Конечно, возможности для изложения здесь своего мнения тоже в чем-то ограничены. Вместо государства, в этом отношении абсолютно беспомощного (например, его жалкие попытки повлиять на распространение информации в связи с иранскими событиями), ограничительную роль играет общественное мнение.

Можно утверждать, что в настоящий период американской истории тон в обществе задают либералы. Не отвергая, как и все другие течения, индивидуализм как основополагающую ценность, они придают огромное значение интересам и правам «других», и прежде всего меньшинств любого толка, максимальному уважению личности «другого». Поэтому вашу негативную точку зрения на негров (кстати, упаси вас Бог, использовать в разговоре этот термин, а не принятый здесь — «черные») лучше всего держать при себе. Притом не только пу-

Но, ради Бога, не думайте, что местные интеллектуалы, не говоря уже о простом народе, согласно моему мнению, столь же обеспечены истиной, как американские студентки джинсами. Ничего подобного. В целом, мне кажется, что каждый из нас наголову мудрее подавляющего числа тех, с кем я сталкивался. У нас с вами за плечами две социально-экономические формации, а у этих бедняг только одна, да и то с инфантильным опытом,— кроме кризиса 30-х годов, у них за душой ничего нет.

Вообще-то я никогда не принимал всерьез разговоры о том, что молодость страны может как-то сказываться на ее интеллектуальном потенциале. Между тем это так. Интеллектуальные традиции и особенно исторический опыт — вполне реальные факторы, которые в немалой степени ответственны за те глупости, которые мы наблюдаем в наши дни (например, отношение к событиям в Китае).

Пора, однако, сделать обобщения. Так вот, товарищи и господа, искаженные картины мира формируются здесь под влиянием: органической оппозиции к своему правительству; непонимания роли политического фактора, роли государства; стремления к комфортности мышления, и прежде всего сохранения собственной либеральной модели мира.

Когда я приехал в эту страну, я полагал, что в основном все про нее знаю. И действительно: после первого тура разговоров с друзьями я установил, что они не могли мне сообщить ни одного неизвестного мне фундаментального факта из жизни этой страны. Впрочем, и мне ни о чем принципиально новом не удалось им рассказать, за исключением некоторых разногласий между интеллигентами по одному острому вопросу. Более того, об Америке я знал массу вещей, которые им были неизвестны. Одним из слагаемых удачи моих первых выступлений было мое успешное оперирование интимными подробностями американской общественной жизни.

Однако где-то на рубеже четырехмесячного пребывания здесь я понял, что был самоуверен. Не тут-то было. Ибо если я должен доверять своей модели, то эта страна находится прямо-таки на грани катастрофы. Впрочем, среди американцев есть известная доля пессимистов, разделяющих именно этот взгляд. Один очень тонкий, умный, независимо мыслящий и придающий решающее значение разделенным чувствам москвич как-то спросил меня: «Дорогой Володя, слушаю, слушаю критические оценки в адрес буквально каждой сферы и не могу понять: если в частностях это так, то почему в целом так все прекрасно?» Переформулировав эту предельно мудрую постановку вопроса применительно к Америке, вопрос можно поставить так: «В каждой отдельной отрасли здесь прямо-таки блеск, на месте не стоят ни секунды, все норовят компьютеры где-нибудь да внедрить, а в целом-то, в целом — швах, и какой! И инфляция, и безработица, и многое другое. Прямо по примитивному учебнику политэкономии для низшего звена: безупречно на предприятии, хаос в целом.

Но особое впечатление производит вечное недовольство правительством. Вот тут-то мы и касаемся самого деликатного вопроса, очень даже тонкого. Может быть, именно здесь кроется принципиальное отличие двух политических систем. Все мы знали о существовании понятия «налогоплательщик» и о том, что американцы и другие европейские народы (в меньшей степени) вечно попрекают свои правительства не столько за то, что они налоги взимают (даже мой доход предполагает отчисления государству примерно трети), но прежде всего за то, что их неразумно используют.

Чего я не понимал, так очень простой, но фундаментальной вещи. Если в одном обществе почти каждый почти искренне полагает, что он почти всем обязан обществу, государству, и поэтому любовь его к родине представляет произведение этой благодарности на привязанность к своей земле, к своему народу, то в другом месте одного сомножителя нет. Каждый обязан только себе, своему труду, своей энергии, бережливости и другим качествам, а государство обязано ему своим существованием. И прежде всего, потому что он платит налоги и выполняет другие гражданские обязанности, которые, впрочем, осознаются здесь в чем-то активнее, добровольнее, чем в другом месте. Поэтому государство здесь лишено всякого харизматического атрибута.

Мне, воспитанному в иной политической культуре, многие действия местных жителей кажутся дикими, например студенческие демонстрации против регистрации на военную службу, иногда полное безразличие к престижу государства, его долгосрочным интересам и т. д.

Парадигма «я и государство» является господствующей в мышлении американцев. Сейчас она дополнена усилиями либералов другой: «надо заботиться о меньшинствах». Но об этом позже.

Так вот в соответствии с первой парадигмой не только средний американец, но и многие интеллигенты (здесь принято называть «профессионалами», т. е. имеющие специальность с серьезной подготовкой) твердо считают, что всюду люди находятся в здоровом конфликте с их правительствами, которые в конце концов должны смириться с мнением большинства. Их «буржуазное» мышление не позволяет им представить, что где-то патриотизм сам по себе играет ключевую роль.

За все время пребывания здесь я ни разу не встретил кого-нибудь, кто серьезно поддерживал бы нынешнюю администрацию. Хвалить правительство или просто не критиковать его — плохой тон. Поэтому представитель другой страны, воздерживающийся от критики своего правительства, если только это не объясняется его безопасностью, вызывает подозрение, хотя американцам не нравится у иностранцев и другая крайность — чрезмерная критика порядков в своих странах.

Отсутствие давления со стороны государства объясняет ряд специфических особенностей этой страны, в частности отсутствие той остроты, изощренности, к которой я привык. Американская культура почти не знает, что такое аллюзии, намеки, эзопов язык. Это, между прочим, объясняет пресность многих публикаций и по сути слабое чувство юмора и иронии, несмотря на то что американцы высоко ценят и то и другое.

Не сердитесь на меня за повторения, связанные с индивидуализмом в США. Эта страна создана Богом в качестве экспериментального полигона в целях изучения социологии функционирования общества в условиях максимального индивидуализма. Я ни в коем случае не хочу сказать, что СССР обойден Богом в этом отношении, но у моей родины другие экспериментальные задачи. Поэтому я буду возвращаться к этому самому важному американскому явлению систематически. Кроме того, я буду возвращаться к нему, хотя бы еще и потому, что я сам нахожусь в процессе его изучения. Американский индивидуализм породил, как я опять-таки отмечал, либерализм.

В рамках этого либерализма индивидуализм превратился из чудовища джунглей в изумительное по своей доброте и наивности домашнее животное.

При всех ограничениях, роль которых может оказаться решающей, американский индивидуализм проникся безграничным уважением к другой личности и, что особенно важно, идеей необходимости активной помощи всем меньшинствам. Одна из центральных идей этого восприятия мира состоит в убежденности, что каждое побуждение к действию имеет право быть реализованным. Зачатки этого мироощущения иногда даже можно было обнаружить у нас, например, в тех редких случаях, когда мы не возражали против того, что кто-то, не будучи инвалидом без всех конечностей или не рассыпаясь на ходу от старости, идет без очереди. Мы произносили в этих случаях фразу примерно в таком роде: «Значит, ему это надо». Так вот: что бы и кто бы ни сделал, американец немедленно исходит из того, что это было «ему надо».

Интервал дозволенности чрезвычайно широк и распространяется и на иностранные государства. Ну например, если Китай напал на Вьетнам, то, значит, ему это «сильно надо». Если террористы захватили в сотый раз американских дипломатов, то первая реакция: бедняги, как же мы их припекли, если они пошли на такой опасный для себя шаг. Эта готовность искать оправдание для любого действия, именно действия, порождает дикие представления о мире и нередко ведет к аморальным суждениям.

Так, один типичный американский интеллектуал-либерал, специалист по Китаю доказывал мне, что культурная революция в Китае была не зря, ведь недаром Мао ее предпринял,— как же иначе развивать страну. И репрессии были вынужденными, порожденными необходимостью. Так оправдывается почти любая агрессия, если только она не осуществляется прави-

тельством. Если же действие уж слишком отвратительно (например, черный парень убивает двух полицейских), то тогда выдвигается ссылка на «среду», повинную в том, что человек совершил явно плохой поступок. В этом отношении американское либеральное мышление гораздо более «материалистично», чем общественное мнение и идеология в другом месте. Это мышление проникнуто воистину христианским отношением к человеку. Вот одно дополнительное доказательство. Американцы никогда не смеются друг над другом, у них и в помине нет тех издевок, с которыми мы часто встречались в транспорте, в общественных местах и т. д. Я никогда не подозревал, насколько я лично всегда ощущал эту потенциальную опасность оказаться объектом насмешек, иронических взглядов и т. д.

Совсем недавно в одном письме из Москвы сообщалось, что под копирку вряд ли удобно писать письма в метро, ибо ты, конечно, будешь выглядеть шизом. Здесь такая постановка исключена. Если ты не будешь мешать другим, то можно дать стопроцентную гарантию, что чем бы и как бы ты ни занимался на виду у других, не будет типичных для Союза обменов ироническими взглядами между пассажирами или посетителями какого-либо общественного места.

Страсть к поощрению любого рода меньшинства приняла невероятные формы, часто очень трогательные, например по отношению к инвалидам, для которых в соответствии с требованиями закона специально строятся особые входы и выходы в зданиях и т. д. Или возьмите так называемые акции по поддержке меньшинств при приеме в университеты и на работу. Черная женщина-инвалид может получить любую работу.

Со всеми этими завихрениями трудно ожидать от американского либерала трезвого взгляда на мир и создания таких образов мира, с которыми можно было бы часто соглашаться. Он, этот либерал, так поглощен стремлением сохранить свое благодушное маниловское представление о мире, о человеке, о чужих правительствах, о чужой культуре, что факты для него не столь же мало важны, как и для заядлого догматика. Да-да, изобилие информации в этой стране мало влияет на позиции людей. Я окончательно убедился в том, что ценностные установки и интересы в гораздо большей степени влияют на позиции человека, чем какие бы то ни было факты. Нет-нет, уважение к человеческому мышлению здесь у меня не возросло.

3.

Дорогие друзья!

Сегодня я хочу посвятить свой очередной обзор американской женщине.

Итак, американская женщина! Она удивительно холодна эмоционально. Иногда я ловил себя на мысли, слушая, читая, наблюдая, что, может быть, она сделана из другого теста, чем советская. У нее, американки, рациональное намного сильнее эмоционального. Я бы объяснил это двумя факторами: поразительное, по нашим стандартам, чувство собственного достоинства и ориентация на мужа. Женщина прежде всего озабочена тем, чтобы не быть как-то униженной в отношениях с мужчиной. Радость чувств и тем более самозабвение жертвенности ей почти полностью чужды. Русско-советский феномен — успех у женщин преследуемых, несчастных, неудачников, непризнанных гениев — абсолютно чужд этой среде. Трудно себе представить американку, которая ради любви готова была бы на такие жертвы, как советская женщина. Мысль, что любовь включает как органический непременный элемент жертвенность, глубоко чужда американскому духу. Как я уже однажды писал, это — еще одно проявление американского индивидуализма, которому, сколько его ни наблюдаешь, не перестаешь удивляться. В эмоциональных отношениях американка, может быть, еще больше, чем ее партнер, озабочена эквивалентностью, справедливостью. Она до смерти не любит «быть использованной» (be used). В этом причина успеха феминистического движения в США, в котором одной из центральных идей и была идея: «не хотим быть использованными».

В то же время американка бесконечно предана своему мужу или бой-френду. Напомню еще раз, что американцы, в том числе и американки, по соответствующим стандартам бесконечно честные люди. Высокий уровень религиозности (хотя все утверждают, что и здесь американское общество деградирует) играет немаловажную роль в этом явлении. Понятие глубокого обмана чуждо огромному большинству американцев, хотя, возможно, это утверждение не вполне распространяется на деньги — божество этого народа. Иногда даже удивляешься, какая небольшая сумма нужна, чтобы соблазнить американского политического деятеля. Однако при всем том честность американцев фантастическая. На экзаменах они не списывают, на вопросы социологов отвечают правдиво.

Аудитория, в которой я читал лекцию студентам, почти лишена сексуальных флюидов (профессор не в счет). В СССР такая аудитория всегда перепоясана линиями, соединяющими мысленно и эмоционально большинство студентов. Там происходит непрерывно взаимное оценивание, взвешивание шансов, разработка стратегии и тактики; первый же период используется для тестирования, для прощупывания возможностей и т. д. Ничего похожего здесь, ни малейшего интереса в целом, особенно если уже есть бой- или герл-френд.

У замужней американки, я утверждаю, такие ценности, как эмоции, любовь-страсть, занимают одно из последних мест. Нечто похожее и у мужчин. Ну где это видано и где это слыхано, когда пятидесятилетний декан отправляется в более чем недельную командировку в обществе своей жены-сверстницы?! Это здесь норма. Словно им — мужчинам и женщинам — не нужны полыхания страсти, не нужны таинства новых эмоций, словно разнообразие не имеет никакого значения в этой сфере жизни.

Посмотрели бы вы на американские «парти». Это слово нельзя перевести «вечеринка», это было бы лишь формально правильно. Это скорее приемы, даже если они происходят в кругу друзей. Я уже побывал на доброй сотне этих мероприятий. Даже студенческая «парти» (на одной было 50—60 человек) была свободна от эмоциональных потоков. Нет, наверное, потом кто-то кого-то провожал, может быть, даже больше. Но в целом — в целом это нечто совершенно непохожее на студенческие вечеринки в Академгородке, прямо-таки бурлившие от страстей.

Совершенно исключаются на работе скабрезности и шутки фривольного толка. Это здесь дикое нарушение тона и даже опасно для новичка, о чем мне поведал один московский плейбой, чуть не попавший из-за этого в историю.

А вместе с тем, что делается в фильмах? По кабельному телевидению передаются регулярно фильмы с немыслимыми сценами. В Москве я бы не решился о многих рассказать даже близким друзьям. А американские порнографические журналы? А специальные кинотеатры? И вот парадокс! Это сочетается с поразительным целомудрием, часто ханжеством!

Весной этого года одна моя студентка попросила разрешения провести исследование об образах романтической любви среди японских студентов. Она с ужасом докладывала мне результаты. Оказывается, в Японии молодые люди могут иметь одновременно связи с несколькими девушками!

Тут еще один парадокс Америки. Ранние половые связи — здесь норма. В этом отношении СССР отстал от США заметно, несмотря на все соответствующие анекдоты о девственности. Но как только пара образована, она относительно прочна, другие отношения кажутся дикими (см. японский и советский опыт). Многие связи переходят в брак, чуть ли не половина. Если отношения в браке меняются, то результатом этой перемены будет новый брак, а не измена. Развод — это ответ на ущемление достоинства и потерю того, что понимается под любовью.

Но тут, возникает вопрос, что такое для среднего образованного американца любовь? Она мне кажется другой, чем в России. Любовь здесь спокойна, рассудительна, тесно переплетается с многочисленными расчетами и совсем — я снова повторяю — не жертвенна. Да как она может быть таковой, если отношения между родителями и детьми предполагают, с одной стороны, самофинансирование образования (даже во многих богатых семьях), а с другой — доживание родителей в пусть прекрасно оборудованных, но все же домах для стариков. Впрочем, я могу пойти и дальше в своих заявлениях и скажу, что в целом белые американцы гораздо менее эмоциональны, чем русские, и поэтому черные здесь частенько кажутся ближе.

В завершение выскажу некоторые общие соображения. В Америке брак более значимый институт, чем в СССР. Та интенсивность дружеских отношений, которая характерна для России, исключена в США из-за развитого индивидуализма, постоянного страха перед потенциальной возможностью нанесения ущерба собственному достоинству. Фантастическая территориальная мобильность американцев, как я уже несколько раз писал раньше, также одна, хотя и не главная, причина другого уровня дружеских отношений. Конечно, в Америке не может быть такого феномена, как проживание в одном городе с доброй дюжиной старинных друзей со школы и университета. Они, американцы, даже не представляют, что центральное место в нашей жизни могут занимать друзья. О преимущества не быстро двигающихся по стезе прогресса стран!

Для американца жена (муж) — главный друг, союзник. В СССР друзья часто играют более важную роль в защите от внешнего мира, чем супруг. Удивительная деталь! В СССР изругать жену или мужа в разговоре с приятелями или знакомыми — милое дело, никто не обратит на это особого внимания. Более того, хвалить — прямо-таки плохой тон. Такое впечатление, что супруги принадлежат в России к угнетаемому и презираемому меньшинству. Обмануть супруга не более аморально, чем поживиться чем-нибудь на работе. Вот друзей ругать никак нельзя. Дружеские отношения — последний бастион морали (ну еще, может быть, дети). А здесь отрицательно отозваться о муже или жене — дикость.

4.

Давно собирался вам описать такую занимательную сторону этой страны, как ее этнос. Замечу прежде всего, что здесь и сейчас нет ощущения, что вы в стране с четко выраженным господствующим этническим большинством. Вряд ли даже самый дотошный и уверенный в своей правоте исследователь найдет доказательства того, что ВОСП (WASP — белый англосакс и протестант) имеет какие-то видимые преимущества. Более того, в условиях, когда в стране каждое этническое меньшинство буквально снедаемо националистическими чувствами и культивирует свои традиции и свою культуру, белые иногда выглядят растерянными. Странное их положение стало особенно очевидным на фоне так называемого специального законодательства, предписывающего университетам и руководителям учреждений и бизнеса принимать на работу в первую очередь небелых.

В связи с этим возникла полемика об обратной дискриминации, имели место судебные процессы, затеянные оскорбленными белыми. Нынешняя администрация пытается ослабить эту практику, равно как и принудительное объединение детей

в общих школах, что, однако, вызывает яростные протесты. Так что возможности консерваторов весьма ограничены, хотя их и нельзя недооценивать.

О растерянности белых недавно сказал мне аспирант в Анн-Арборе. Жалобы этого характера напомнили мне аналогичные сетования этнического большинства в другой стране. Оставляя в стороне вопрос об их обоснованности, замечу, что у двух столь различных систем, однако, имеется множество общих проблем. И действительно, этнический вопрос в Америке остается одним из центральных (мои студенты считают его более важным, чем, скажем, вопрос о преступности, рассматривая ее как производную, но об этом позже).

Этническая (или, как здесь обычно говорят, расовая) проблема действительно серьезна. Сейчас она уже не сводится только к негритянской, ибо выходцы из Латинской Америки — люди с испанским происхождением — своим девиатным поведением показывают, что они представляют для нынешней Америки еще большую проблему, даже опасность. Их доля населения быстро растет. Испанский язык становится здесь очень заметным и в ряде районов просто необходимым. Появляются специальные передачи на испанском языке по национальному радио. Но, конечно, не следует забывать и старую негритянскую проблему с 50% черных семей без мужчин и с 50% безработных. В условиях экономической депрессии черные выглядят весьма опасной взрывчатой силой. Зачастую черные и испанцы прямо-таки вытесняют белых из городов. Детройт, скажем, или Балтимор напоминают оккупированные поселения с комендантским часом круглые сутки. На улицах и днем редко можно увидеть белые лица. Я был поражен, в частности, в Атланте, где по красивейшему центру никто не гуляет даже днем.

Но вот что поразительно! Какой бы мрачной ни была эта картина, более интернациональной страны, чем эта, представить себе трудно. Национальная терпимость и уважение друг к другу здесь поразительны. Я ни разу за все это время не наблюдал проявления недоброжелательности, даже в такой форме, как усмешка или косой взгляд, в отношении между черными и белыми. (Я, конечно, имею в виду Север, но не думаю, что на Юге внешне дела обстоят иначе.)

Иностранцы пользуются фантастической, по нашим представлениям, свободой (кроме права работать вне кампуса). И что же! Почти все студенты из Третьего мира ненавидят эту страну. Однажды на лекции я необдуманно заметил, что проблема честности респондента актуальна даже для такой демократической страны, как эта. Моя «оплошность» вызвала почти бурю негодования. «Вы сказали, профессор, «демократическая»? Не оговорились ли вы?» Тут я уже рассердился и высказал свое мнение о сравнительных достоинствах различных политических систем, рискуя потерять расположение и без того трудной аудитории. При большой амбициозности и чувствительности к несправедливости, «порожденной империализмом», некоторые из представителей Третьего мира очень сообразительны и даже изощрены интеллектуально, как, например, марксист из Алжира или нигериец.

В целом все же общение с «детьми разных народов» действительно вырабатывает чувство интернационализма, а наблюдение за успехами многочисленных здесь китайцев вызывает даже известную боязнь за будущее. Уж очень они толковы, упорны и уважительны к образованию.

Однако все же откуда такая ненависть к стране, оказавшей гостеприимство? Студенты на этот вопрос не отвечают. Но я по крайней мере не знаю другой причины, кроме зависти. Зависть и ненависть порой порождают невероятные теории, вроде того, что Америка обязана своим богатством странам-поставщикам нефти.

Интересно, что американцы крайне терпимы к проявлению столь негативных чувств к их стране, и я не был уверен, что во время полемики по этому вопросу мои студенты-американцы были на моей стороне.

Культ своих традиций, своей культуры объясняет фантастическую роль, с точки зрения прибывшего из Европы, ритуалов. Другая причина ритуальности американской жизни — уже упоминавшаяся мною глубокая религиозность местных жителей, глубокая по нашим масштабам, но не с точки зрения «морального большинства» — движения, похожего на славянофильство, которое требует морального и религиозного возрождения Америки.

Советский эмигрант, если он интеллигент, то зачастую он интеллигент во втором, а то и в третьем поколении. Он намного культурнее, образованнее и, конечно, гораздо дальше от религиозности и соблюдения ритуалов, чем его местные этнические братья. Отсюда множество проблем, возникающих в отношениях между эмигрантами и религиозными общинами, которые разочарованы секулярностью новоприбывших и их равнодушием ко многим дорогим им идеям. Вместе с тем нельзя не отметить большую теплоту многих членов общины к тем, кто нуждается в их помощи, хотя разброс очень велик — от полного равнодушия и даже враждебности до самоотверженности.

Интересный факт. С повышением образования уменьшается общение с родственниками и соседями. Американский средний класс в основном ориентируется на эти категории, главным образом, конечно, на первую.

Тут нужно вспомнить еще об одном парадоксальном явлении. Фазы процветания и регресса в обеих странах не совпадали. Я не подозревал в Москве, насколько был силен антисемитизм в Америке в 20—30-е годы, когда существовали квоты в Гарвард, когда было очень трудно попасть в медицинские колледжи, когда банки были закрыты и т. д. В этот период знаменитый Уолтер Липман — теоретик демократии и общественного мнения — сам будучи из того же колена, делал все, чтобы забыли о его присхождении, и оправдывал квоту тем, что иначе «они» своим числом в науке и культуре «будут раздражать». Именно в этот период многие меняли фамилии, старались жениться на англосаксах и т. д.— все вполне в соответствии с известными нам образцами.

Завершая мои рассуждения, могу добавить, что в целом этническая переменная здесь, хоть и слабее, чем там, где она конкурирует с образованием и социальным статусом в предсказании поведения и взглядов людей, все же достаточно сильна, и старое правило при знакомстве сразу устанавливать национальную принадлежность здесь тоже работает. Этнические отношения здесь сложные и часто неожиданные. Как всегда, смешанные браки дают ответ на многие вопросы. Совершенно неожиданно пятый пункт здесь дружит с китайцами, которые столь же высоко ценят образование и тепло в отношениях. А вот с неграми у всех, в том числе и у них, оказалось сложнее.

Черные девушки, как всюду у меньшинства, страдают от того, что черные парни назначают свидания белым и получают согласие, а наоборот бывает редко. Об этом, в частности, мне поведала негритянская милая девушка, подошедшая ко мне после лекции и предложившая провести обследование на эту тему. Анкета показалась мне столь сильно проникнутой ненавистью к черным мужчинам (в известной степени, но в меньшей и к белым женщинам, по поводу которых было в ней высказано предположение, что только белые б... могут иметь дело с неграми), что я решил во избежание скандала (вот пример своеобразной цензуры, основанной на боязни обидеть какую-нибудь группу) посоветоваться с моей черной коллегой, которая анкету в общем одобрила.

В целом замечу, что мое этническое образование, полученное на Востоке, оказалось здесь вполне полезным и совсем не устаревшим.

«Время и мы». 1981 г.

ФАИНА БААЗОВА

ТАНКИ ПРОТИВ ДЕТЕЙ

Весенней ночью в центре Тбилиси пролилась кровь десятков невинных людей. Против мирных демонстрантов коммунистическая власть бросила танки, бронетранспортеры, солдат полка специального назначения. Это произошло не в 1989 году, а 7 марта 1956-го...

Все началось очень просто. Утром 7 марта 1956 года, в третью годовщину смерти Сталина, группа ребят из Дворца пионеров положила у высокого монумента Сталина на набережной его имени два скромных венка из живых цветов.

Заметив у монумента цветы, дети окрестных улиц, направлявшиеся в школу, решили организовать сбор денег в своих классах и также купить цветы и положить у монумента. За час или два весть о том, что школьники младших классов несут к монументу Сталина цветы, облетела почти все школы центральных районов Тбилиси. И примерно к двенадцати часам дня на главных улицах города появились первые колонны учащихся, идущих с цветами на набережную имени Сталина. А к концу рабочего дня «цветочное шествие» приняло такой размах, что почти на всех улицах, выходящих на эту набережную, прекратилось движение транспорта.

С утра стояла редкая для Тбилиси этого времени безветренная, солнечная погода. На улицах была масса людей. Взрослые смотрели на странное шествие со смешанным чувством удивления и восторга. И детьми, по-видимому, интуитивно чувствовавшими это одобрение, овладевал все больший энтузиазм.

К вечеру стало очевидным, что город вышел из своей обычной колеи. Ни на одном из рынков, как и ни в одном цветочном магазине, уже невозможно было достать цветов. Их стали теперь привозить с окраин Тбилиси, оттуда, вместе с цветами, стали прибывать и новые колонны учеников. Никто из взрослых и не пытался охладить этот порыв. Напротив, отцы не скрывали своей гордости тем, что их дети и дети их близких друзей так самостоятельно проявляют горячую любовь к родине, отдавая должное величайшему сыну Грузии.

В ту ночь Тбилиси представлял собой удивительное зрелище. Народ вышел на улицы и, охваченный всеобщим психозом, аплодировал скандирующим «ваша Сталину» (ура Сталину) школьникам. По улицам ночного города над морем детских голов медленно плыли портреты вождя.

Вокруг высокого, утопающего в цветах монумента Сталина всю ночь продолжался доходящий до религиозного исступления карнавал. В парке и на площадях, прилегающих к монументу, наспех сооружались трибуны и сцены; сменяя друг друга, тут выступали участники детских ансамблей. Пели возносящие вождя песни и декламировали стихи, написанные грузинскими поэтами в честь Отца народов.

Большинство людей не помнило ничего подобного, чтобы без веления сверху, без официального инструктажа и специальной организации происходили какие-то демонстрации или шествия.

Наутро, 8 марта, когда все здания средних школ оказались пустыми, стало ясно, что события, происходящие в Тбилиси, были не только выражением детского восторга перед Сталиным.

Хотя прошло уже три года со дня его смерти, многие в Грузии, да и не только в Грузии, не могли постигнуть, как могло случиться, что к самому великому божеству на нашей планете осмелились отнестись, как к простому смертному.

На второй же день после смерти Сталина, называемого солнцем народов, его вынесли из Кремля и гроб с его телом установили в Колонном зале Дома союзов. Люди не понимали, как могли решиться на подобное кощунство. В Колонном зале, правда, происходили «прощания трудящихся» с выдающимися партийными и государственными деятелями. Кто же посмел приравнять к ним, обыкновенным смертным, Сталина? Не успев осмыслить случившегося, народ Грузии был поражен новым ударом: пришло сообщение из Кремля, что похороны вождя состоятся... через два дня, 7 марта, в понедельник.

Люди еще только готовили себя к длительному скорбному будущему, а уже ночью с 7 на 8 марта милиционеры стучали и звонили в двери жилых домов, требовали снять с балконов траурные флаги.

В Грузии одной из древнейших и своеобразных традиций было проявление почестей к покойнику. Оплакивание и прощание с ним длится несколько дней; в Западной Грузии — неделю. Покойного оплакивают и провожают не только близкие, не только друзья и знакомые, но и знакомые знакомых. Оплакивание традиционно строго регламентировано, оно всегда происходит в сопровождении изумительных народных песен. Одно из незыблемых правил этой традиции — запрет хоронить в понедельник.

...Многие в Грузии затаили глубокую обиду за своего «гениального соотечественника», который из отсталой России создал самую могущественную державу мира, а «кремлевские русские» поступили с ним так неслыханно дерзко. Его похоронили наспех, в понедельник, а теперь Хрущев пытается из божества сделать уголовного преступника!

Быть может, все это и послужило причиной того, что ни родители, ни

педагоги, ни даже партийные и советские функционеры не остановили событий. Разве лишь пытались ему придать политически подобающий характер.

Утром, 8 марта, уже рядом с портретами Сталина появляются портреты Ленина, и колонны теперь скандируют: «Ленин, Сталин!» Можно ли было возражать против такого проявления советского патриотизма? И как было усомниться в верности Москве? С каждым часом появляется все больше портретов Ленина, они — словно щит, ограждающий неприкосновенность величия Сталина.

8 марта многие вообще не вышли на работу, другие ушли с работы раньше. Люди были наэлектризованы, хотя кто отдавал себе отчет в том, что значили происходившие в городе шествия? Но никто не хочет сидеть дома. Энтузиазм всеобщий, с гордыми лицами шагают рядом со своими товарищами дети расстрелянных Сталиным родителей. Никто из них не смеет и подумать, что существует прямая связь сталинских деяний с трагедиями их семей.

В этот же день в Верховном суде Грузии у меня было назначено большое групповое дело. Как и многие адвокаты, я пришла очень рано в надежде еще раз поговорить с подзащитными до начала процесса. Но привычный ритм работы Верховного суда был нарушен. Как выяснилось, заключенных сюда вообще не доставили, и судебные залы скоро опустели. Все спешили на улицу.

С группой товарищей я вышла из Верховного суда и спустилась на проспект Руставели. Тротуары были запружены людьми, и все труднее становилось их отделить от демонстрантов.

...Не помню точно, в какой именно момент, но в этот вечер я почувствовала какую-то безотчетную тревогу. Едва ощутимая вначале, эта тревога постепенно росла, и на лицах друзей стал появляться трудно скрываемый страх. Хотя, казалось бы, для тревоги не было решительно никаких оснований. Бдительные работники милиции, не имея специальных инструкций, спокойно и с сочувствием глядели на демонстрантов. А тревога росла, особенно когда стало ясно, что городом овладели демонстранты. Они заполнили улицы, регулировали движение транспорта, в некоторых случаях останавливали его.

Постепенно возникло ощущение, что где-то непонятным образом возник какой-то «штаб», который регулирует и направляет колонны в разные районы города.

К вечеру второго дня манифестации стало известно, что к школьникам примкнули также студенты университета и вузов. Десятки тысяч студентов вышли на улицы и влились в потоки демонстрантов.

Ночью 8 марта Тбилиси был похож на гигантское море, над волнами которого колыхались огромных размеров портреты вождя народов. Перед его ликом, казалось, исчезло правительство, исчезла всякая власть на земле.

Я шла по ночному городу и не могла отделаться от преследующего меня желания: если бы была у меня такая возможность, немедленно, не дожидаясь утра, вывести все пожарные команды города и с их помощью разогнать демонстрантов. Залить водой, погасить это разбушевавшееся пламя, дабы избежать надвигающейся катастрофы.

9 марта все здания вузов, техникумов, профессиональных училищ, так же как и средних школ, оказались пустыми. Становилось очевидным, что манифестация меняет свой первоначальный характер и чьей-то невидимой рукой направляется в определенное русло.

Ранним утром 9 марта из-за происходящего в городе у меня сорвался еще один процесс — на этот раз в новом, отдаленном от центра районе Сабуртело. Обратно я ехала в троллейбусе. Он медленно двигался среди колонн демонстрантов. Этот поток оказался головной колонной, которая, по указанию незримого «штаба», направлялась к зданию ЦК партии.

Выбранная делегация вошла в комендатуру и передала требование демонстрантов — вызвать Первого секретаря ЦК партии Василия Павловича Мжаванадзе.

И произошло чудо. Впервые за время советской власти в Грузии правитель, поставленный Москвой, вышел к демонстрантам по их требованию.

В тот период мавзолей на Красной площади, где рядом с Лениным лежал Сталин, был закрыт. Циркулировали слухи о том, что Сталина умышленно так бальзамировали, что он сразу же почернел. Утверждали, что Мао Цзедун потребовал выдачи праха Сталина, которого китайские специалисты способны были «оживить».

Теперь демонстранты решительно потребовали от Мжаванадзе поддержать усилия Мао по восстановлению праха и чести Сталина. Мжаванадзе долго и ласково разговаривал с демонстрантами. Обещал всячески поддержать их и свою речь закончил словами:

— Мы нашего дорогого Сталина в обиду никому не дадим!

Слова эти передавались из ряда в ряд, раздавались громкие одобрительные выкрики и оглушительные овации. Окрыленные заверением Первого секретаря ЦК, демонстранты направились через районы старого Тбилиси к Крцанисской улице в пригороде, к бывшим дачам Берии.

Здесь, в изумительно живописном месте, в бытность свою секретарем ЦК партии Грузии Лаврентий Берия построил дачи-дворцы. Они были полностью скрыты от постороннего глаза окружающими их густыми лесами. В этих роскошных, построенных из мрамора и бронзы дворцах устраивал Берия, самый верный и испытанный соратник Отца народов, свои фантастические ночные пиры. Теперь дачи были превращены в резиденции для высоких гостей. В мартовские дни 1956 года здесь отдыхал гостящий в Грузии китайский маршал Джу-Дэ.

По мере приближения демонстрантов к Крцанисскому району эхо все сильнее разносило по окрестностям крики пребывающей в экстазе молодежи: «Джу-Дэ! Джу-Дэ!»

Маршал Джу-Дэ вышел к демонстрантам. Он торжественно обещал им передать Мао их просьбу о «защите» Сталина и заверил в своей полной солидарности с ними.

Когда демонстранты оттуда снова устремились в центр города, они своим видом чем-то напоминали войско, вернувшееся с поля битвы с победой. Обещание легендарного китайского маршала, казалось, так вскружило им головы, что они, по-видимому, решили, что никто в Советском Союзе не властен ограничить их действия, совершавшиеся во имя Сталина.

Охваченные истерией, участники манифестации, кажется, уже охрипли от бесконечных выкриков: «Сталин! Сталин!»

Я смотрю на их лица и в который раз задаю себе вопрос: откуда берет начало все происходящее в эти дни в Тбилиси? Ведь совсем не в Грузию уходят истоки обожествления Сталина. Еще задолго до революции Сосо Джугашвили был, по существу, отвергнут своей собственной грузинской землей. Воистину предал он ее в 1921 году. Чтобы подавить всколыхнувшееся здесь движение за независимость, он организовал коварное нападение на Грузию 11-й русской армии во главе с Орджоникидзе и Янукидзе.

В те годы грузинский народ открыто демонстрировал свое презрение к изменнику и предателю Сосо Джугашвили. Всем известно его заявление в Москве о том, что, если интересы партии и революции потребуют, он, не раздумывая, принесет в жертву Грузию.

Когда после оккупации в 1922 году Грузии Сталин приехал в Тбилиси и намеревался выступить перед рабочими, те набросились на него с угрозами и проклятиями, и ему пришлось спасаться бегством.

Когда в результате его деятельности на посту Наркомнаца грузинский народ, обманутый, ограбленный и порабощенный, в августе 1924 года восстал против русского господства, он с помощью все той же русской армии потопил Грузию в крови.

Еще долго после подавления этого восстания и в народе, и в среде интеллигенции имя Сосо Джугашвили произносилось с чувством омерзения. Отсюда, вероятно, известность одного из героев романа писателя Михаила Джавахишвили «Хизаны Джако» — осетина Джако — грубого, хитрого и невежественного авантюриста и насильника, в котором многие находили сходство со Сталиным. И произносимые со сцены слова: «Так желает Джако» — воспринимались однозначно: «Так желает Сосо». Тогда и в голову никому не приходило, что через десять лет Михаил Джавахишвили поплатится головой за своего Джако.

Сталин, разумеется, не мог не знать, как к нему относились в Грузии. В конце двадцатых годов здесь ходили о нем бесчисленные анекдоты, в которых он представал грубым, невежественным и хитрым узурпатором.

Величие Сталина пришло в Грузию из Москвы. После 30-го года, когда «Правда» стала ежедневно писать о колоссальных успехах в строительстве социализма «под мудрым руководством гениального вождя и учителя», меняется отношение к Сталину и в Грузии.

Вначале смеялись. Потом стали удивляться. Но мало-помалу пропаганда делала свое дело, и народ стал гордиться грузинским происхождением Сталина. Было даже предано забвению, что он, Джугашвили, осетин. К рожденным в Москве эпитетам стали добавлять: «Величайший сын грузинского народа».

Причем больше всего поклонялось Сталину молодое поколение, вышедшее на арену в тридцатых годах, поколение, выросшее в абсолютном неведении даже относительно недавнего прошлого Грузии.

Но главное, что способствовало обожествлению Сталина в Грузии, был страх. Страх невиданный, многоликий и беспощадный. Этот страх, как бы подтверждавший слова гениального Руставели «страх создает любовь», породил великую и всеобъемлющую любовь к Сталину.

Это чувство навсегда осталось без взаимности. Сталин не полюбил ни своей родины, ни ее сыновей. Лучших из них, наиболее блестящих и талантливых, он до конца своей жизни последовательно и планомерно истреблял. Да и своим посещением Сталин не часто радовал Грузию.

После его изгнания рабочими в 1922 году он в течение десяти лет здесь вообще не появляется. Лишь в середине тридцатых годов однажды утром по городу пронесся слух о том, что прошлой ночью Сталин ночевал в Тбилиси.

Известие это буквально взбудоражило город, тем более что и газеты на второй день подтвердили факт пребывания вождя в Тбилиси. Однако народ, жаждущий лицезреть свое божество, был вынужден удовлетвориться... интервью с его матерью Кекэ. Это был единственный случай упоминания имени Кекэ в прессе. Интервью, в котором она рассказала, что приготовила любимое сыном «ореховое варенье», заканчивалось словами: «всем желаю такого сына». После этого едва ли не всюду стали лихорадочно готовить «любимое Сталиным ореховое варенье».

Впрочем, это не помешало появиться в эти дни анекдоту: когда по настоятельной просьбе Кекэ ей разрешили увидеть «любящего сына», тот, увидав ее, сказал: «Вот как! Ты еще жива, Кекэ?»

А когда Кекэ умерла, Сталин, к глубокому огорчению своих восторженных почитателей, на похороны не приехал. Зато Лаврентий Берия устроил такие грандиозные похороны матери Сталина, каких едва ли могла удостоиться даже царская особа. Для «украшения» похорон Кекэ были приглашены лучшие художники и режиссеры Грузии. Похоронили ее на самом святом для грузин месте — на горе Мтацминда, в пантеоне известных писателей и общественных деятелей.

Целую неделю, пока шла панихида, народ с нетерпением ждал приезда Сталина. Грузины не могли допустить мысли, чтобы сын не оплакивал мать. Потом распространился слух, что «он» появится в день похорон. Но и в день похорон Сталин не появился. Зато, как рассказывали неуемные анекдотисты, прислал телеграмму, в которой он выражал Берии глубокое соболезнование по поводу смерти... своей матери.

...С площади Маркса попасть на проспект Руставели прямыми путями было невозможно. Я постаралась пробраться кружным путем — по улице Джорджадзе, откуда толпа людей просто вынесла меня в самый центр проспекта. Перед зданиями оперного театра и театра имени Руставели толпились актеры, писатели, адвокаты, педагоги.

Я стояла в кругу друзей и вместе с ними наблюдала, как демонстранты направлялись к зданию Дома связи, где в то время находилась радиостанция. Я все более отчетливо чувствую: что-то затевается этой ночью. В гуще демонстрантов неожиданно появляются и так же неожиданно исчезают фигуры молодых людей. Они отдают какие-то таинственные распоряжения. Увеличивается нервозность.

На первый взгляд кажется — проспект Руставели иллюминирован и ликует по случаю великого праздника. Но все больше охватывает страх перед неизвестностью.

Из толпы выныривают молодые люди и быстро, на ходу, бросают нам: «Идите на Колхозную площадь». Никто не успевает разглядеть их — кто они, или спросить — чего они хотят. Они снова молниеносно исчезают в толпе.

Было уже около одиннадцати часов, когда вместе с друзьями я покинула проспект Руставели и по Пушкинской улице спустилась на Колхозную площадь. Здесь толпа смешалась в панике. Родители искали

детей, брат — брата, расспрашивали знакомых о своих близких.

В центре небольшой площади была сооружена импровизированная трибуна. Сменяя друг друга, выступали какие-то молодые люди, лица которых в темноте невозможно было разобрать. Они кричали очень громко, но их не было слышно из-за всеобщего гвалта. Где-то запели давно запрещенный грузинский национальный гимн. Какие-то лица в гражданском пытались помешать. Поющих поддерживали из толпы, и завязались местные стычки. Неожиданно на месте стычек появились неизвестные с повязками, и пение гимна продолжалось.

Без сомнения, становилось опасно находиться на площади, где начались «представления» по неизвестному властям сценарию.

Как только я попыталась выйти из толпы, с воздуха, развеваясь по ветру, посыпались листовки. От неожиданности люди растерялись. Некоторые в испуге шарахались от листовок. Другие, наоборот, пытались поймать их еще в воздухе. Один из моих друзей тоже успел схватить одну из прокламаций, однако мы не успели целиком прочесть ее. Неизвестно откуда возникшие вдруг блюстители порядка стали вырывать их из рук. Я помню лишь, что один из пунктов прокламации содержал призыв о выходе Грузии из состава Советского Союза. Причем в обоснование своего требования авторы ссылались на Великую Сталинскую Конституцию.

Не оставалось сомнения, что где-то на глубине волнующегося моря манифестации действует другая сила, не имеющая никакого отношения к сталинскому карнавалу.

И сегодня еще остается похороненным в анналах КГБ — какая именно сила действовала в те дни, кто были эти люди, однако было очевидно, что речь теперь шла уже не о защите попранного имени Сталина, а скорее о защите попираемых Москвой национальных чувств грузинского народа. И в этом смысле «сталинские манифестации» были не более чем форма протеста, имевшего глубокие национальные истоки.

По-видимому, эту новую политическую окраску почувствовали и люди, находившиеся на площади.

В какой-то момент толпа дрогнула, смешалась, люди стали беспорядочно убегать во все стороны. Образовалась давка, мешавшая организованному движению демонстрантов, которые все быстрее шли к Колхозной площади, чтобы оттуда направиться к Дому связи, где поздно вечером концентрировались «особые части» демонстрантов.

На площади Ленина я рассталась с друзьями и через одну из магистральных улиц — улицу Леселидзе — направилась домой. Справа и слева, по всем боковым улицам и переулкам без оглядки бежали люди. Они бежали из центральной части города.

На площади, где я жила, группами стояли жильцы нашего и соседних домов. Некоторые из мужчин порывались идти в центр, но жены удерживали их.

Не помню, было это через час или два, но воздух неожиданно потряс грохот проезжающих где-то неподалеку тяжелых бронетранспортеров. А затем, спустя считанные минуты, до нас донеслись отдаленные приглушенные выстрелы.

Потрясенные, мы поторопились укрыться в доме. Уже на рассвете утренний Тбилиси представлял собой полный контраст вечернему. Из ликующего и поющего он превратился в рыдающий, негодующий и проклинающий город. События, происшедшие ночью на проспекте Руставели, будто вдруг целиком выключили из сознания людей страх, и теперь люди открыто изливали свой гнев, возмущение и скорбь.

Эта ночь внесла в историю Грузии одну из самых трагических страниц. В народе ее назвали «танки против детей». Именно этой ночью на Колхозной площади и проспекте Руставели были расстреляны и раздавлены танками около трехсот детей и юношей, «вооруженных» пионерскими галстуками и портретами Мудрейшего из Отцов.

В подвалы КГБ были брошены десятки и сотни наивных юношей.

На исходе этой ночи жители Тбилиси были страшны в своей священной скорби. Они бросились к зданиям ЦК партии Грузии, МВД, КГБ с проклятиями и угрозами в адрес Мжаванадзе, Никиты Хрущева, Георгия Жукова и коменданта города. Невозможно было смотреть на разъяренных и обезумевших матерей и сестер убитых и раненых детей.

Разумеется, народ не узнал всей правды о виновниках трагедии. Но в основном все же стало известно, кто и какую роль играл в эту кровавую ночь.

Близкий друг и ставленник Хрущева, Первый секретарь ЦК партии Грузии Василий Мжаванадзе подробно и обстоятельно докладывал ему о происходящем в Тбилиси.

По мере роста демонстрации в Тбилиси росло возмущение Хрущева в Москве. Когда же Мжаванадзе в ночь с девятого на десятое марта доложил, что демонстранты окружили Дом связи и пытаются овладеть радиостанцией, разъяренный Хрущев немедленно распорядился разбомбить Тбилиси. По его указанию, министр обороны Георгий Жуков приказал командующему Тбилисским гарнизоном разбомбить город и расстрелять демонстрантов.

Приказ Жукова командующий гарнизоном выполнил частично. Город бомбить он отказался, зато против демонстрантов вывел восьмой полк, известный в Тбилиси своей жестокостью. Этот полк был дислоцирован в отдаленном от центра районе — Навлуги. Он был целиком укомплектован из солдат, выросших в колониях и детских домах разных городов России.

После полуночи, вооруженный танками, этот полк был направлен в центр города, и неожиданно, без всяких предупреждений, его солдаты стали в упор расстреливать школьников и студентов.

Когда рано утром я направилась в центр города, места расстрела еще были оцеплены, хотя убитых и раненых уже успели убрать. Я проходила мимо зданий МВД и КГБ и сама видела обезумевшие лица друзей и родственников погибших, они готовы были смести эти здания с лица земли. И всюду, где только мне ни пришлось быть в это утро, я слышала три эти слова: «танки против детей».

В следственной части Прокуратуры Республики следователи и прокуроры старались так оформлять «дела» арестованных юношей, чтобы максимально облегчить их участь.

Как и в другие больницы и клиники, в кардиологический институт, где лежал мой брат, всю ночь привозили убитых и раненых. Больные были свидетелями, как многих из убитых студентов (из районов республики) поспешно «упаковывали» и в сопровождении работников КГБ тайком отправляли домой. От усталости и переживаний врачи падали с ног.

Так завершилась демонстрация в честь «Мудрого Отца и Гения всех народов».

«Время и мы». 1978 г.

АГДАС БУРГАНОВ,
доктор исторических наук, профессор

МНОГО ЛИ СОЦИАЛИЗМА В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Сама формулировка вопроса, казалось бы, кощунственна. Еще несколько лет назад она вряд ли могла прийти кому-нибудь в голову, а теперь вдруг усомнились в социалистическом характере революции...

Я отрицаю устоявшееся в марксизме-ленинизме утверждение, будто пролетарская революция априорно социалистическая. Эти понятия не синонимы. Возможно, социализм вообще не нуждается в революции. Она негуманна и недемократична. И по одному этому сомнительна ее социалистическая перспектива, даже если такая цель и провозглашается.

Соответствовал ли замысел большевиков в канун Октября идее социалистического общества — общества социальной справедливости, гуманного, демократического, в котором упраздняется отчуждение работника от средств производства и произведенной им продукции? В книге «Государство и революция», написанной Лениным за 2—3 месяца до переворота, в этом «евангелии» от Ильича, утверждается, что собственником национального достояния становится государство, а его граждане — наемными работниками. Институт государства, по Марксу и опыту человечества,— частная собственность бюрократии, которая у нас и стала новым эксплуататорским классом, а граждане — ее «наемными рабами», тоже по Марксу. Следовательно, «научный коммунизм» оказался ненаучной, реакционной утопией. Тотальное огосударствление нанесло по экономике удар такой тяжести, от которого она ни соцсоревнованием, ни «коммунистическим трудом» уже не смогла оправиться.

Сколько исписано бумаги, истрачено чернил по проблеме диктатуры пролетариата! Но большевики, придя к власти, «сообразили»: надо формировать «власть для трудящихся», осуществляемую, по Ленину, «чрезвычайно тонким слоем старой партийной гвардии». А потом-де, когда пролетариат «созреет», будет вся «власть через трудящихся».

Все дело в том, что пролетариат, на который марксизм возложил «всемирно-историческую миссию» строителя нового общества, не социалистичен по своей природе. Идеи социализма в его сознание вносятся извне просвещенными представителями имущих классов. Не будучи органичными, они «приживаются» постольку, поскольку пролетариат нищает, и отторгаются как «инородное тело» по мере роста его благосостояния. Пролетариат сравнительно легко организуем на борьбу против буржуазии. Но этих его качеств борца-разрушителя совершенно недостаточно для созидательной работы. Пролетариат-наемник имеет психологию потребителя, а не созидателя, он не хозяин, ибо служит тому, кто платит.

Так как же «партийная гвардия» отдаст власть пролетариату, да и зачем, ведь он никогда не вызреет до руководящего класса, пока остается самим собой?! Не странна ли такая постановка вопроса о пролетарской диктатуре, осуществляемой не самим классом, а якобы его представителями? Есть ли в истории нечто подобное, когда бы, к примеру, диктатуру феодалов или буржуазии осуществляли их слуги?

От попытки соединения идеи диктатуры с пролетариатом родилось, как это бывает в природе при скрещивании вроде бы родственных, но далеких друг от друга видов животных, нечто каннибальское, пожирающее все живое и творческое и совершенно не способное плодоносить. Я имею в виду «пролетарское», фактически бюрократическое государство.

В условиях тотально-государственной экономики, неизбежным следствием которой является сплошная пролетаризация народа, управление обществом возможно лишь на диктаторских началах. Наемник, лишенный собственности, вне демократии; наемничество, по своей сути — явление базовое для любой формы диктатуры.

Демократия и социализм неразделимы. Октябрь же создал общество без демократии, он лишил ее социальной почвы — собственников. Демократия там, где рынок с хозяевами, а не наемниками. Рынку нужна демократия как условие существования и развития в условиях конкуренции.

Диктатура же — насилие. Попытка навязать человечеству счастье изначально порочна.

Октябрь стал вторым этапом Февральской революции, ее охлократическим продолжением. Летом и осенью 1917 года в России полыхала крестьянская война, в принципе не отличавшаяся от русского бунта, усмирять которую никто не мог (пехота не хотела, а казакам не удавалось этого сделать). Войну крестьян поддержал в октябрьские дни пролетариат. Революция началась как крестьянско-пролетарская, то есть демократическая, а с лета 1918 года в режиме «военного коммунизма» с его продотрядами, комбедами переросла в пролетарскую. Став контрреволюцией по отношению к Октябрю, она в таком качестве продолжалась до конца гражданской войны.

Россия пытается покончить с контрреволюционным продолжением Октября и вернуться в лоно мировой цивилизации. Но последнее слово еще не сказано. Слишком глубоки корни Октября в экономике и психологии народа: общество социальной справедливости продолжает именоваться социализмом, правда больше в насмешку. Быть может, набивший всем нам оскомину термин выбросят в мусорную корзину истории, а будущее общество назовут просто — Обществом Человека?..

РИЧАРД ПАЙПС,
профессор Гарвардского университета

НЕЗАМЕЧЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

...Это был переворот, путч. День начала так хорошо засекретили, что его невозможно найти даже в протоколах. Революцию же запланировать нельзя, она всегда спонтанна, стихийна. Февраль 1917-го никто предсказать не мог — и это была революция. А Октябрь — хорошо подготовленный классический путч. Итальянский исследователь К. Малапарте на примере Октября 1917 года изучил технику захвата власти и консультировал Муссолини. Этим опытом воспользовался позже и Гитлер.

Уже в мае 1917 года началась анархия. Русские партии, кроме большевистской, не были готовы взять власть. Кадеты, меньшевики, эсеры, смелые в оппозиции, придя к власти, не знали, как управлять.

Большевики захватили власть для Советов. Но... Во-первых, II съезд был созван большевистской партией, а не исполкомом Советов, поэтому представительным он не стал. И, во-вторых, все законодательные акты, начиная с создания государства, были приняты еще до созыва Учредительного собрания.

Люди даже и не поняли, что произошел переворот. Большевиков считали утопистами, фантазерами, не способными удержаться у власти дольше двух месяцев. Любопытно, что даже биржа не отреагировала на «революцию»: вот первое правительство, временное, вот второе — коалиционное, вот третье, советское, потом Учредительное собрание, новое государство, новая конституция. А потом стало уже поздно...

В конце рукописи о провозглашении новой власти Ленин добавил: да здравствует социализм! — но затем зачеркнул. Побоялся народа, который социализма не хотел. Так какая же это социалистическая революция?

ВЯЧЕСЛАВ ЮРЧЕНКО

ПРОКЛЯТИЕ ОКТЯБРЯ

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и не встретиться им никогда»,— приговорил Киплинг. Он ошибся: Запад и Восток встретились в России — на rópe. Вся ее история была борьбой-сожительством двух цивилизаций.

...В начале XX века российский колосс одной ногой нетвердо касался почвы индустриального Запада, другая же прочно увязла в традициях Востока. Окно в Европу, прорубленное Петром, оказалось слишком узким — и Россия продолжала расти, шириться, разбухать за счет Востока, все больше отдавая себя его власти. Пространства империи требовали государственной силы, государство же, силы этой ради, первооснову Запада — промышленность — стремилось замкнуть на себя. Выращенный Петром предприниматель стал почти рабом системы.

Однако империя все чаще обнаруживала в себе признаки одряхления. Судороги реформ — от Сперанского до Столыпина — были попытками встать вровень с Западом. Но российская толща не могла вдруг изменить вековому укладу жизни. Бескрайние пространства империи гасили слабый импульс реформ. Индустриальный Город рос быстро, спешно, но спешка не могла наверстать потерянных веков. Мировая война нанесла последний удар. Городской Запад и деревенский Восток пришли в движение. Между двумя мирами пролегла трещина. Дальше — больше: одна трещина рождала другую...

Возможно ли было, сбросив с ног имперские гири, рывком прорваться в индустриальную цивилизацию? Для этого нужен «средний класс», массовое третье сословие, которого в России не было и быть не могло (его пытался создать Столыпин, но — слишком поздно!). Потому на том историческом этапе идеология рынка, свободного предпринимательства была в целом чужда России.

На пустующем месте третьего сословия возник — под псевдонимом «организации профессиональных революционеров» — зародыш нового, не известного еще истории класса. Он быстро отыскал себе удобную идеологию — залетевшие с Запада семена «научного коммунизма». Болезнь, патология западной цивилизации, прижилась на российской почве, став «материальной силой». Операция «Великий Октябрь» удалась, а «организация профессиональных революционеров» стала новым классом — номенклатурой. *Реальный социализм явился на свет уродливым гибридом западного недуга и традиций российского Востока.*

Октябрь стал проклятием России, а прорыв в индустриальную цивилизацию — имитацией. Семьдесят лет видимого приближения к Западу были на деле бегством от него. Сегодня Россия пытается решить задачи, оставленные в наследство семнадцатым годом и многими веками. Рухнет ли империя, открыв дорогу на Запад? Или же опять лишь обновится, став новой ипостасью Востока?..

ВЛАДИМИР БУЛДАКОВ,
кандидат исторических наук, зам. председателя Научного Совета РАН по проблемам истории революций в России

ПЕРЕВОРОТ ИЛИ КРИЗИС ИМПЕРИИ?

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.

М. ВОЛОШИН, 1920 г.

Наиболее расхожие отечественные представления об Октябрьской революции утвердились сегодня на трех раздутых социальной истерией «китах» — идеологизации, политизации, этатизации. В них противоречиво отражаются и порожденный социально-экономическим развалом поиск «золотого века» в дореволюционном прошлом, и антикоммунистическая реакция на всевластие одной «партии», и детская растерянность перед лицом крушения «великой» государственности. Потому-то и господствует мысль, что в 1917 году Россию соблазнили утопией безрассудные политики, захватившие власть и организовавшие геноцид собственного народа. Пусть так, но почему такое стало возможным? Этот главный вопрос, похоже, мало кого занимает, ибо в основе нынешнего «левого» и «правого» неприятия Октября лежит психология невинной жертвы событий 75-летней давности.

Несомненно, эта ущербная установка подогревается сверху, ибо кредит доверия в нашей политике издавна завоевывался дискредитацией не столько реальных, сколько мифических (или исторических) противников. Вместе с тем в современных представлениях об Октябре просматривается извечная человеческая склонность искать причины своих неудач за пределами личного социального опыта, что особенно характерно для «человека имперского» (социально-исторический тип которого мы все еще представляем). Вот почему современное массовое сознание столь безвольно откатилось к наиболее примитивным представлениям об Октябре.

Между тем мировая историография давно отказалась от тезиса о «заговоре» как малосущественной детали, перешагнула через излишне прямолинейные схемы срыва модернизационного процесса и вызова мировому империализму в стране запоздалого индустриализма. Сегодня западные и отечественные исследователи, отдавая приоритет движениям народных масс, а не актерствованию политических партий, все больше сходятся на представлении о последовательно-параллельных, поглощавших друг друга революциях — общегражданской, рабочей, солдатской, крестьянской, этнических (местнических). Но в контексте российской истории необходимо перенести центр тяжести на проблему *кризиса империи.*

Октябрь был частью общеевропейского социального потрясения, включавшего в себя мировую войну и развал центрально-европейских империй. Внешне первая мировая война выглядела как взаимозахватническая. Но нельзя забывать — она велась под лозунгами защиты демократии и прав малых народов. В этой борьбе, призванной восстановить геополитическое равновесие в условиях гигантского прогресса индустриализма, роста населения, столкнулись два основных типа империй — *новейшие* (Франция, Великобритания) и *традиционные* (Австро-Венгрия, Турция). Германия и Россия представляли *переходный* тип. Результат многозначителен: *традиционные* империи рассыпались, *новейшие* стали эволюционировать в сторону содружеств, *переходные* пережили кошмар неоимперства — пусть под разными лозунгами.

Рассматривая Октябрьскую революцию, точнее военно-революционный цикл 1914—1922 годов, как часть общемирового кризиса имперской идеи, надо иметь в виду, что Россия обладала своим собственным внутренним кризисным ритмом, проистекавшим по схеме: реформы — контрреформы — «смутное время» — возрождение «модернизованного» имперского комплекса. Резонирование кризисных ритмов мировой и российской истории породило гигантский социальный взрыв, который был ошибочно отождествлен с «социалистической» революцией.

Характер структурного кризиса Российской империи в его дореволюционной фазе достаточно ясен. Попытки модернизации сверху привели к тому, что державное здание дало горизонтальные (обусловленные болезненным разрушением сословий и аномальным «пролетариатообразующим» классообразованием) и вертикальные (связанные с невозможностью оптимизировать сочетание имперского управления и местного самоуправления) трещины. Традиционная слабость государственной инфраструктуры вызвала процесс заполнения этих трещин массой всесословных социально опасных элементов (маргиналов), способных стать детонатором разнородных взрывов. Октябрь последовал в силу того, что среди маргиналов определяющую роль стали играть солдатские массы, представлявшие наиболее многочисленное сословие — крестьянство.

«Социалистический» выбор народа не должен вводить в заблуждение. Во-первых, Учредительному собранию приписывалась странноватая роль «Хозяина Земли Русской», призванного на манер земских соборов удовлетворить скорее не общегражданские, а классово-сословные притязания. Во-вторых, «социалистическое» эсеровское большинство Учредительного собрания было настолько проникнуто державным апломбом, что с поразительной близорукостью обсуждало вопросы, которые с санкции СНК уже стихийно решались снизу. В-третьих, в тогдашних массовых представлениях о «социализме» преобладал тот самый патерналистский («отеческий») компонент, с помощью которого имперская идея обычно пленяет слабые людские души. Наконец, в эпохи смятения в умах любые неведомые ранее «измы» имеют обыкновение намертво цепляться за реальность — это произошло, тем более что российское имперское пространство не терпело идеократической пустоты.

В возникшей после Октября «военно-коммунистической» системе не случайно просматриваются черты традиционного российского имперства. Большевики, ослепленные могуществом индустриального монополизма, склонны были в его государственном использовании видеть «шаги к социализму» в мировом масштабе. Так вырастала «красная империя», под новой вывеской возрождающая великодержавный мессианизм и социальное опекунство.

Согласно теории динамических систем (а империи вполне могут рассматриваться под таким углом зрения), промежуток между двумя их устойчивыми состояниями приобретает бифуркационный (разделительный) характер. За хаосом движения рабочих, солдат, крестьян, этнических меньшинств действительно маячил призрак войны «пролетариата» против «буржуазии», а затем «всенародного» осуждения «врагов народа».

Сознавали ли современники потаенную суть происходящего? Представляется, что творческая интеллигенция, в массе своей разглядевшая за войной красных и белых пугачевщину, была ближе к истине, нежели ушибленные европейским социализмом и соблазненные перспективой прыжка из прошлого в будущее политики и обществоведы. В целом же сознание образованного общества проглядело смысл российского катаклизма. Куда ближе к истине был М. Волошин.

ВЯЧЕСЛАВ КРЫЛОВ,
кандидат исторических наук

Смертельно устал быть «железным»

Этот человек вошел в историю с двусмысленным прозвищем «железный» Феликс. Именно с него Маяковский призывал молодежь «делать жизнь». Но именно юноши, обдумывающие житье, в августе 1991 года в первую голову свергли с пьедестала памятник Дзержинскому на Лубянской площади. Для многих он сегодня только «красный палач», создатель печально известных ВЧК — ОГПУ. На нем лично сфокусирована изрядная доля мрачной славы этого некогда всесильного ведомства.

Но в то же время Дзержинского пока еще очень трудно «изъять» из нашей повседневной жизни. Буквально въелись в наше сознание фотоаппараты «ФЭД», еще раньше — паровозы одноименной серии и очень много разнообразных вариаций его фамилии, зачастую просто коверкающих русский язык. Так кем же был в действительности этот человек, чьим именем нарекали города и улицы, площади и поезда, пароходы и дивизии?

30 августа (11 сентября) 1877 года в имении Дзержиново Ошмянского уезда Виленской губернии в семье мелкопоместного дворянина Эдмунда Иосифовича Дзержинского и его жены Елены Игнатьевны (в девичестве Янушевской) родился мальчик. Назвали его Феликс — по-латински «счастливый».

В 17 лет Феликс вступил в нелегальный ученический социал-демократический кружок. Вместе с небольшой группой единомышленников на горе Гедимина в Вильно он дает клятву всю жизнь посвятить борьбе со злом и несправедливостью.

Осенью 1895 года Дзержинский вступает в ряды литовской социал-демократии, а в декабре представляет виленскую молодежь на съезде нелегальных ученических кружков в Варшаве.

В 1896 году он уходит из последнего, 8 класса гимназии и целиком переключается на партийную работу. Интересно, что Дзержинский открыто выступил против дирекции, предписывавшей разговаривать в гимназии только на русском языке...

В апреле того же года он участвует в работе I учредительного съезда социал-демократической партии Литвы.

В январе 1900 года Дзержинский становится членом организационного центра (ЦК) Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). По его инициативе состоялся IV съезд СДКПиЛ (июль 1903), который принял решение об объединении этой партии с РСДРП. «Юзеф (этот партийный псевдоним он принял в 1902 году.— *В. К*), так же как Роза Люксембург,— вспоминал его соратник А. Варский,— становится наиболее популярным, наиболее любимым вождем польского рабочего класса».

В годы первой российской революции Дзержинский организует забастовки рабочих, демонстрации, ведет агитационную работу в войсках, поддерживает связь с Военно-революционной организацией РСДРП. В 1906 году его избирают в состав ЦК РСДРП в качестве представителя СДКПиЛ.

«Арестовывался в 97, 900, 905, 906, 908, 912 годах, провел всего 11 лет в тюрьмах, в том числе и на каторге (8+3), был три раза в ссылке, всегда бежал»,— напишет Дзержинский в 1921 году, отвечая на вопросы партийной анкеты. Пребывание в тюрьмах и на каторге сказалось на его здоровье: время от времени туберкулез легких отрывал его от активной работы. (Его первая любовь — Юлия Гольдман, пошедшая по его пути, сгорела от туберкулеза. В 1902 году она умерла у него на руках в Швейцарии.)

Выйдя на волю после Февральской революции, он сразу же окунулся в революционную стихию: входит в состав Московского комитета РСДРП(б), участвует в работе VII (Апрельской) конференции. Но следует очередное обострение болезни и вынужденная поездка в оренбургские степи, в кумысолечебницу.

В конце июля Ф. Дзержинский приезжает в Петроград, участвует в работе VI съезда партии, решительно поддерживая курс на вооруженное восстание. Съезд избрал его членом ЦК РСДРП(б), в составе которого он отныне оставался до конца жизни. В дни октябрьского переворота на Дзержинского как члена Петроградского военно-революционного комитета был возложен контроль за почтой и телеграфом, охрана и обеспечение Смольного связью.

Большое внимание Дзержинский уделял борьбе с саботажем чиновников, реорганизации петроградской милиции. По его предложению еще 21 ноября при ВРК организовали специальную комиссию для борьбы с контрреволюцией из 5 человек, а 7 (20) декабря Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров. Во главе ВЧК стал человек, уже имевший опыт борьбы с контрреволюцией. Оставаясь на этом посту до конца своих дней, Дзержинский отстаивал и претворял на практике принципы и методы революционной диктатуры. «Философию» руководимой им организации он высказал в нескольких словах: «ЧК не суд, ЧК — защита революции. ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом случайно попадет на головы невинных». Вся Россия покрылась сетью чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией, преступлениями по должности. С февраля 1918 года ВЧК стала практиковать внесудебные репрессии, а вскоре был развязан красный террор, который порой вызывал резкое возмущение даже среди коммунистов[1].

Дзержинский, по собственным словам, держался лишь на нервах (вспомним его поведение во время ареста коллегами по ВЧК 6 июля 1918 года). В октябре 18-го ему даже пришлось на время уехать в Швейцарию (за кордоном Дзержинский стал «г-ном Даманским»; инкогнито сохранить не удалось — ему повстречался не кто иной, как Роберт Брюс Локкарт, бывший глава английской миссии в России и «злейший враг советской власти»), многие считают, что он фактически бежал от гнева своих единомышленников.

В Берне Дзержинский впервые увидел своего сына Ясика, родившегося 8 лет назад в тюрьме. Он знал его лишь по фотографиям и «разговаривал» с ним в многочисленных письмах жене — Софье Сигизмундовне Мушкат.

После отпуска «железный» Феликс с удвоенной энергией приступил к работе. Он принимает участие в работе II Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, совещания по реорганизации военной контрразведки. В декабре 1918 года его назначают одновременно и председателем Московской ЧК.

Он регулярно участвовал в заседаниях съездов Советов (на 11 съезде избирается членом ВЦИК, а затем и президиума ВЦИК), съездах партии, заседаниях Центрального Комитета большевистской партии. 23 февраля 1918 года на заседании ЦК, обсуждавшем вопрос о заключении Брестского мира, Дзержинский был среди тех, кто воздержался при голосовании (А. А. Иоффе, Л. Д. Троцкий, Н. Н. Крестинский).

В марте 1919 года Дзержинский возглавил Наркомат внутренних дел, а годом раньше — войска ВЧК. В его руках сосредоточилась огромная власть. Однако, когда угроза существованию Советской власти отступила, он выступил за отмену смертной казни по приговорам ВЧК и его органов. 17 января 1920 года ВЦИК и СНК приняли соответствующее постановление. В феврале 1924 года он не согласился с предложениями по карательной политике, предусматривавшими льготы и послабления лицам пролетарского происхождения за преступления.

1920-й стал для Дзержинского годом несбывшейся мечты. Летом в связи с наступлением Красной Армии на Варшаву Оргбюро ЦК РСДРП(б) создало специальный орган для работы на Западном фронте и на землях Польши, возложив на Дзержинского руководство Польским бюро ЦК. Он свято верил, что близок час установления диктатуры рабочего класса в Польше. Однако войскам Красной Армии, вследствие серьезных ошибок верховного ко-

мандования, пришлось отступить от Варшавы. Дзержинский тяжело переживал случившееся. В письме жене 25 августа он писал: «Наше поражение — результат не восстания Польши против «нашествия», а нашей превышающей человеческие силы усталости и бешеной деятельности шляхетских сынов — польской белой гвардии».

В 1921—1924 годах Дзержинский одновременно руководил Наркоматом путей сообщения. Здесь он продолжил дело своего предшественника Л. Д. Троцкого, развивая методы управления железнодорожным транспортом, выработанные в годы гражданской войны.

С образованием СССР было создано Объединенное главное политическое управление (ОГПУ), председателем коллегии которого 18 сентября 1923 года был утвержден Ф. Дзержинский. Известный историк Б. И. Николаевский писал об этом периоде: «Я знаю, что Дзержинский сопротивлялся подчинению ГПУ контролю Сталина и отказывался (во всяком случае, вначале) делать доклады о работе Сталину (мне об этом рассказал... Рыков летом 1923 года). Я знаю, далее, что сталинский аппарат на большие операции был пущен с осени 1926 года, что аппарат за границей Сталин себе подчинил в 1927—28 годах»[2].

Оставаясь бессменно на посту председателя ВЧК—ОГПУ, а затем и Высшего совета народного хозяйства (1924—1926), Дзержинский одновременно был членом различных комиссий и обществ — входил в состав Особого временного комитета науки при СНК, состоял членом президиума Общества по изучению проблем межпланетных сообщений, председателем комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей, комиссии по улучшению жизни рабочих, был одним из создателей общества «Динамо». По его инициативе было создано Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, разогнанное Сталиным в 1935 году.

Любопытно отметить, что главный чекист много помогал Е. П. Пешковой, руководителю Политического Красного Креста (1918—1937) — организации, оказывавшей помощь политзаключенным, независимо от политической принадлежности, и также ставшим жертвами органов ЧК. (Пешкова одновременно была делегатом (представителем) Польского Красного Креста в России. В усилиях по спасению поляков, оказавшихся в советском плену, ей тоже содействовал Феликс Эдмундович.)

А в 40-е годы уже никто не мог помочь родственникам самого «железного» Феликса, ставшим жертвами аппарата, созданного им. Ядвига Иосифовна Дзержинская так и не удостоилась ответа от вождя народов о судьбе своей матери Ядвиги Генриховны, проведшей много лет в карагандинских лагерях. А ведь когда-то Сталин и Дзержинский вместе выезжали в Вятку, Петроград, Тифлис, вместе делали одно общее дело — защищали пролетарскую революцию, строили светлое царство свободы. Но это было в далеком прошлом...

Ф. Э. Дзержинский скончался 20 июля 1926 года после эмоционального выступления на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), посвященного анализу доклада «левых» индустриализаторов Л. Б. Каменева (председателя Совета Труда и Обороны) и Г. Л. Пятакова (заместитель Дзержинского по ВСНХ). Незадолго до смерти он писал: «Мне уже стало так тяжело постоянно быть жестким «хозяином».

Третьим июля датировано его письмо В. Куйбышеву, где он решительно осуждает курс тогдашнего руководства, стремящегося похоронить революционные идеалы в недрах новой мощной диктатуры:

«Дорогой Валериан! При сем мои мысли и предложения по системе управления. Существующая система — пережиток... У нас сейчас за все отвечает СТО и П[олит]бюро. Так конкурировать с частником и капитализмом, и с врагами нельзя. У нас не работа, а сплошная мука. Функциональные комиссариаты с их компетенцией — это паралич жизни и жизнь чиновника-бюрократа. И мы из этого паралича не вырвемся без хирургии, без смелости, без молнии. Все ждут этой хирургии. Это будет то слово и дело, которого все ждут. И для нашего внутреннего, партийного положения это будет возрождение. Оппозиция будет раздавлена теми задачами, которые партия поставит. Сейчас мы в болоте. Недовольства и ожиданий кругом, всюду... Я лично и мои друзья по работе тоже «устали» от этого положения невыразимо. Полное бессилие. Сами ничего не можем. Все в руках функциональников — Шейнмана и Фрумкина. Так нельзя... Кооперация отвергает мои меры против спекуляции и планового снабжения частника, чтобы он, удешевив своих цен, не заставил то же сделать и кооперацию.

Кроме вопросов управления, нам надо серьезно, не так, как сейчас, поставить и разрешить вопросы о дисциплине труда, о кооперации, о частнике и спекуляции, о местничестве...

Я всем нутром протестую против того, что есть. Я со всеми воюю. Бесплодно. Ибо я сознаю, что только партия, ее единство — могут решить задачу, ибо я сознаю, что мои выступления могут укрепить тех, кто наверняка поведут и партию и страну к гибели, т. е. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством, если возьмем потерянный темп, ныне отстающий от требований жизни.

Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции,— какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне — бывшие красные — Муссолини, Пилсудский.

От этих противоречий устал и я»[3].

Удивительно ярко, точно и кратко охарактеризовал Дзержинского русский философ Н. А. Бердяев, оказавшийся в 1920 году в ЧК, один из немногих арестованных, коих лично допрашивал шеф всесильного ведомства: «Это был блондин с жидкой заостренной бородкой, с серыми мутными и меланхолическими глазами; в его внешности и манере было что-то мягкое, чувствовалась благовоспитанность и вежливость. ...Дзержинский произвел на меня впечатление человека вполне убежденного и искреннего. Думаю, что он не был плохим человеком и даже по природе не был человеком жестоким. Это был фанатик. По его глазам, он производил впечатление человека одержимого. В нем было что-то жуткое. Он был поляк, и в нем было что-то тонкое. В прошлом он хотел стать католическим монахом, и свою фанатическую веру он перенес на коммунизм»[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990.
2. Валентинов Н. В. Наследники Ленина/ Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 217.
3. Коммунист. 1989. № 8. С. 87—88.
4. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 223—224.

ТЕСТЫ

по истории России XVII—XVIII веков

I. БЛОК НА ЗНАНИЕ ДАТ

Воссоединение Украины с Россией произошло в
— 1709; 1672; 1654; 1741; 1635.
Герцогиня Курляндская оказалась на русском престоле в
— 1740; 1730; 1682; 1725; 1762.
Последний мужчина, принадлежавший к прямой восходящей рода Романовых, правил в
— 1682—1725; 1727—1730; 1645—1676; 1761—1762; 1796—1801.
Сенат создан указом от
— 1698; 1711; 1739; 1682; 1714.
Страна была поделена на 50 губерний в
— 1708; 1775; 1801; 1735; 1695.
Первый в России университет был основан в
— 1689; 1725; 1687; 1755; 1757.
Император — гроссмейстер Ордена мальтийских рыцарей
— 1761/62; 1801/25; 1682/89; 1796/1801; 1727/30.

II. БЛОК НА ЗНАНИЕ ИНТЕРЕСНЫХ ФАКТОВ

(Вопросы выходят за рамки прежних школьных программ)
Назовите имя императрицы, которую в девичестве величали София-Шарлотта-Августа-Фредерика-Ангальт-Цербстская
— Анна Иоанновна; Екатерина II Алексеевна; Елизавета Петровна; Софья Алексеевна; Елена Глинская.
Законодательный акт, определявший функции Синода
— Генеральный регламент; Духовный регламент; Генеральное межевание; Стоглавый собор; Именной указ патриарха.
Приказы в XVI—XVII веках были заменены
— министерствами Александра I; Верховным тайным Советом; петровскими коллегиями; Государственным советом; Консилией Министров.
Кто такой Христофор Галовей?
— создатель одного из видов огнестрельного оружия; английский путешественник; создатель одного из вариантов кремлевских курантов; один из создателей атласа Каспийского моря; архитектор.
Как звали патриарха, поддержавшего Петра I в 1689 году?
— Иов; Макарий; Алексий I; Иоаким; Петр.
Первым государственным канцлером России был
— Г. И. Головкин; Ф. М. Апраксин; В. В. Голицын; А. Д. Меншиков; Б. П. Шереметев.
Имя младенца, за рождение которого его мать была награждена премией в 100 тысяч рублей
— Алексей Петрович; Александр I; Константин Павлович; Павел I; Петр III.
Русский государственный деятель, который будучи неграмотным стал действительным членом Английского королевского Общества
— А. Волынский; И. Шувалов; А. Разумовский; А. Меншиков; П. Возницын.
Автор своеобразной стихотворной энциклопедии «Вертоград многоцветный»
— Д. Кантемир; С. Полоцкий; К. Истомин; С. Медведев; М. Ломоносов.
Строительство шатровых храмов запретил патриарх
— Филарет; Макарий; Гермоген; Никон; Иоанникий.
Знаменитую икону «Спас нерукотворный» второй половины XVII века написал
— Ф. Грек; А. Рублев; И. Никитин; С. Ушаков; А. Матвеев.

БЛОК III. УКАЖИТЕ ВЕРНЫЙ ОТВЕТ

В 1719 году в Петербурге был открыт для свободного посещения музей и библиотека при нем. Как он назывался?
— Эрмитаж; Артиллерийский музей; Кунсткамера; Русский музей; Военно-морской музей.
Благодаря какому документу выходцы из «подлых» сословий могли рассчитывать на получение дворянского титула?
— Жалованной грамоте дворянству; Генеральному регламенту; Табели о рангах; Уставу Главного Магистрата; Соборному уложению 1649 г.
Чьим именем был подписан указ о веротерпимости, прекративший преследования раскольников?
— Петра I; Елизаветы Петровны; Петра III; Павла I; Екатерины II.

Подготовила **ЕЛЕНА СОЛОВЬЁВА**

ОТВЕТЫ НА ТЕСТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 8—9

I. БЛОК
— Первый русский царь венчан на царство в 1547 г.
— Опричнина введена в России в 1565 г.
— Династия Рюриковичей пресеклась в России в 1598 г.
— Первый русский патриарх занял свой престол в 1589 г.
— I Ополчение было создано в Смутное время в 1611 г.
— I Земский собор собрался в России в 1549 г.
— Первым самозванцем на русском престоле был Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев).
— Тушинский лагерь создается начиная с 1607 г.
— Первый «боярский» царь правил в 1606—10 гг.

II. БЛОК
— Василий Шуйский — так звали бояриня и, выражаясь европейской терминологией, принца крови, который имел все права на опустевший престол Рюриковичей: его он занял в 1606 г.
— Так сказала одна из казанских ханш, узнав о рождении Ивана Грозного.
— В XVII веке внешней торговлей в России занимались гости.
— В ходе Смутного времени на русский престол был приглашен сын польского короля Сигизмунда III Владислав Жигмантович.
— Крестьянские переходы в Юрьев день отменены потому, что крестьяне не могли расплатиться с помещиком за долги своих предков и собственные и тем более не могли выплатить рубль пожилого (сумму, огромную по тем временам).
— Кучум — сибирский хан — разбил дружину Ермака Тимофеевича ок. 1585 г.
— Основу русской армии в XVI веке составляло конное ополчение феодалов.
— Первой страной, наладившей морскую торговлю с Россией (через Белое море), была Англия (1553 г.).
— Иван IV ввел опричнину для укрепления личной власти и подавления любой оппозиции в стране.
— Губные старосты занимались борьбой с разбоями и лихими людьми.
— Храм Вознесения в селе Коломенском воздвигнут в честь рождения Ивана IV.

III. БЛОК
Ясак — определение 3; урочные лета — опр. 2; Четьи минеи — опр. 3; лисовчики — опр. 1; крестоцеловальная запись — опр. 3; корыстная служба — опр. 3; дворец — опр. 3; судебник — опр. 1; Избранная Рада — опр. 3; заповедные лета — опр. 1.

НАТАЛЬЯ ДЕМИДОВА,
доктор исторических наук

Сливовый счет

Привыкнув к представлению о грандиозном размахе реформ Петра Великого, мы не замечаем, что зачастую эти преобразования не предусматривали каких-то мелочей, без которых любые нововведения теряли смысл. Многим памятны, например, учреждения нового летосчисления и гражданского алфавита. А как обстояло дело с издревле принятым на Руси буквенным обозначением чисел?

Цифры в России с начала письменности обозначались двадцатью семью буквами алфавита: девять букв для единиц, девять — для десятков и девять — для сотен. Нуля русское исчисление не знало. Тысяче соответствовал знак ≠. В тексте над цифрой ставился знак ~.

Во втором десятке — от одиннадцати до девятнадцати — цифры писались, как произносились: два-на-десять В̃І̊ (Б — цифра 2, І̊ — десять), три-на-десять Г̃І̊ (Г — цифра три). Естественно, такое обозначение требовало особых приемов счета.

Попробуйте привычными приемами сложить 31 и 13, если в первом случае единица стоит после десятка: ЛА, а во втором — наоборот ГІ̊ (А — цифра 1, Л — 30, Г — 3). А если число трехзначное? 131+213 (РЛА+САІ̊)? Еще труднее было умножение и деление.

Введение Петром арабских цифр не только приближало русское общество к западноевропейским обычаям (в Европе издавна действовала индо-арабская система арифметических подсчетов), но и значительно облегчало всякого рода вычисления, которые при буквенном обозначении чисел были весьма затруднительны.

Арабские цифры были известны русскому обществу. Для совершения арифметических подсчетов при буквенной нумерации наиболее образованная культурная часть русской администрации и купечества обращалась к специальным учебным пособиям — так называемым книгам «цифирной счетной мудрости», в них излагались начатки арифметических знаний на основе арабского обозначения чисел. Знание «цифири» высоко ценилось в обществе. *«А кто сию мудрость знает, может быть у великого государя в великой чести и жаловании»*[1],— отмечалось в предисловии к одной из таких книг второй половины XVII столетия.

«Цифирные книги» стояли в личных библиотеках подьячих. Так, подьячий приказа Большой казны С. Лосев продал в 1673 году одну такую книгу молодому подьячему того же приказа А. Никифорову[2]. Интересно, что Лосев продал книгу, когда сам перешел из приказа Большой казны в Посольский, где нужда в справочнике подобного рода уже не была столь острой.

В приказной и торговой среде для ведения счета существовал целый ряд вспомогательных приемов. Адам Олеарий в своих записках упоминает о том, что московские подьячие довольно искусны в вычислении своим способом, причем они употребляют... зерна косточки сливы, которые каждый носит при себе в небольшом кошельке. Кроме косточек применялись и счеты.

Повсеместное использование арабской «цифири» зафиксировано началом XVIII века, переход же к ней, в отличие

ξ — 60.	у — 400.	а — 1.	ві — 12.
о — 70.	ф — 500.	в — 2.	гі — 13.
п — 80.	х — 600.	г — 3	ді — 14.
ч — 90.	ψ — 700	д — 4.	еі — 15.
р — 100	ѿ — 800.	є — 5.	к — 20.
ра — 101.	ц — 900	ѕ г — 6.	кв — 22
рк — 120.	҂а — 1000	з — 7.	л — 30.
рч — 190.	҂аѿпд — 1874.	и — 8.	ла — 31.
с — 200.	҂в — 2000.	ѳ — 9.	м — 40.
спа — 281.	҂зтпв — 7382.	і — 10.	ме — 45
т — 300.	—	аі — 11.	н — 50.

от введения гражданского алфавита или нового календаря, не был оформлен единым указом (что вообще характерно для преобразований начала века), растянулся на несколько лет.

В делопроизводстве Посольского приказа арабские цифры появляются с 1701 года, а в других центральных и тем более местных учреждениях это происходит значительно позднее. Вплоть до второго десятилетия XVIII века буквенное обозначение чисел (особенно в датах) практикуется в регистрационных журналах Поместного приказа — одного из крупнейших учреждений России.

В 1701 году начинают чеканить медные деньги с арабскими цифрами, но вплоть до 1722 года появлялись монеты с буквенным обозначением, иногда буквенно-цифровые знаки соседствовали на разных сторонах монеты. Ту же картину наблюдаем и в книгопечатании конца XVII — начала XVIII века.

Импульсом для внедрения в русскую практику арабских цифр было создание в 1701 году под эгидой Оружейной палаты школы математических и навигационных наук, и выход в свет в 1703 году для учеников этой школы «Арифметики, сиречь зачислительной» Л. Ф. Магницкого, где вводятся арабские цифры и объясняются правила их употребления, т. е. «цифирная мудрость».

Первые десятилетия XVIII века стали как бы переходным периодом от старой системы нумерации и арифметических подсчетов к новой, вплотную связанной с развитием математических знаний. 14 апреля 1702 года появился указ Петра I, связанный с организацией обязательного обучения «цифири» подьячих Сибирского приказа[3]. Текст указа предельно краток. Он предусматривает обязательную учебу в течение года и состав учащихся: речь в нем идет только о молодых подьячих, т. е. о низшей и наиболее многочисленной части служащих приказа. Обучению отводилось два часа в день от рабочего времени подьячих. Надо было освоить четыре действия арифметики («счисление, изъятие, умножение, деление»), а также «тройную строку», т. е. решение задач с величинами прямой и обратной пропорциональной зависимости друг от друга.

У кого молодые подьячие должны были учиться, царь написал неопределенно: *«у ково прилично и где похочет»*. Скорее, обучение предполагалось ограничить стенами самого приказа. Для нерадивых учеников предусматривались и карательные меры вплоть до отставки от приказа. Не менее грозным было запрещение дальнейшего продвижения по службе.

В 1721 году последовал еще один указ о создании специальной школы, *«где учить подьячих их делу, а именно, цифири и как держать книги»*[4]. По-видимому, вопрос об овладении служащими государственных учреждений необходимыми счетными навыками до 1721 года все еще не был решен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГАДА. Ф. 181. Д. 932. Л. 172об.
2. ЦГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 66, Л. 42; Ф. 138, 1673 г. Д. 6. Л. 70.
3. ЦГАДА. Ф. 214. Д.
4. 1-е ПСЗ. Т. VI. № 3845. С. 451—452.

МАРИНА КАРАСЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОЛШЕБНИКА

«Нет, я не собираюсь посетить Старевича на его вилле в Фонтене, это не безопасно: вдруг он превратит меня в каменное изваяние или напустит на меня своих гномов, шутов, эльфов, своих страшных комаров или драконов со сверкающими глазами-алмазами...»

«Мы поднялись на крыльцо. Позвонили. Долго никто не отвечал. Потом дверь тихонько скрипнула, и к нам вышел Старевич, маленький, как гномик, человечек с добрыми голубыми глазами... — Да это же «Калеб из «Сверчка на печи!» — тихо прошептал я...»

Между этими строками тридцатилетие. Первые написаны Александром Арну в 1929 году, вторые взяты из рассказа И. Иванова-Вано о поездке в Фонтене-су-Буа в мае 1956 года. Но если их расположить таким образом, одна цитата за другой, временная дистанция пропадает. Рождается образ — жизнь, вросшая в легенду. Или, наоборот, легенда, опутавшая жизнь.

Весь творческий путь кинорежиссера Владислава Александровича Старевича (а он длиной в 55 лет!) — от первой битвы «оживших» жуков-рогачей до так и не разгаданного секрета «волшебных кукол» — окружен нелепыми слухами, мистификациями и забавными вымыслами. Но восторженные зрители попадали в ловушку собственной фантазии. Старевич, скрывая свои профессиональные секреты, не торопился развенчивать созданный другими образ Волшебника, делая это из соображений личного покоя. Желание семейной уедненности (ибо семья была его рабочим цехом), тишины, изолированного бытия как рефрен проходит через всю его жизнь.

Английский кинокритик Мэри Сетон назвала Старевича «Эзопом XX века» за то, что он рассказывал сказки для взрослых. Это красивое название польский историк кино В. Евсевицкий взял для своей монографии о Мастере. Но заметим, гораздо важнее не ЧТО рассказывал Старевич, а КАК он это делал. В этом суть его «волшебства». Поэтому более выразительным представляется здесь образ «Пигмалиона XX века». Эта характеристика важна еще и потому, что Старевич действительно ЛЮБИЛ свои творения, любил свой кукольный мир, и это чувство присутствует в его фильмах как эмоциональная основа.

При перечислении имен замечательных деятелей раннего русского кино: Ханжонкова, Чардынина, Гончарова, Бауэра, Протазанова... перед именем Старевича, как правило, ставят союз «и», тем самым выделяя его творчество из общего кинематографического потока. И дело не только в том, что другие снимали актеров, а Старевич работал с куклами. Его ранние работы нельзя назвать просто техническими опытами или неоформленными новациями. Это была новая экранная эстетика.

Так кто же он — Владислав Александрович Старевич? Каким он был и каким был его путь, ставший заметной страницей истории мирового кинематографа?..

Рассказ о его биографии можно начать традиционно. Владислав Старевич родился 8 августа 1882 года в Москве. Родители — Антонина (урожденная Легецкая) и Александр — были родом из обедневших польских дворян, давно осевших в Ковенском уезде. Задолго до его рождения, в 1863 году, отец участвовал в польском восстании и после его подавления был вынужден уехать в Россию. Мать умерла вскоре после рождения Владислава. Когда мальчику было четыре года, отец отправил его на воспитание в Ковно, в семью Легецких. Но фактическое сиротство обернулось для него счастливой стороной, ибо он попал в атмосферу любви, заботы, внимания. В этом «волшебном доме» запросто жили животные и птицы. А дед, дядьки и тетки увлеченно творили: рисовали, лепили, играли на музыкальных инструментах.

Как и положено единственному ребенку в большой семье, внимательному и одаренному от природы, Владислав быстро развивался. Он многое умел делать своими руками, многим увлекался, но одно открытие захватило его всерьез и надолго. Десятилетний Владек увидел «Волшебный фонарь». Тайком ознакомившись с его устройством, он смастерил похожий аппарат. Нарезал стекла и разрисовал их излюбленными видами. Из застекленной темными окнами веранды получился настоящий проекционный зал, в котором для детей соседних домов устраивались фантасмагорические просмотры. Изобретение со временем совершенствовалось, и «спектакли» усложнялись. За «Волшебным фонарем» последовал «Тауматроп», его сменила «Волшебная книга», при перелистывании страниц которой оживал рисунок. Затем юный Старевич неожиданно увлекся энтомологическими наблюдениями, которые имели печальные последствия. Он сбежал с торжественного молебна ловить бабочек за Неман и вылетел из 2-го класса гимназии с «волчьим билетом». Учебу пришлось продолжать в Дерпте (ныне Тарту)...

Но вот гимназия окончена, и Владислав Старевич зарабатывает на жизнь, рисуя видовые карточки. Подписывается «Влас». Он съездил в Вильно, брал уроки в частной школе Трутнева у художника Яроцкого. Средств на учебу не хватило, поэтому с живописью пришлось расстаться. Владислав возвращается в Ковно и вскоре женится на хозяйке местного шляпного магазина, устроившись служащим в Казенную палату.

Но из Старевича получился странный чиновник. Настоящая жизнь для него начиналась за две-

рью конторы. Вечерами он репетировал в любительском тайном театре, поскольку до 1905 года польские сцены были запрещены. Местные журналы «Оса» и «Кривое зеркало» печатали его карикатуры. Но громкую славу принесли Старевичу новогодние маскарады. О его умопомрачительных нарядах и гриме говорил весь город. Три года подряд он получал первые призы за костюмы из... рогожи, пробок и колосьев пшеницы.

Кроме того, Старевич увлекся фотографией и, оформив из собранных фотоматериалов красочный альбом, преподнес его в дар Ковенскому этнографическому музею. Хранитель, известный археолог Тадеуш Довгирд, предложил ему идею этнографического фильма. Старевич загорелся. Он поехал в Москву на поиски съемочной техники. Ханжонков, оговорив право первой покупки фильма, выдал провинциальному незнакомцу тяжелую и уже успевшую устареть камеру «Урбан» с коробками негативной пленки.

Насчет этого договора есть расхождения. Сам А. А. Ханжонков в своих мемуарах о «первом мультипликаторе» пишет, что по совету своего сотрудника Тодди он выписал Старевича в Москву в конце 1911 года из Вильны. Что знакомство режиссера с киноаппаратом было под водой, куда он опускался в большом водонепроницаемом ящике и пытался снимать стадии развития головастиков. И что этот опыт якобы натолкнул его на изобретение объемной мультипликации. Старевич в своих записках (хранящихся в Варшаве у В. Евсевицкого) описывает свой приход в кино иначе...

Итак, он возвращается в Ковно и снимает первый десятиминутный фильм «Над Неманом»: руины замков, пейзажи, религиозные обряды. А затем обращается к энтомологической тематике, получив возможность с помощью «глаза» киноаппарата увидеть мелочи, ускользающие при живом наблюдении. Он уже снял два фильма — «Жизнь стрекоз» и «Жуки-скарабеи», когда в 1910 году случай подарил ему идею открытия, которому он посвятил всю свою жизнь.

Напомним, что сам принцип мультипликации был найден задолго до братьев Люмьер. Но первые рисованные фильмы француза Эмиля Коля, снятые методом покадровой съемки и длившиеся около 3 минут, появились за три года до открытия Владислава Старевича (в 1906—1908 годах). Однако не осталось сведений о демонстрации мультипликационных лент в то время в Ковно. Да и поиски Старевича носили совершенно иной характер. В анимацию его привел не опыт художника-карикатуриста, а энтомологический эксперимент.

Сняв два фильма, одобренные в Москве, Старевич искал новый сюжет. Однажды на лугу его заинтересовало «сражение» жуков-рогачей. Вот как он описывал в своем дневнике последующий научный опыт: «Я установил на столе подходящую декорацию и дуговую лампу, затем поместил рядом друг с другом двух жуков-самцов, предварительно дав им почуять самку. Обычно страх на какое-то время парализует жуков, но потом они приходят в себя. Так было и на этот раз. Когда они наконец зашевелились, я включил лампу. От яркого света они снова замерли и не двигались довольно долго. Как я ни старался, результат был один и тот же: при включении лампы жуки цепенели. Я попробовал связать их волоском, но эта уловка не удалась. В конце концов я бросил свои попытки. Перед сном я раздумывал над этой неудачей, пытаясь найти способ решить возникшую передо мной проблему. Я представил себе ручки и ножки проволочных живых фигурок, которых я в былые годы рисовал на полях тетрадей. Если таким способом можно оживить рисунок, то почему бы не попробовать сделать то же самое с мертвым жуком, придавая ему необходимые позы? Естественно, сначала насекомое нужно соответственно подготовить. Не так уж трудно пропустить сквозь лапки тонкую проволочку, прикрепив ее воском к туловищу. Я сделал из пластилина «поле битвы», чтобы иметь основание, в котором держались бы лапки насекомого. С движениями жуков трудностей не было. Опыты с рисунками на полях развили у меня чувство движения. Продумав будущую схватку рогачей, я набросал основные позы. При съемке я делил каждое движение на ряд фаз. Для каждого кадра устанавливал свет...» Первый анимационный опыт занимал 110 метров пленки, по длительности практически не отличаясь от познавательных фильмов.

Не прошло и двух лет, как в журнале «Вестник кинематографии» появилась короткая, но привлекающая необычностью заметка: «На последнем просмотре новинок Т. Д. (Ханжонков и К°) привлекла общее внимание и вызвала восторг одна кинематографическая вещица под названием «Прекрасная Люканида» из жизни насекомых (жуков-рогачей и усачей). Разыгрывается жуками «потрясающая драма» с романом и кровопролитной войной и даже поэзией. Картина настолько необычна, настолько нова и оригинальна по замыслу, что ставит в тупик даже специалистов кинематографического дела. Успех картины можно предсказать из ряда вон выходящий».

Журналистская братия на сей раз не ошиблась: на премьере 26 марта 1912 года шедевру, созданному в квартире-мастерской головных уборов на Николаевском проспекте в Ковно, рукоплескала Москва, затем столица, а дальше началось его успешное шествие не только по отечественным экранам, но и за рубежом: это была первая русская картина, приобретенная для проката заграничной фирмой. (Кстати, американские прокатчики и после закупали у русских кинопредпринимателей в основном мультипликационные фильмы Старевича.)

Зрители были потрясены доселе невиданным зрелищем. Фирма и журналы еще долго (вплоть до 20-х годов) умалчивали о необычной технике фильмов Старевича, полагая, что слово «кукла» принизит их достоинства, и сознательно создавали флер таинственности упоминанием о необычном способе дрессировки. Художник Борис Михин вспоминал, как один молодой человек умолял Старевича открыть секрет муштры насекомых. Владислав Александрович совершенно невозмутимо выслушал его тираду, а потом, театрально взмахнув руками, воскликнул: «Никогда! Слышите — никогда!»

После премьеры Старевича вместе с семьей пригласили на постоянное жительство в Москву, назначив высокий оклад в 300 рублей. Он быстро закончил монтаж еще четырех лент, снятых им в 1911 году при помощи жены Антонии в примитивном ателье в Ковно. И осенью выпустил их на экраны одну за другой.

Примечательно, что одна из лучших его картин «Месть кинематографического оператора» вышла непосредственно вслед за «Люканидой».

«Всем еще памятен тот успех, которым пользовалась в прошлом сезоне прелестная костюмная драма «Прекрасная Люканида» из серии «разыгранные насекомыми». Много суждений и догадок вызывала эта картина прекрасной игрой жуков, их жестами, их движениями, совершенно человекообразными. Теперь перед нами снова такая же фильма, но более современного жанра. Тут нет средневековья, нет битв, но зато есть пламенные объяснения в любви, танцы «знаменитой босоножки», прогулка в автомобиле, езда на мотоциклетке. Здесь фигурирует кинооператор со своим съемочным аппаратом, художник в своем ателье, и, наконец, мы присутствуем при кинематографическом сеансе в электротеатре, где видим механика в своей камере за проекционным аппаратом, видим, как вспыхивает фильма и разгорается пожар. И это все исполнено жуками и только жуками. Если лента прошлого сезона вызывала удивление, то эта лента — еще более мастерски выполненная — вызовет еще большее удивление».

Мы специально привели здесь всю заметку без сокращений, поскольку в рекламном перечислении сцен фильма дается полный букет пародируемых знаков кинематографа, а также жанров: адюльтерной драмы в среде буржуазии и артистической богемы с вставными танцевальными номерами (в это же время блистала Дункан, и собирала аншлаги драма с танцовщицей кабаре Лидией Карантой), ранних фарсов. Пародийно и само название — экран изобиловал всевозможными страстями, «местями». К тому же, пародируя киноштампы, Старевич использует (а значит, и пародирует) различные киноприемы: кашированные кадры, затемнение.

Старевич любил розыгрыши и не раз устраивал киношутки. Так, например, с помощью графической мультипликации он разыграл служащих фирмы. Вот как описал этот случай А. Ханжонков: «Однажды, при встрече нового 1913 года, когда собравшимся сотрудникам и их родственникам демонстрировались лучшие эпизоды из еще не выпущенных лент, Старевич попросил разрешения показать и его ролик. Картина началась кадрами традиционного рождественского деда. Дед Мороз на экране вдруг замер. Проекционный аппарат привычно потрескивал, но поза Деда Мороза не менялась. Это вызвало у зрителей подозрение, что пленка остановилась под горячим лучом дуговой лампы. Искушенные в киноделе зрители знали, что так обычно начинаются пожары.

Зрители тревожно, как по команде, привстали на своих местах и ждали, оживет ли кадр. И вдруг в центре экрана появилось зловещее темнеющее пятно, быстро воспламенившееся и покрывшее экран огненными языками. Паника охватила присутствующих. Одни бросились, опрокидывая стулья, к выходу, другие устремились к проекционной будке. Неожиданно дверь кинобудки открылась, и вместо ожидаемых облаков дыма и пламени показалось бледное лицо нашего опытного киномеханика. Потрясая руками, он кричал: «Ну и жулик же ваш Старевич!..»

Хохоту и шуткам не было конца... Потом оказалось, что все эти «пожарные» эффекты были нарисованы, а частью выцарапаны и раскрашены на самой пленке».

К рождественским праздникам Старевич выпустил первую мультипликацию для детей — «Рождество обитателей леса». Причем использовал сюжет, к которому не раз будут обращаться аниматоры. Ночью на елочной ветке ожил Дед Мороз. Прием непосредственного оживания куклы на глазах у зрителей станет характерным для фильмов Старевича, так как построенные на нем эпизоды в его исполнении действительно напоминают чудо. Кукла Мороза — первый человеческий персонаж режиссера: голова и туловище были сделаны из пробки, ножки из проволоки в деревянных сапожках, жемчужина с черной дырочкой двигалась, имитируя глаза, а борода из ваты на проволочке казалась движущейся и «зевающей».

Дед Мороз сбежал в лес и устроил праздник для лесного народа, а к утру вернулся на ветку. Добрый волшебный фильм для детей, явление исключительное на экранах того времени, был прекрасным новогодним подарком не только для детей России — он прошел и за границей в «колоссальном тираже», как сообщил об этом «Вестник кинематографии» (№ 54, 1912).

В день Рождества 1912 года состоялась всемирная премьера новой

работы Мастера — «Стрекоза и муравей». Первые зрители копенгагенского кинотеатра «Палад-рояль» даже встали для аплодисментов. Этот небольшой фильм имел такой шумный успех, что его нередко считают первой работой Старевича. 22 февраля 1913 года состоялся первый показ в Москве. И благодаря восторженным отзывам отечественной критики было напечатано 140 копий (число рекордное даже для игровых картин).

В новом фильме появились два психологически очерченных персонажа. Текст, всем известный и небогатый на события, ушел на второй план. Стало интересным само экранное бытие, без вопроса: «а что будет дальше?».

Зрителей удивляла фантазия режиссера. Так, например, короткая фраза «Попрыгунья-стрекоза лето целое все пела...» превратилась в ряд забавных подробных сцен летнего веселья Кузнечика. Он пьет из большой бутыли, и видно, как у него надувается брюшко. Он играет на скрипке, а потом, приняв ее за бутылку, пытается допить последние капли. Он танцует, устраивает застольный дебош, разгоняет собутыльников-жуков, задирает трудягу-муравья...

Привлекла зрителя и повествовательная манера Старевича. Он «рассказывал» историю, но не расставлял, как в басне, назидательных акцентов. Его кинобасня не изобличала, не наставляла, превратившись в короткую и немного грустную новеллу.

Нельзя не упомянуть интересный опыт летом 1913 года по соединению в одном кадре кукольной мультипликации и живого актера. Речь идет о просветительском фильме «Пьянство и его последствия». Вот как описывает эти съемки оператор фильма Луи Форестье:

«Оставалось доснять лишь несколько игровых сцен в маленьком павильоне на Тверской, в том числе один трюк, которого я никак не мог осилить. Трюк был такой: из полупустой бутылки водки, стоящей на столике перед пьяным, которого играл Мозжухин, должен был вылезти маленький чертик, прыгать по столу и рукаву пиджака, всячески дразнить пьяного. По замыслу режиссера эта сцена должна была изображать человека, напившегося «до чертиков». В дни моих мучений над проблемой съемки «черта в бутылке» к нам на работу поступил В. А. Старевич. Узнав, что я тщетно мучаюсь с трюковой съемкой, он предложил мне свои услуги...»

В. Д. Ханжонкова вспоминает, что, снявшись в нескольких дублях, Мозжухин на самом деле «перебрал». И Старевич со своим изобретением пришел вовремя. Чертика он сделал из пластилина и методом покадровой съемки загнал его в бутылку. Затем соединил обратную съемку с планом актера (при помощи двойной экспозиции), и таким образом чертик неожиданно появлялся в бутылке, выбирался из нее и начинал дразнить допившегося до «белой горячки» Мозжухина. Вера Дмитриевна пишет, что чертик так живо бегал, проказничал и гримасничал, что даже по прошествии многих лет невозможно было забыть впечатление, оставленное этим эпизодом.

Летом 1913 года начинается короткий период работы режиссера преимущественно в игровом кино. Тому были объективные причины: куклы, привезенные из Ковно уже «отыграли свое», а постройка специального ателье задерживалась. Однако, вступив на новую стезю, Старевич не смог расстаться с привычками режиссера-кукольника. Он, видимо, старался, насколько это возможно в коллективном производстве, сохранять положение творца-одиночки. Он все делал сам, и окружающие восхищались его универсальностью. Старевич был одновременно сценаристом, режиссером, оператором и художником (что даже в те времена было явлением редким). Кроме того, он сам, как вспоминает актер Н. Браницкий, «лепил фризы, капители, сам ставил колонны». Мог «проявить пленку, отпечатать, смонтировать позитив и, наконец, просмотреть картину, не дожидаясь механика». Борис Михин видел в этом разнообразии исключительность натуры Старевича.

Не случайно современников удивляли изобразительные и технические качества его фильмов, выполненные на уровне мировых стандартов, что было редкостью для кинопродукции России. Браницкий вспоминает, что один фильм Старевича демонстрировался параллельно с хорошей итальянской картиной и во многом ее превосходил. Особенно критика отмечала его операторские способности, хотя на картинах других режиссеров он работал редко. Старевич первым в России применил светофильтры, умело пользовался, в отличие от многих собратьев, пленками Кодак и Патэ, был неистощим на выдумки по части кинотрюков, оптических приспособлений и комбинированных съемок, изобретательно пользовался эффектами кукольной и графической мультипликации.

Он стремился к тому, чтобы мир реальный, на который смотрела его камера, преобразился фантазиями и видениями; чтобы действительность, под властью хитроумных приспособлений, оказалась такой же подвластной ему, какой была условная, созданная руками кукольная среда.

Но исполнители теперь были живыми. И если реальность в той или иной степени он мог перекраивать, то актерский «материал» был ему неподвластен. Старевич в работе с актерами выбрал тактику минимального вмешательства: «Он только объяснял исполнителям изображаемую ситуацию, представляя актерам полную свободу в выражении чувств их героев. В этом заключалось резкое отличие Старевича от режиссеров типа Бауэра, Протазанова, Гардина, которые не только диктовали исполнителю, где стать и куда идти, но предписывали свои жесты, мимику, взгляд...» (актер А. Желябужский). У Старевича характер «игры» определялся атмосферой на съемочной площадке, и рецензенты не раз отмечали интересные актерские работы в его фильмах.

С ним постоянно работали Алексей Громов, Ольга Оболенская, Вячеслав Туржанский, Елена Чайка, Антон Фертнер, Анатолий Бибиков и многие другие. Но наиболее интересным оказался творческий союз Старевича и легендарного Мозжухина. По мнению Михина, именно Владислав Александрович научил Ивана Ильича играть. Это, конечно, преувеличение. Известность и любовь публики Мозжухину принесли работы в салонных мелодрамах Е. Бауэра, но роли, сыгранные в фильмах Старевича, даровали ему редкую возможность полного перевоплощения, яркого проявления невостребованного актерского потенциала — в образах старого Колдуна из «Страшной мести», вертлявого Черта из «Ночи перед Рождеством», богатыря Руслана из сказки Пушкина. Он получил материал, на котором мог раскрыть свой талант, тяготеющий к гротеску и комедии (что позже с неожиданной силой раскроется в его работах во Франции уже в 20-е годы).

Как режиссер игрового кино, Старевич выпустил около пятидесяти картин; среди них мелодрамы, комедии, агитки, экранизации песен, экспериментальные постановки, фарсы. Но закономерно, что в истории раннего русского кино он остался в основном как постановщик сказочных и фантастических историй. Лучшие его фильмы — экранизации русской и польской классики.

Прежде всего Старевич обратился к Гоголю, чья проза оказалась чрезвычайно кинематографична. Для первого опыта режиссер не случайно выбрал «Страшную месть». Ее постановка предполагала множество технических трюков. Так, для того чтобы показать гостей с того света в плавучей, словно плазма, атмосфере, Старевич экспонировал эти сцены с помощью специального затвора на съемочный объектив, который остроумно соорудил из выбракованного стекла. А при съемке последней апокалипсической сцены, когда нагнетаются ужасы возмездия, мастер переснимал 20 метров по 10 раз на одну пленку: отдельно скалы, на среднем и общем планах, отдельно огонь и дым, отдельно воду... Словно в кукольном кино, полностью конструируя действительность. Это был первый русский фильм, получивший золотую медаль на международном конкурсе в Милане и вышедший на экраны Японии.

Затем последовали веселая изобретательная «Ночь перед Рождеством», для которой в Крылатском специально выстроили малороссийскую деревню, неудачная постановка «Портрета», позже, в 1918 году, в Ялте — целая серия гоголевских экранизаций: «Вий», «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь».

Пушкинские сказки, над которыми работал Старевич, были излишне фееричны, по причине явного перевеса «чудес», что и самому Владиславу Александровичу не нравилось. Но фильм «Руслан и Людмила» был восторженно принят и публикой, и прессой. В. Д. Ханжонкова вспоминала, как на просмотре в 1929 году Г. Васильев не верил, что фильм поставлен в 1915 году: его поразили не только тщательно отделанная трюковая сторона фильма, но и постановочная, операторская работа Старевича.

Многие фильмы Старевич снимает в Ялте, куда и перебирается вскоре после октябрьских событий 1917 года вместе с семьей. Подальше от сумбура действительности, в объятия сказок.

В сложных финансовых условиях Старевич снимает «Калиостро», фильм волшебной красоты и очарования, «Иолу», для которой были написаны специальные музыкальные иллюстрации, делает экранизации Гоголя... Но вершиной своих творческих достижений в игровом кино Владислав Александрович считал «Стеллу Марис» («Звезду моря») по произведению Локка, которую снял в Ялте незадолго до отъезда за границу. Судя по оставшимся свидетельствам, это был действительно выдающийся, удивительный фильм, апофеоз творческой фантазии, рожденный в столь неподходящее время.

Наступила последняя «русская» зима Старевича. Вся семья: жена и две дочери — вместе с группой актеров МХТ, по приглашению продюсера фирмы «Икарус-фильм» Хапсаева уезжает в Италию. Но дело не сложилось, и они перебираются в Париж, где собралась большая группа русских кинодеятелей. Несмотря на то, что в новой фирме «Альбатрос» работает много знакомых и друзей, Старевич решает окончательно «порвать» с игровым кино и с долгожданным удовольствием отдается любимому кукольному делу.

45 лет провел Старевич под крышами Парижа. И все эти долгие годы он работал, создавая свои удивительные шедевры. В 20-е годы он выпустил целую серию изобретательных сказок, где вместе с куклами играла его младшая дочь Янина — НИНА Стар, так называли ее французские афиши. В 1925 году его картина «Голос соловья», первое из европейских кинопроизведений, получила Золотую медаль Розенфельда (своеобразный Оскар в Америке). В 30-е Старевич готовит сериал о забавной плюшевой собачке Фетише, в груди которой как сердце бьется человеческая слеза. Эти трогательные истории пользовались оглушительным успехом. Они были, пожалуй, единственными в истории кино короткометражными фильмами, которые публика требовала показывать в отдельном прокате. Старевичу прочили славу нового Диснея, но он отказался ехать в Америку и до конца оставался верным своим «кустарным принципам».

Да, все фильмы Старевича сделаны руками двух людей. Сначала ему помогала жена, позже дочь Ирина. Она стала, по существу, соавтором его произведений. Общеизвестна трудоемкость процесса создания анимационных фильмов. Но на вопрос о «тайне» исполнения Старевич неизменно разъяснял: «...Секрета особого здесь нет. Это все труд. Большой кропотливый труд. Все это создано по кадрику, только очень-очень тщательно».

Мир был потрясен его новым полнометражным озвученным фильмом-шедевром кукольной анимации «Рейнеке-Лисом», снятом по мотивам сказки Гете. В работе над ним Старевич продемонстрировал верх изобретательности, сочиняя новые кинематографические приемы. Особенного восхищения были достойны куклы, выполненные в различных размерах (от 10 см до человеческого роста), с многочисленными, тщательно загримированными масками — «выражениями лица» (до 500 для каждой куклы!), глаза кукол оживали на экране, и это было настоящим чудом, поскольку именно взглядом выражалось любое чувство.

Старевич продолжал неустанно творить, получал призы, задумывал новые грандиозные сюжеты — например, апокалипсическую фреску «Сотворение мира»; работал в рекламе, но время неумолимо. Владислав Александрович умер в 1965 году, в своем небольшом доме-ателье, похожем на Музей кукол, в парижском предместье Фонтене-су-Буа. Он так и не стал «французом», закрывшись в своем «семейном склепе», практически не общаясь с внешним миром.

В Архиве Госфильмофонда хранится его письмо от 19 ноября 1964 года на имя В. Ханжонковой. Оно сохраняет не только дореформенную орфографию, но и стиль, характерные речевые обороты. Кажется, что эти несколько строк шли до адресата лет пятьдесят: «...Если Вы соизволите прислать на мой адрес Вашу работу, помогу Вам, вспоминая близкия сердцу наши годы киноработы. Привет товарищам и Вам сердечные пожелания. В моей памяти Вы вечно «Верочка». Ваш Владислав Старевич».

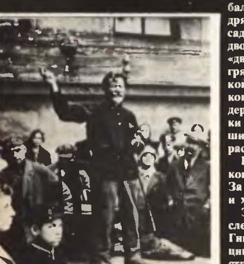
Мечта Мастера о Музее кукол не сбылась. Ходатайства И. Иванова-Вано по приобретению их Советским Союзом не увенчались успехом. Коллекция разошлась по миру. Но некоторые уникальные персонажи с «живыми мордочками», передающими любые эмоциональные интонации, секрет которых так и ушел с создателем, еще живут на полках дома в Фонтене под присмотром почти потерявшей зрение Ирины Владиславовны Старевич...

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ГОДЫ 20-ые

ГОДЫ ДВАДЦАТЫЕ...

«Июньский вечер; я на том же балконе. Направо, за решеткой, кудрявятся деревья Таврического сада. Чуть виден широкий купол дворца, но это уже не Дума: это «дворец Урицкого»... Напротив — грязный, с осыпающейся штукатуркой дом. Окна открыты... На подоконниках лежат солдаты... Простые деревенские парни, молодые мужики без дела, неизвестно зачем надевшие трепанные защитные куртки, расстегнутые или без пуговиц.

Навалившись животами на подоконники, мужики плюют на улицу. За их спинами, в комнате, свистит и хрипит граммофон...»*

Эта «фотография» — одна из последних ярких впечатлений Зинаиды Гиппиус перед отъездом в эмиграцию. Страна поменяла свое лицо — стремительно и, увы, необратимо.

Двадцатые годы — рубеж и в фотоистории. Уже не встретить фотографии на роскошных паспарту с золотым тиснением знаменитых фирм вроде «Ренц и Шредер», «Шерер и Набгольц». Скромное серенькое паспарту с безликим «Визит-Портрет» какое-то время еще держится в обиходе, постепенно уступая место фотографиям без каких-либо выходных данных — сказывается начавшаяся национализация «фотографических заведений».

Заметно демократизируется и одежда портретируемых — на смену мундирам, визиткам, фракам и изысканным нарядам приходят кожаные куртки, кургузые пиджаки и платья, сшитые из подкладочных тканей.

Фотография 20—30-х начинает резко дифференцироваться на репортажную, событийную, которой занимаются фоторепортеры и немногочисленные фотолюбители, и бытовую, остающуюся во власти фотографов-профессионалов. Но,

* Зинаида Гиппиус. Живые лица. Л., 1991. С. 105.

увы, их «продукция» явно проигрывает в качестве по сравнению с работами предшественников — мастеров и хозяев. Приходящие им на смену наемные работники уже не так болеют за реноме «собственного заведения».

Хуже становится и с фотоматериалами: поставки из-за рубежа прекращаются, а отечественное производство еще только делает первые шаги, вынуждая авторов пособий для начинающих фотографов рекомендовать «не пользоваться особенно в ответственных случаях отечественными материалами».

Феноменом 20—30-х становится групповая фотография. Коллективизм укореняется в сознании людей, отражаясь и в характере снимков. В прежних сложных композициях фотограф размещал каждого портретируемого в особой позе, стараясь сымитировать некое более или менее правдоподобное действие: беседу, чтение книги, рассматривание альбома, наконец, просто неформальное общение. Взамен появляются безликие «группы» на память с «главным лицом» в центре.

Разительно отличается от бытовых снимков так называемая «социальная хроника», увлекшая в молодой республике многих. Самыми интересными хроникерами стали члены группы петроградских фотомастеров: Я. В. Штейнберг, братья Виктор и Александр Булла и другие. В 1924 году в залах бывшей Академии художеств они провели огромную фотовыставку, по-видимому, последнюю, не затронутую ядом «ц. у.». Честный, непредвзятый подход фоторепортеров к действительности, отсутствие оглядки на цензуру сделали их работы бесценным материалом для истории.

Снимки из личного собрания автора и архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга

Сдано в набор 12.07.92. Подписано к печати 08.09.92. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 140 624 экз. Заказ № 1953. Цена в розницу договорная, 2 руб. по подписке.

Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.